

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№1/2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера: «Киберпсихология и общество»

Theme of the issue “Cyberpsychology and Society”

2020 г. Том 11. № 1

2020. Vol. 11. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science**

Главный редактор
Наталия Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,
В.А. Лабунская, А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,
Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталия Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Моторина Л.Е., Черняева Г.В. Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде 8

Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов 27

Терещенко С.Ю., Смольникова М.В. Нейробиологические факторы риска формирования интернет-зависимости у подростков: актуальные гипотезы и ближайшие перспективы 55

Дубров Д.И. Информационно-коммуникационные технологии и семейные отношения: вред или польза? 72

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Белинская Е.П., Агадуллина Е.Р. Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации 92

Ефремова М.В., Бульцева М.А. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах 107

Панферов В.Н., Безгодова С.А., Васильева С.В., Иванов А.С., Микляева А.В. Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции) 127

Красило Т.А. Взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое взаимодействие и креативностью у дошкольников 144

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Татарко А.Н., Макласова Е.В., Лепшокова З.Х., Галятина В.Н., Ефремова М.В., Дубров Д.И., Бульцева М.А., Бушина Е.В., Миронова А.А. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий 159

Федоров В.В. Структура самопрезентации подростков в реальном общении и социальных сетях 180

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА

Нартова-Бочавер С.К., Адамян А.А. Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия 193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Светлой памяти Елены Олеговны Смирновой 211

CONTENTS

EDITORIAL

Tolstykh N.N. Foreword by the Editor 5

THEORETICAL RESEARCH

Motorina L.E., Cherniaeva G.V. Psychological virtual reality in a computer interactive environment 8

Kochetkov N.V. Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists 27

Tereshchenko S.Y., Smolnikova M.V. Neurobiological risk factors in the formation of internet addiction in adolescence: vital hypotheses and the nearest perspectives 55

Dubrov D.I. Information and communication technologies and family relations: harm or benefit? 72

EMPIRICAL RESEARCH

Belinskaya E.P., Agadullina E.R. Relative deprivation and an avoidance coping in network communication 92

Efremova M.V., Bultseva M.A. The relationship between individual values and prosocial behavior in an online and offline contexts 107

Panferov V.N., Bezgodova S.A., Vasileva S.V., Ivanov A.S., Miklyaeva A.V. Efficiency of learning and academic motivation of students in conditions of online interaction with the teacher (on the example of video-lecture) 127

Krasilo T.A. The relationship between the frequency of use of electronic gadgets, inclusion in game interaction and creativity among preschoolers 144

METHODOLOGICAL TOOLS

Tatarko A.N., Maklasova E.V., Lepshokova Z.K., Galyapina V.N., Efremova M.V., Dubrov D.I., Bultseva M.A., Bushina E.V., Mironova A.A. Assessment methodology of involvement in information and communication technology using 159

Fyodorov V.V. The structure of self-presentation of adolescents in real communication and social networks 180

NON-THEMATIC ARTICLES

Nartova-Bochaver S.K., Adamyan A.A. Forgiveness and home environment as aspects of interpersonal interaction 193

SCIENTIFIC LIFE

In memory of E.O. Smirnova 211

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора

Толстых Н.Н.

**Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru**

Для цитаты: Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110101>

Foreword by the Editor

Natalia N. Tolstykh

**Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru**

We continue our discussion of cyberpsychology, which we started in our previous issue, the fourth issue of 2019. We received so many articles on cyberpsychology that even with our rigorous selection process, we could not fit all the articles into one issue. Hence we made a decision to devote another issue to this topic.

For citation: Tolstykh N.N. Foreword by the Editor. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110101> (In Russ.).

Мы продолжаем разговор о киберпсихологии, начатый в предыдущем, четвертом за 2019 год, номере журнала «Социальная психология и общество». Редакция получила так много статей по проблемам киберпсихологии, что даже при тщательном отборе они не смогли уместиться в одном тематическом выпуске, в связи с чем было принято решение полностью посвятить этим проблемам еще один номер журнала.

В рубрике «Теоретические исследования» представлены четыре статьи, что является достаточно большим количеством

для нашего журнала и может свидетельствовать о том, что уже настало время для осмысления накопленных к сегодняшнему дню фактов, результатов эмпирических исследований, выводов и размышлений, к которым приходят ученые.

Открывает номер статья Л.Е. Моториной и Г.В. Черняевой «Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде», в которой авторы дают свое определение понятия «психологическая виртуальная реальность», соотнося его с такими бытующими сегодня терминами, как «киберпро-

странство», «компьютерная виртуальная реальность», «компьютерная интерактивная среда», «интерактивный опыт». Они также предлагают свою типологию субъектов-участников виртуальной реальности, оценивая ее как полезный инструмент для практического применения в социально-психологическом консультировании и социальной работе.

В трех последующих статьях рубрики авторы фокусируют внимание на рисках интернет-зависимости, геймерства, вовлеченности в использование информационно-коммуникативных технологий. Н.В. Кочетков в своей статье делает обзор отечественных исследований проблемы интернет- и игровой зависимости, которые однозначно свидетельствуют об их пагубном влиянии на человека. Автор приходит к заключению, что, с одной стороны, именно риски интернета привлекали внимание большинства исследователей предыдущих двух десятилетий XXI века, а с другой — что в последние годы интерес к изучению интернет-аддикций сменяется на интерес к ресурсной стороне вовлеченности в сетевые коммуникации и т.п. Физиологи С.Ю. Терещенко и М.В. Смольникова рассматривают исследования, направленные на поиск нейробиологических факторов риска формирования интернет-зависимости у подростков, которые проводятся учеными во всем мире. Наконец, в статье Д.И. Дуброва обсуждаются имеющиеся в литературе ответы на вопрос о том, как влияет интернет на семейные отношения. Автор анализирует аргументы в пользу четырех основных гипотез о характере влияния интернета на семейные отношения, охватывающих диапазон от сугубо негативного до весьма позитивного.

Рубрика «Эмпирические исследования» отражает тренд последних лет — фиксацию на рисках, которые несет человеку интернет, а изучение конкретных

проблем, появляющихся в жизни людей (и общества в целом) с приходом цифровой культуры, что мы отмечали и в предисловии к предыдущему выпуску. В статье Е.П. Белинской и Е.Р. Агадуллиной исследуется такой фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации, как переживание относительной депривации. М.В. Ефремова и М.А. Бульцева выявляют взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. В статье В.Н. Панферова с соавт. на примере использования видеолекции в процессе преподавания в вузе оценивается эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем. Наконец, Т.А. Красило в своей работе исследует взаимосвязи между тремя переменными: частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое взаимодействие и креативностью у дошкольников.

Рубрика «Методический инструментарий» представлена двумя статьями. Статья А.Н. Татарко с соавт. как бы возвращает нас к проблематике рисков интернет-зависимости, но уже на ином уровне — уровне операционализации явления вовлеченности людей в использование ИКТ, дающей возможность детального анализа степени и характера этой вовлеченности. Авторы статьи описывают разработанную и валидизированную ими методику, включающую четыре шкалы: «Экономические действия в интернете», «Коммуникация в социальных сетях», «Использование смартфона», «Разнообразие сфер использования ИКТ». В.В. Федоров в своей статье описывает процедуру разработки методического подхода к изучению структуры самопрезентации подростков в реальной жизни и в социальных сетях, а также те результаты, которые были получены с использованием этого подхода.

Вне темы номера публикуется статья С.К. Нартовой-Бочавер и А.А. Адамян «Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия».

В научной жизни психологического сообщества произошло печальное событие — ушла из жизни доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ) Елена Олеговна Смирнова. Мы были дружны. Встретились, чтобы уже не расставаться, в 1966 году, оказавшись первокурсницами только что созданного факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, потом долгие годы работали бок о бок в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО), а в последнее время и в МГППУ. Еще в студенческие годы вместе участвовали в художественной самодеятельности факультета, а позднее сочиняли и ставили детские новогодние представления (в них Елена Олеговна неизменно исполняла роль Снегурочки) и знаменитые капустники Психологического института, для которых именно она написала множество

невероятно смешных и остроумных песен, часть из которых сегодня считаются буквально народными. Елена Олеговна Смирнова многое сделала в деле изучения психического развития ребенка на ранних этапах детства. Здесь, на страницах журнала «Социальная психология и общество», особо подчеркну ее вклад в расширение и углубление представлений о специфике общения, межличностных отношений на этапах младенческого, раннего и дошкольного детства. И хотя Елена Олеговна не относилась к социальным психологам, ее вклад в развитие этой отрасли знания чрезвычайно весом. Е.О. Смирнова была рецензентом нашего журнала, и ее всегда точные, профессиональные замечания служили улучшению контента, гарантией качества публикуемого материала. Светлая память!

P.S. Номер готовился до резкого обострения ситуации с коронавирусом в нашей стране и в мире. Но именно сейчас, когда этот номер журнала выходит в свет, всем стала очевидна роль общения в сети, обучения с помощью интернета, сохранения культуры, связей между людьми с помощью интерактивных технологий. И это знание останется с нами и тогда, когда (надеюсь, скоро) эпидемия закончится

Информация об авторах

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Natalia N. Tolstykh, Doctor in Psychology, Division Head of the Social psychology of development, Editor-in-Chief of the International Scientific Publication “Social Psychology and Society”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Получена 12.02.2020

Принята в печать 21.02.2020

Received 12.02.2020

Accepted 21.02.2020

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде

Моторина Л.Е.

**ФГБОУ ВПО «Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)»,**

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-7452>, e-mail: lubov-motorina@yandex.ru

Черняева Г.В.

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова),**

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2539-2111>, e-mail: chernyaevagv@mail.ru

Цель исследования: анализ соотношения понятий «киберпространство», «компьютерная виртуальная реальность», «компьютерная интерактивная среда», «интерактивный опыт»; формулировка авторского определения понятия «психологическая виртуальная реальность»; выявление ее функций и особенностей.

Контекст и актуальность исследования. Компьютерные интерактивные среды становятся основными площадками для профессиональной и личностной самореализации современного человека; социальная активность молодежи смещается в интернет-пространство, изменяются модели и формы межличностного взаимодействия и общения, формируются новые психологические конструкты, отражающие виртуальный мир и обеспечивающие взаимодействие с ним. Психологическая виртуальная реальность выполняет роль посредника между человеком как личностью и компьютерной интерактивной средой как формой представленности киберпространства в современном человеческом бытии, а порождаемые в ней психологические конструкты обуславливают формирование новых социально-психологических моделей поведения.

Используемая методология: системный и субъектный подходы, метод сравнительного анализа.

Основные выводы. Создание компьютерных интерактивных сред открыло новый этап в формировании интерактивного человеческого опыта как системы информационно-технологических и социально-психологических компетенций. Назрела необходимость в системной проработке понятийно-категориального аппарата, используемого для описания компьютерных интерактивных сред. Психологическая виртуальная

реальность является компонентом компьютерной интерактивной среды, выполняя ряд важных функций оптимизации взаимодействия человека с компьютерной средой. Анализ системы «человек – компьютерная среда» дает основания различать девять основных психотипов социальных субъектов – участников виртуальной реальности. Разработанная в статье типология может быть рекомендована к применению в качестве методологической основы при разработке социально-психологического диагностического инструментария, в практике социально-психологического консультирования и социальной работы.

Ключевые слова: компьютерная виртуальная реальность, киберпространство, компьютерная интерактивная среда, психологическая виртуальная реальность, виртуальная социализация, психотипы субъектов виртуальной реальности, персональное виртуальное пространство.

Для цитаты: Моторина Л.Е., Черняева Г.В. Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 8–26. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110102>

Psychological virtual reality in a computer interactive environment

Lubov E. Motorina

Moscow Aviation Institute (National Research University),

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-7452>, **e-mail:** lubov-motorina@yandex.ru

Galina V. Cherniaeva

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2539-2111> **e-mail:** chernyaevagv@mail.ru

Objectives: *analysis of the correlation between concepts “cyberspace”, “computer virtual reality”, “computer interactive environment”, “interactive experience”; wording of the author’s definition of the term “psychological virtual reality”; identification of its functions and features.*

Background. *Computer interactive environments are becoming the main platforms for the professional and personal self-realization of a modern person, the social activity of youth is shifting to the Internet space, models and forms of interpersonal interaction and communication are changing, new psychological constructs are formed that reflect virtual world and provide interaction with it. Psychological virtual reality acts as an intermediary between a person as a personality and a computer interactive environment as a form of cyberspace representation in modern human life, and the psychological constructs generated in it determine the formation of new socio-psychological behavior patterns.*

Methodology: *systemic and subjective approaches, comparative analysis method.*

Conclusions. *The creation of computer interactive environments has opened a new stage in the formation of a new interactive human experience as a system of information tech-*

nology and socio-psychological competencies. There is a need for a systematic study of the conceptual-categorical apparatus that is used to describe computer interactive environments. Psychological virtual reality is a component of computer interactive environment, performing number of important functions of optimizing human interaction with computer environment. The analysis of the "man—computer environment" system gives reason to distinguish between nine basic psychotypes of social subjects which are participants of virtual reality. The typology developed in the article can be recommended for use as a methodological basis in the development of socio-psychological diagnostic tools, in the practice of socio-psychological counseling and social work.

Keywords: computer virtual reality, cyberspace, psychological virtual reality, computer interactive environment, virtual socialization, psychotypes of virtual reality subjects, personal virtual space.

For citation: Motorina L.E., Cherniaeva G.V. Psychological virtual reality in a computer interactive environment. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110102>. (In Russ.).

Введение

Поворотным моментом в возникновении и исследовании новых типов реальности стало появление компьютеров как *средства конструирования предметного мира* [27] и информационной среды как *поля и продукта применения информационных технологий*. В динамике осмысления повседневности появление компьютеров выглядело как появление новой реалии, новой предметной среды, новой сферы человеческой деятельности и сопутствующих им значений и смыслов. Помимо этого, компьютерные сети стали выполнять дополнительные, неспецифические функции, в частности, стали инструментом подтверждения очевидности существования многих проявлений объективной реальности, включая самоподтверждение. По словам известного испанского исследователя цивилизационных процессов современности М. Кастельса, понятие компьютерной виртуальной реальности оказалось

ключевым в постижении *смысла эпохи информации* как в целом, так и в ее аспектах: социальном, политическом, антропологическом, психологическом, технологическом и др. Именно с появлением компьютеров, по его мнению, «начинается новый этап развития общества, в котором “вымываются идентичности” и виртуальное признается *образующим и неотъемлемым атрибутом нового мирового порядка*» [24, с. 162], а появление новых типов реальности вполне вписывается в зарождающийся порядок «пространства потоков» и «безвременного времени» [24, с. 406]. Думается, эта фраза М. Кастельса является ключевой к построению вектора философских, методологических и общетеоретических исследований новых типов реальности (киберпространства, виртуальной реальности, дополненной, цифровой и др.).

Актуальность темы нашего исследования связана, прежде всего, с тем, что компьютерные интерактивные среды становятся основными площадками

для профессиональной и личностной самореализации современного человека, социальная активность людей, особенно молодежи, все более смещается в интернет-пространство. Изменяются модели и формы межличностного взаимодействия и общения, синхронное взаимодействие в системе «личность—социальная группа» нарушается [7, с. 12]. В сознании активно взаимодействующих с интернетом людей формируются новые психологические конструкты, отражающие виртуальный мир и обеспечивающие взаимодействие с ним, в том числе — психологическая виртуальная реальность. Необходимо теоретически осмыслить новые феномены и с их учетом модифицировать формы социально-психологической поддержки личности. В данной связи можно согласиться с мнением А.Е. Войскунского и Г.Я. Меньшиковой, что исследованию теоретических и практических проблем, связанных с современными информационными технологиями, в российской психологии уделяется крайне мало внимания [4, с. 23]. Это касается и разработки понятийного аппарата: даже ключевые понятия современной виртуалистики являются предметом продолжающейся научной дискуссии [2; 9; 14].

Цели данной статьи: провести анализ понятий «киберпространство», «компьютерная виртуальная реальность», «компьютерная интерактивная среда», «интерактивный опыт»; предложить авторское определение понятия «психологическая виртуальная реальность»; выявить ее функции и особенности. Наиболее адекватными предмету и целям исследования являются метод сравнительного анализа, системный и субъектный подходы [18].

Понятия виртуальной реальности и киберпространства как образующие компьютерной интерактивной среды

Одним из ключевых терминов, используемых в современной научной литературе для обозначения различных видов компьютерной реальности, является понятие киберпространства. Термин «киберпространство» ворвался в научный дискурс из размышлений известного писателя-фантаста Уильяма Гибсона в процессе поиска новой идеи для своего творчества. Он впервые употребил данный термин в новелле «Сожжение Хром» (*Burring chrome*), затем популяризировал в романе «Нейромания» (*Neuromancer*, 1985). Гибсон искал новую арену фантастических действий по сравнению с космосом, космическими кораблями, выступающими для авторов-фантастов его времени, как сейчас принято говорить, основной площадкой. Термин «киберпространство» пришел к нему неожиданно. Однажды Гибсон сидел со своим желтым блокнотом, стучал по нему карандашом и писал предполагаемые названия новой площадки для фантастических действий своих героев: «информационное пространство», «пространство данных...», и с третьей попытки возник термин «киберпространство». Термин первоначально показался несколько странным, но, по словам Гибсона, «классным», и он остановился на нем. По сути, Гибсон выбрал термин «киберпространство» на основе ощущения: оно звучало для него так, как будто *означало* что-то, но при этом оставалось, по существу, внутри пустым. Гибсон назвал находку «непонятным неологизмом». «Непонятный неологизм» и запутанность идеи — так

оценил писатель-фантаст свои шансы на применение нового слова в будущем творчестве. «У меня не было концепции, с чего должно все начинаться, — анализировал впоследствии Гибсон рождение идеи киберпространства. — Я думаю, что неологизм и вся запутанность основной идеи были важными вещами. Я составил целый букет событий и вещей, которые могли случиться в киберпространстве, и так я заполнил мою смысловую пустоту в этом неологизме» [6]. Но так как вскоре реальный мир пришел вместе со своим реальным киберпространством, идеи Гибсона просуществовали недолго. Зато неологизм «продолжил» путь в научном дискурсе уже в статусе нового понятия.

Идея взаимодействия человека и компьютерной сети использовалась в 70-е гг. XX в. в экспериментах, проводимых в Массачусетском технологическом институте. На эти эксперименты ссылается в книге «Виртуальная реальность» (Virtual Reality, 1993) известный американский журналист и исследователь Фрэнсис Хэмит, занимающийся исследованиями новых технологий. Книга представляет ряд очерков, описывающих технические особенности развивающейся технологии, где автор показывает этот процесс в широком политическом, социальном и деловом контексте. Ф. Хэмит определяет виртуальную реальность как «соединение компьютерной графики со взаимодействием “человек—компьютер”» [21, с. 39–40]. Благодаря технологиям виртуальной реальности, отмечает он, стало возможным превратить двумерный образ в трехмерное управление реальностью. Поиск более тесного взаимодействия человека с компьютером способствовал поиску новых средств воздействия на них с целью повышения эффективности управления процессами

взаимодействия в системе «человек—компьютер». Идея возможности и продуктивности использования виртуальных объектов как заменителей объектов реального мира оказалась «прорывной», она, с одной стороны, открывала новые направления социально-психологических исследований, с другой — методологически обеспечивала восприятие взаимодействия человека и компьютера как необходимое, осуществимое, позволяющее использовать преимущества каждого из его участников.

Ф. Хэмит убедительно показал, что не только менеджер виртуального пространства, но и каждый пользователь виртуального мира должен быть готов брать и передвигать объекты, существуя внутри этого мира, а также перемещать внутри киберпространства свое тело или его части. По мере того, как «человек овладевал программами новой реальности, к нему приходило чувство воодушевления и легкости в обращении с компьютером, что порождало эффект, именуемый “флоу” (поток, течение)» [21, с. 41].

Американский философ Майкл Хаем в работе «Метафизика виртуальной реальности» (The Metaphysics of virtual reality, 1991) изложил свое понимание киберпространства, которое перекликается с идеями У. Гибсона и Ф. Хэмита. С точки зрения М. Хаема, киберпространство — это большая компьютерная сеть, в которой свернуты виртуальные реальности, это набор ориентированных точек, по которым мы находим наш путь среди невероятного количества информации. Подобно медиатору, киберпространство вовлекает человека в общение. Входя в киберпространство, человек должен, по крайней мере, в общих чертах составлять мысленную карту управления электронной сетью. Без такой карты

поиски необходимой информации могут занять недопустимо большое время либо вовсе оказаться непродуктивными. В современном киберпространстве сформировался особый язык символов и значений, не опирающийся на тысячелетиями складывающиеся символические миры различных народов. Поэтому работа в киберпространстве требует от человека не только развития особых информационно-технологических компетенций, но и формирования новых способов восприятия и структурирования киберпространства. Именно поэтому для успешного освоения киберпространства М. Хаем призывает развивать «внутреннее чувство топологической реальности» и поясняет, что внутренняя карта, создаваемая нами для себя, вкупе с программным обеспечением — это и есть киберпространство [25, с. 78–80].

Многие отечественные авторы определяют киберпространство как событийно-предметное пространство сети и как пространство кодов, представляющих массивы информации (базы данных, коммуникация пакетов, веб-дизайнеров и т.д.) [1; 9; 15]. Но в научных публикациях представлены и другие подходы. Так, например, А.Г. Волов утверждает, что «если слово “киберпространство” употреблять не в переносном, а в буквальном значении, то нелепо говорить о киберпространстве “внутри машины”. Можно говорить о киберпространстве как виде перцептуального или концептуального пространства, созданного человеком» [5, с. 49–50]. Думается, эти точки зрения различаются ракурсами исследования, в первом случае акцентируются технический и технологический аспекты исследования киберпространства, во втором — социокультурный, гносеологический и психологический.

Таким образом, содержание понятия киберпространства, несмотря на широкие дискуссии вокруг него, по сей день остается непроявленным, размытым, не проясненным сколько-нибудь общепринятым способом. Можно констатировать лишь факт его широкого междисциплинарного исследования. В данной связи представляют интерес и некоторые другие подходы и результаты исследований. Так, специалист в области виртуальной реальности Уильям Брикен (William Bricken) из лаборатории пользовательского интерфейса технологий Университета в Вашингтоне (Human Interface Technology Laboratory, University of Washington) сформулировал правила в виде предельно кратких тезисов, которые вполне можно принять как некие методологические и общетеоретические основания для будущих исследований компьютерной виртуальной реальности: «1. Психология — это физика виртуальной реальности. 2. Наше тело — интерфейс. 3. Знание — это эксперимент. 4. Факт — это среда. 5. Пространство и время подлежат дальнейшему изучению. 6. Реализм не обязателен» [21, с. 48].

Разумеется, правила У. Брикена не бесспорны, требуют тщательного теоретического и практического обоснования, но полезны, так как представляют собой важный, новый и оригинальный шаг в осмыслении перспектив дальнейшего информационно-технологического развития человечества и углубления философско-мировоззренческого, философско-методологического и психологического понимания механизмов взаимодействия человека и компьютера, человечества и компьютерной виртуальной реальности.

Итак, *киберпространство* — это понятие, используемое в социально-гума-

нитарных и иных областях современного научного знания для обозначения компьютерных событий, процессов, алгоритмов и создаваемых с их помощью баз больших данных (Big Date), которые существуют и разворачиваются в пределах компьютерной реальности (так сказать, «внутри» компьютера и компьютерных сетей).

Современному киберпространству свойственны:

- *Отсутствие географической локализации* (компьютерные события и процессы трансграничны, они не происходят в отдельных городах и странах, где находятся компьютеры, зарегистрированы серверы, проживают или работают разработчики программ или участники сессий);

- *интерсубъектность* (компьютерные разработки и процессы сегодня зачастую являются результатом совместной параллельной работы в сети множества ее участников);

- *частичная анонимность* (часть киберпространства на данном этапе трудно или невозможно субъектно идентифицировать);

- *полифункциональность* (затрагивает все сферы жизнедеятельности общества);

- *сверхдинамичность* (исключительно быстро изменяется, информационно разворачивается); представляет собой тип «быстро растущей системы» (своего рода расширяющаяся информационная Вселенная);

- *темпоральная многовекторность* (обеспечивает пребывание в настоящем, а также на различных срезах прошлого и возможного будущего);

- *относительная самостоятельность* (при условии материального ресурсного обеспечения может без целенаправленного воздействия со стороны

человека порождать новые микро- и макрособытия).

Таким образом, можно констатировать, что в современных условиях *киберпространство* можно рассматривать как единое, относительно целостное, безличное информационно-технологическое «поле» реализованных и нереализованных интеллектуальных и психологических возможностей человечества, как надмировой информационно-технологический ресурс, как совокупность представленных в свернутом виде потоков виртуальных реальностей.

Создавая событие («триггер»), запускающее поток («флоу»), *человек изменяет «ткань бытия» киберпространства*, меняя традиционные модели восприятия человеком пространственно-временной картины реального мира, *порождая множество кажимостей*, противоречивых, исключающих друг друга потоков восприятий и представлений. Традиционные модели восприятия, в рамках которых длительное время осуществлялись процессы адаптации и социализации человека, и которые закреплены в языке, моделях поведения, ценностях и традициях, нравах и ритуалах, *вдруг* в пределах одного—двух поколений пришли в движение, создавая иллюзии множественности объективных миров, а также множественности субъективных реальностей у каждого человека.

Во многом именно благодаря тотальной информатизации в современных развитых государствах происходит существенная трансформация восприятия человеком многих прежних констант его бытия: пространства, темпоральности, тела, форм коммуникаций и т.д. [3]. Эти фундаментальные экзистенциальные векторы человеческого отношения к миру должны быть определены, заданы, социально нормированы и принци-

пиально оценены. Без такого социального конструирования у многих людей, не прошедших успешно политическую, профессиональную, религиозную, экономическую и другие институциональные формы взрослой социализации, размываются социально приемлемые ценностные ориентации, теряются нравственные ориентиры, формируются преимущественно эго-ориентированные шаблоны восприятия и поведения.

С формированием компьютерной интерактивной среды, детерминированной как присутствием человека в компьютерной сети, так и присутствием компьютерной сети в жизненном мире человеческого бытия, на передний план выходят проблемы методологии исследования и формирования электронной культуры [2], проблемы управления социализацией и развитием адаптационных способностей человека в новых информационно-технологических реалиях, а также исследование социально-психологических аспектов взаимодействий в компьютерной интерактивной среде.

Исторические основания и смысловые границы понятия «компьютерная интерактивная среда»

Развитие современных информационных технологий обеспечило создание и активное использование как в игровой индустрии, так и в ряде сфер практической деятельности (космических и транспортных системах, медицине, образовании, киноиндустрии и проч.) различных компьютерных интерактивных сред. Важными вехами на пути их формирования стали разработки Ф. Брукса и М. Крюгера.

В начале 70-х гг. XX в. американский специалист в области теории вычислительных систем Фредерик Брукс (Университет штата Северная Каролина в Чапел-Хилл) сделал важный шаг в развитии компьютерной графики, создав панорамный дисплей, который позволял человеку ориентироваться в графическом пространстве простым поворотом головы. Ф. Брукс в течение нескольких десятилетий возглавлял разработки операционных систем, ввел в научный оборот термин «архитектура компьютера» (computer architecture) и внес исторически значимый вклад в развитие инженерии программного обеспечения. Его книга «Мифический человек-месяц или как создаются программные системы» [23] приобрела широкую мировую известность.

Другой известный американский специалист по компьютерным технологиям М. Крюгер начиная с 1969 г. создал ряд компьютерных интерактивных сред. Его достижением было обеспечение свободного и мультисенсорного участия человека в компьютерных событиях. Крюгер открыл интересный факт. Его удивило, что неподготовленные в техническом отношении люди воспринимали спроектированную реальность как обычную реальность. «Участники» виртуального события воспринимали компьютерный образ себя как свое собственное измерение: они утверждали, что с ними происходило то же, что и с их виртуальными образами, и подчеркивали, что чувственно осязают свой образ. Если же Крюгер накладывал на их виртуальные образы свой образ, испытуемые соблюдали личную настороженность, избегали соприкосновения с ним [26, с. 19–26]. Эти наблюдения привели ученого к созданию видеопространства, в которое люди мог-

ли входить с разных точек, чтобы активно взаимодействовать друг с другом и графическими «творениями». Созданный таким образом мир оказался совершенно иным, не ограниченным известными и привычными людям закономерностями физического и психологического восприятия. Такой создаваемый с помощью видеопространства опыт восприятия М. Крюгер назвал «искусственной реальностью» или «интерактивным опытом». По мнению М. Крюгера, интерактивный опыт открывал новые возможности для исследования человеком самого себя, для расширения адаптационных возможностей восприятия человеком себя как субъекта интерактивной компьютерной среды.

Создание компьютерных интерактивных сред М. Крюгером означало новый этап в развитии компьютерных технологий, а именно — *переход от простого реактивного взаимодействия с компьютерными событиями к активному управлению ими и участию в них на основе ориентации на непосредственные личные восприятия*. За счет новых возможностей взаимодействия с другими людьми в компьютерной интерактивной среде опыт пребывания человека в ней, по мнению М. Крюгера, повышал личностное значение интерактивного опыта по сравнению с реальным, а компьютерная интерактивная среда стала выполнять функции посредника между интерактивным опытом человека и его задачами взаимодействия в реальном бытии.

Обобщая выводы ученых, стоявших у истоков создания компьютерной виртуальной реальности, выделим некоторые характерные свойства компьютерной интерактивной среды, которые позволили бы очертить смысловые границы данного понятия.

- Интерактивность как свойство компьютерной интерактивной среды представляет собой сущность данной среды. Принцип взаимодействия является определяющим, в какой-то мере системообразующим свойством для всех других свойств и параметров.

- Порождаемость — свойство компьютерной интерактивной среды, указывающее на ее искусственный характер, на компьютерные средства, при помощи которых она конструируется. Если технику как первую ступень опосредованного отношения человека к миру порождает человек, то компьютерную интерактивную среду «порождает» киберпространство, т.е. налицо феномен «двойного опосредования» отношений человека к физической реальности [13].

- Феномен активного участия пользователя в интерактивной среде, а не просто взаимодействие человека с компьютерными событиями, благодаря которому возникает эффект присутствия человека в компьютерной среде, сопровождающийся чувством единства с компьютером.

- Имитация физических свойств реального пространства (объем, движение) и времени (длительность, прерывность — непрерывность) при снятии ограничений физических законов.

- Значительное повышение степеней свободы взаимодействующих субъектов, увеличение продуктивности взаимодействия.

- Формирование устойчивых виртуальных связей, систематическое участие в компьютерных событиях приводят к формированию интерактивного опыта с возможностью перенесения и включения данного опыта в различные жизненные практики человека с целью повышения их эффективности и креативности.

Возможность формирования человеком наряду с реальным жизненным опытом компьютерного интерактивного опыта открыла новое направление психологических исследований — изучение отражения в психике человека компьютерного интерактивного опыта — психологической виртуальной реальности.

Психологическая виртуальная реальность как компонент компьютерной интерактивной среды

Понятие «психологическая реальность» представляет собой одну из самых объемных по содержанию психологических категорий, именно с этим связаны значительные трудности в выявлении критериев демаркации «реальности—нереальности» и конструировании его сущностного определения. В целом можно согласиться с точкой зрения А.А. Полонникова, который пришел к выводу, что «субстрат реальности связан с тем, что иногда называют “диспозиционными детерминантами поведения”: установками сознания, когнитивной сложностью внутреннего мира, актуально сложившимися ментальными доминантами», но вместе с тем «реальность нельзя рассматривать только как диспозиционную переменную, а скорее, как результирующую» [16]. Психолог уточняет, что «реальность точнее рассматривать как атрибуцию индивида. Входящий в человеческий мир субъект долговременным и социально приемлемым способом присваивает ее, а, будучи усвоенной, реальность воспринимается как имманенция индивида» [16].

Психологическая виртуальная реальность может быть определена как

комплекс эмоционально окрашенных восприятий и представлений, а именно: воспринимаемая социальными субъектами относительно целостная картина содержания, взаимосвязи и динамики доступных им виртуальных объектов (электронных текстов, визуальных образов, аудиоинформации, адресов, источников информации, справочных систем, алгоритмов поиска и формирования информации, межличностных контактов и социальных дистанций и др.), их взаимодействий и отношений. Психологическая виртуальная реальность — это своего рода психологическая призма, которая, несколько смещая акценты, отчасти искажая содержание виртуальной реальности, выполняет важнейшие *функции* оптимизации взаимодействия человека с компьютерной средой и ориентации в киберпространстве. Наряду с оптимизационной и ориентационной функциями среди функций психологической виртуальной реальности можно отметить мотивационную, коммуникативную, прагматическую, аксиологическую, а также функции реализации потребностей, фокусирования внимания, стереотипизации виртуальных взаимодействий, психологической защиты, профилактики и нейтрализации конфликтов. Перечисленные и иные функции психологической виртуальной реальности отражают не только виртуальные «миры», участником которых был человек, но и процессы *виртуальной социализации*, понимаемой как процесс вхождения личности во взаимодействия и отношения с виртуальными субъектами (как с реальными людьми, так и с вымышленными персонажами и образами, порождаемыми современными компьютерными технологиями). Как показывают результаты исследований, есть объективные основания для идентичной

семантической репрезентации текста в головном мозге человека вне зависимости от того, читают его или слушают [8]. Можно с высокой вероятностью предположить, что восприятие человеком информации, поступающей из виртуальной интерактивной среды, имеет объективную тенденцию быть семантически репрезентированной идентично информации, воспринимаемой из реальной среды за исключением случаев, когда воспринимающий субъект формирует идентифицирующие доминанты, позволяющие проводить демаркацию реального и искусственного миров. Помимо этого, большую роль играют похожесть виртуальных субъектов на людей или мыслящих по образу и подобию человека существ, а также умело достигаемые с помощью современных технико-технологических средств эффекты реалистичности действий, сюжетов, сценариев интерактивной среды. Третьей важной причиной восприятия виртуальных субъектов как реальных является массовость участия людей в виртуальных средах и их активность обмена информацией в социальных сетях. Участники виртуальных сессий и игр постоянно обмениваются своими впечатлениями, эмоциями, мнениями относительно персонажей игр. Таким образом, виртуальные субъекты «онтологизируются», становятся неотъемлемым, «естественным» сегментом повседневности подобно героям телесериалов или известным телеведущим, которые зачастую начинают восприниматься телезрителями как члены их семьи. Субъекты виртуального пространства психологически еще «ближе», они воспринимаются как верные, надежные друзья: они в любую минуту по желанию человека появляются в поле взаимодействия с ним. Это происходит всегда, когда доступны интернет

и гаджет. Поэтому столь легко происходит «сдвиг на реальность» в восприятии человеком виртуальных субъектов.

Функции психологической виртуальной реальности актуализируются и дифференцируются также по мере возникновения проблем в повседневной жизнедеятельности личности, в процессе реальной социализации. Именно потому, что психологическая виртуальная реальность полифункциональна, включена в повседневность и по видимости абсолютно реалистична, она может при определенных условиях доминировать над «подлинной», действительной психологической реальностью, как бы поглощая ее. Реальность заменяется симулякрами [22], симулякры воспринимаются как реальность и привносятся в реальность.

Обобщая, можно сделать вывод, что психологическая виртуальная реальность как компонент компьютерной интерактивной среды выполняет *роль посредника между человеком как личностью и компьютерной интерактивной средой как формой представленности киберпространства в современном человеческом бытии.*

Психологическая виртуальная реальность уникальна и во многом формируется на основе базовых характеристик социального субъекта — ее обладателя. На наш взгляд, целесообразно различать и исследовать следующие *типы социальных субъектов-носителей психологической виртуальной реальности*: личность; интернет-активные микрогруппы (например, проживающая отдельно от родителей семейная пара студентов или дружеский тандем); целеориентированные интернет-активные малые группы (например, студенческие группы, проектные группы, спортивные команды, группы по интересам); средние и большие группы (например, активные форумы по акту-

альным проблемам или активные группы в компьютерных социальных сетях, активно взаимодействующие профессиональные группы и сообщества).

На основании различения типов активности участников системы «человек—компьютерная среда» и, прежде всего, способа возникновения виртуального контента в фокусе внимания человека целесообразно выделять, как минимум, *три типа персональной психологической виртуальной реальности* (ППВР):

- пассивная ППВР как следствие овладения самой виртуальной реальностью сознанием человека (характеризуется доминированием активности компьютерной среды и минимизацией активности человека);
- умеренно активная ППВР, для которой свойственно попеременное доминирование активности человека и компьютерной среды;
- активная ППВР как результат постоянных активных усилий самого чело-

века по организации взаимодействия с компьютерной средой и активное ее формирование (расширение, структурирование, оптимизация и проч.).

На основании различения объема взаимодействия участников системы «человек—компьютерная среда» имеет смысл различать еще три типа *персональной психологической виртуальной реальности*:

- ППВР с высоким объемом взаимодействия;
- ППВР со средним (типичным) объемом взаимодействия;
- ППВР с низким объемом взаимодействия.

На основе применения приема разработки логического квадрата с учетом выделенных нами типов персональной психологической виртуальной реальности в таблице представлены *психотипы субъектов—участников виртуальной реальности*.

Представленные в таблице девять основных психотипов субъектов—участ-

Т а б л и ц а

Основные психотипы социальных субъектов—участников виртуальной реальности (ВР)

Объем взаимодействия участников системы «человек—компьютерная среда»	Активность участников системы «человек—компьютерная среда»		
	Пассивная ППВР (доминирование активности компьютерной среды)	Умеренно активная ППВР (попеременное доминирование активности человека и компьютерной среды)	Активная ППВР (доминирование активности человека)
ППВР с высоким объемом взаимодействия	Собирающий психотип (ведомый)	Страхующийся психотип (коллекционер)	Формирующий психотип (реализатор)
ППВР со средним (типичным) объемом взаимодействия	Попустительствующий психотип (попуститель)	Ситуативный психотип (менеджер)	Регулирующий психотип (оптимизатор)
ППВР с низким объемом взаимодействия	Потребляющий психотип (некомпетентный)	Ограничивающий психотип (минимизатор)	Целеориентированный психотип (пользователь)

[Источник: разработано авторами]

ников виртуальной реальности не исчерпывают потенциального многообразия вариативов, вместе с тем предпринятая нами типологизация по двум основаниям позволяет: сконцентрировать внимание на главных детерминантах поведения человека в виртуальной интерактивной среде; точнее определять источники проблем взаимодействия определенных категорий людей с виртуальной средой; а также предложить новый вектор прикладных исследований в данной междисциплинарной области.

Типология психотипов социальных субъектов—участников виртуальной реальности может найти применение в ряде областей: в практике социально-психологического консультирования — при диагностике проблем аддиктивного поведения и в процессе оказания социальной помощи и реабилитации лиц, страдающих компьютерной зависимостью; в семейной психотерапии — для уточнения методов влияния на поведение подростков; в практической психологии личности и персональном менеджменте — для самоидентификации, самодиагностики аддиктивных тенденций и формулирования зон ближайшего развития старшеклассниками и студентами, участвующими в программах личностного роста; в качестве методологической основы — при разработке социально-психологического диагностического инструментария, в частности, диагностических тестов. Выделение психотипов может быть использовано при тестировании социально-психологических компетенций участников системы «человек—машина».

Использованные в таблице наименования психотипов могут быть изменены, выбранные нами наименования отражают главную особенность, стиль и характер взаимодействия человека с ин-

терактивной средой и отчасти созвучны с некоторыми социальными шаблонами поведения, что вполне коррелирует с выводом о том, что в восприятии реальности человеком исключительно весомую роль играют укорененные во внутреннем мире человека социальные шаблоны реальности, что порой «мы вправе сказать»: они «и есть его внутренний мир, его сознание» [16].

В зависимости от того, какие потребности и цели человек чаще всего реализует в интерактивной среде, его персональное виртуальное пространство разворачивается, а затем стабилизируется, персональная психологическая виртуальная реальность приобретает устойчивые характеристики. Некоторые из этих характеристик уникальны, другие — носят общий характер и являются следствиями виртуализации сознания (распределенность, полифонизм, гипертекстуальность, феномен смыслового резонанса, коллажность [10, с. 638], клиповость [20], «игровое» мировоззрение [19]) и формирования новых социально-психологических компетенций. Можно предположить, что по мере увеличения социального интерактивного опыта список характеристик психологической виртуальной реальности будет существенно дополнен.

Выводы

1. Киберпространство — понятие, используемое в социально-гуманитарных и иных областях современного научного знания для обозначения компьютерных событий, процессов, алгоритмов и создаваемых с их помощью баз больших данных (Big Date), которые существуют и разворачиваются в пределах

компьютерной реальности (так сказать, «внутри» компьютера и компьютерных сетей). Киберпространство можно рассматривать как единое, относительно целостное, безличное информационно-технологическое «поле» реализованных и нереализованных возможностей человечества, как надмировой информационно-технологический ресурс, как совокупность представленных в свернутом виде потоков виртуальных реальностей. Киберпространство не имеет географической локализации, трансгранично, интересубъектно, частично анонимно, полифункционально, сверхдинамично, темпорально многовекторно, относительно самостоятельно.

2. Создание М. Крюгером компьютерных интерактивных сред открыло новый этап в развитии компьютерных технологий, в формировании нового человеческого опыта — интерактивного опыта как системы информационно-технологических и социально-психологических компетенций.

3. Психологическая виртуальная реальность как компонент компьютерной интерактивной среды выполняет роль посредника между человеком как личностью и компьютерной интерактивной средой как формой представленности киберпространства в современном человеческом бытии.

4. На основании различения типов активности участников системы «человек—компьютерная среда» и объема взаимодействия целесообразно различать девять основных психотипов социальных субъектов—участников виртуальной реальности: собирающий психотип (ведомый); страхующийся психотип (коллекционер); формирующий психотип (реализатор); попустительствующий психотип (попуститель); ситуативный

психотип (менеджер); регулирующий психотип (оптимизатор); потребляющий психотип (некомпетентный); ограничивающий психотип (минимизатор); целеориентированный психотип (пользователь). Типология рекомендуется к применению в качестве методологической основы при разработке социально-психологического диагностического инструментария, а также в качестве вспомогательного материала в практике социально-психологического консультирования; в процессе социальной работы и реабилитационных мероприятий с лицами, страдающими компьютерной зависимостью; в практической психологии личности, персональном менеджменте, семейной психотерапии.

5. Подводя итоги, можно предложить следующие интерпретации ключевых понятий, в том или ином аспекте соотносящихся с понятием «психологическая виртуальная реальность»: *киберпространство* — это система компьютерных сетей, каналов компьютерных коммуникаций и компьютеров; *компьютерная виртуальная реальность* — это вся информация, весь контент, производимый в киберпространстве; *компьютерная интерактивная среда* — это фрагменты киберпространства и компьютерной виртуальной реальности, потенциально доступные конкретному социальному субъекту; *психологическая виртуальная реальность* — это комплекс эмоционально окрашенных восприятий и представлений, воспринимаемая социальными субъектами относительно целостная картина содержания, взаимосвязи и динамики доступных им виртуальных объектов, их взаимодействий и отношений; *персональная психологическая виртуальная реальность* — совокупность воспринятых конкретным социальным субъек-

ектом виртуальных информационных массивов (фрагментов компьютерной виртуальной реальности), нашедших отражение в его психике; *интерактивный виртуальный опыт* — это комплексы зна-

ний, навыков и умений использования компьютерной интерактивной среды, апробированных социальным субъектом и обеспечивших успешную реализацию поставленных им задач.

Литература

1. *Баева Л.В.* Виртуализация жизненного пространства человека и проблемы игровой интернет-зависимости // *Философские проблемы информационных технологий и жизненные практики человека.* 2016. № 1 (11). С. 8–19.
2. *Баева Л.В.* Электронная культура: опыт философского анализа // *Вопросы философии.* 2013. № 5. С. 75–83.
3. *Баева Л.В.* Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // *Вопросы философии.* 2019. № 4. С. 24–33.
4. *Войскунский А.Е., Меньшикова Г.Я.* О применении систем виртуальной реальности в психологии [Электронный ресурс] // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* 2008. № 1. С. 22–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-primeneni-i-sistem-virtualnoy-realnosti-v-psihologii> (дата обращения: 13.07.2019).
5. *Волов А.Г.* Философский анализ понятия «киберпространство» // *Философские проблемы информационных технологий и жизненные практики человека.* 2011. № 2. С. 49–50.
6. *Гибсон У.* О возникновении «киберпространства» [Электронный ресурс] // *Интервью Paris Preview.* URL: https://cyberpunkworld.net/news/uiljam_gibson_o-vozniknovenii_kiberprostranstva/2011-06-25-126 (дата обращения: 02.04.2019).
7. *Григорьева М.В.* Базовый побудительный механизм социальной активности личности // *Социальная психология и общество.* 2019. Т. 10. № 1. С. 5–17. doi: 10.17759/sps.2019100101
8. *Ивтушок Е.* Мозг не увидел семантической разницы между устной и письменной речью [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/news/2019/08/21/semantics-via-modality> (дата обращения: 21.08.2019).
9. *Кирик Т.А.* Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы. Курган: КГУ, 2007. 134 с.
10. *Кириллова Н.Б., Пестова А.В.* «Виртуальный человек» как феномен новой социокультурной цивилизации // *Культура и цивилизация.* 2017. Т. 7. № 4 А. С. 628–641.
11. *Крюгер М.* Искусственная реальность: прошлое и будущее // *Возможные миры и виртуальные реальности* / Пер. с англ. А. Дзюбенко; сост.: В.Я. Друк, П.В. Руднев. Вып. 1. М.: Институт сновидений и виртуальной реальности, 1995. С. 49.
12. *Михайлов И.Ф.* Виртуальные проекции человеческого мира: мультиагентные системы // *Философские проблемы информационных технологий и жизненные практики человека.* 2017. № 1 (13). С. 26–45. doi: 10.17726/philIT.2017.1.2
13. *Моторина Л.Е.* Экзистенциальное, инструментальное и цифровое пространство как онтологические различия антропологической целостности // *Философское образование.* 2018. № 1 (37). С. 39–44.

14. Носов Н.А. Виртуальная психология [Электронный ресурс]. М.: Аграф, 2000. 432 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1353349&pg=5> (дата обращения: 30.07.2019).
15. Петлин М.А. Социально-философские аспекты киберпространства // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 78–90.
16. Полонников А.А. Структура психологической реальности [Электронный ресурс] // Очерки методики преподавания психологии. Системно-ситуационный анализ психологического взаимодействия // Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/polonn/1.htm> (дата обращения: 13.07.2019).
17. Погонцева Д.В. Самопрезентация в киберпространстве // Философские проблемы информационных технологий и жизненные практики человека. 2012. № 2 (4). С. 66–72.
18. Субъектный подход в психологии / Под. ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. 619 с.
19. Усанова Д.О. Виртуальная культура как феномен современности и репрезентация ее в субкультурных практиках // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 395–397.
20. Фрумкин К.Г. Утрата человеческого облика, или Феноменологическая социология в эпоху Интернета // Человек. 2009. № 4. С. 112–119.
21. Хэммит Ф. Виртуальная реальность / Пер. с англ. А. Дзюбенко; сост.: В.Я. Друк, П.В. Руднев // Возможные миры и виртуальные реальности. Вып. 1. М.: Институт сновидений и виртуальной реальности, 1995.
22. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Edition Galilee, 1981. 235 p.
23. Brooks F.P. The mythical Man-Month. Essays on Software Engineering. Brooks-Addison-Wesley Professional. 2nd. edition. 1995. 322 p.
24. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: in 3 vol. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 2nd edition. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. 656 p.
25. Heim M. The Metaphysics of virtual reality. New York; Oxford: Oxford University press, 1993. 175 p.
26. Krueger M.W. Artificial reality: Past and future // Virtual reality: theory, practice and promise / In Sandra K. Helsel, Judith Paris Roth (eds.). Westport and London: Meckler, 1991. P. 19–26.
27. Motorina L.E., Sytnik V.M. Man's Attitude to Things: Objective Being // Nova prisutnost. 2019. Vol. 17. № 1. P. 163–173. doi.org/10.31192/np.17.1.10

References

1. Baeva L.V. Virtualizatsiya zhiznennogo prostranstva cheloveka i problemy igrovoi internet-zavisimosti [Virtualization of human living space and problems of gaming internet addiction]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i zhiznennye praktiki cheloveka* [Philosophical problems of information technology and human life practices], 2016, no. 1 (11), pp. 8–19. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Baeva L.V. Elektronnaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza [Electronic culture: the experience of philosophical analysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 5, pp. 75–83. (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Baeva L.V. Teoriya ekzistentsialov M. Khaideggera i M. Bossa i analiz sushchestvovaniya cheloveka v usloviyakh elektronnoi kul'tury [The theory of existentials of M. Heidegger and M. Boss and the analysis of human existence in electronic culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2019, no. 4, pp. 24–33. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Voiskunskii A.E., Men'shikova G.Ya. O primeneniі sistem virtual'noi real'nosti v psikhologii [Elektronnyi resurs] [On the use of virtual reality systems in psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology], 2008, no. 1, pp. 22–36. URL: <http://cyberleninka.ru/article/v/o-primeneniі-sistem-virtualnoy-realnosti-v-psihologii> (Accessed 13.07.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Volov A.G. Filosofskii analiz ponyatiya “kiberprostranstva” [Philosophical analysis of the concept of “cyberspace”]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i zhiznennye praktiki cheloveka* [Philosophical problems of information technology and human life practices], 2011, no. 2, pp. 49–50. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Gibson U. O vozniknovenii «kiberprostranstva» [Elektronnyi resurs] [On the emergence of “cyberspace”]. *Inter'yu Paris Preview* [Interview Paris Preview] URL: https://cyberpunkworld.net/news/uiljam_gibson_o_vozniknovenii_kiberprostranstva/2011-06-25-126 (Accessed 02.04.2019). (In Russ.).
7. Grigoryeva M.V. The basic incentive mechanism of social activity of the individual. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, Vol. 10, no. 1, pp. 5–17. doi: 10.17759/sps.2019100101. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Ivtushok E. Mozg ne uvidel semanticheskoi raznitsy mezhdu ustnoi i pis'mennoi rech'yu [Elektronnyi resurs] [The brain did not see the semantic difference between oral and written speech] URL: <https://nplus1.ru/news/2019/08/21/semantics-via-modality> (Accessed 21.08.2019). (In Russ.).
9. Kirik T.A. Virtual'naya real'nost' i ee ontologicheskie prototipy [Virtual reality and its ontological prototypes]. Kurgan: KSU, 2007. 134 p. (In Russ.).
10. Kirillova N.B., Pestova A.V. «Virtual'nyi chelovek» kak fenomen novoi sotsiokul'turnoi tsivilizatsii [“Virtual man” as a phenomenon of a new sociocultural civilization]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 2017. Vol. 7, no. 4 A, pp. 628–641. (In Russ.).
11. Kryuger M. Iskusstvennaya real'nost': proshloe i budushchee [Artificial reality: past and future]. In V.Ya. Druk, P.V. Rudnev (eds.) *Vozmozhnyye miry i virtual'nye real'nosti* [Possible worlds and virtual realities]. Vol. 1. Moscow: Institut snovidenii i virtual'noi real'nosti, 1995. 49 p. (In Russ.).
12. Mikhailov I.F. Virtual'nye proektsii chelovecheskogo mira: mul'tiagentnye sistemy [Virtual projections of the human world: multi-agent systems]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i zhiznennye praktiki cheloveka* [Philosophical problems of information technology and human life practices], 2017, no. 1 (13), pp. 26–45. doi: 10.17726/phillIT.2017.1.2. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Motorina L.E. Ekzistentsional'noe, instrumental'noe i tsifrovoe prostranstvo kak ontologicheskie razlichiya antropologicheskoi tselostnosti [Existential, instrumental and digital space as ontological differences of anthropological integrity]. *Filosofskoe obrazovanie* [Philosophical education], 2018, no. 1 (37), pp. 39–44. (In Russ.).

14. Nosov N.A. Virtual'naya psikhologiya [Elektronnyi resurs] [Virtual psychology]. Moscow: Agraf, 2000. 432 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=1353349&pg=5> (Accessed 30.07.2019). (In Russ.).
15. Petlin M.A. Sotsial'no-filosofskie aspekty kiberprostranstva [Socio-philosophical aspects of cyberspace]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2014, no. 3, pp. 78–90. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Polonnikov A.A. Struktura psikhologicheskoi real'nosti [Elektronnyi resurs] [The structure of psychological reality]. *Ocherki metodiki prepodavaniya psikhologii. Sistemno-situatsionnyi analiz psikhologicheskogo vzaimodeistviya* [Essays on the methodology of teaching psychology. System-situational analysis of psychological interaction]. Tsentr problem razvitiya obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [Center of Education Development Problems of the Belarusian State University]. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/polonn/1.htm> (Accessed 13.07.2019). (In Russ.).
17. Pogontseva D.V. Samoprezentatsiya v kiberprostranstve [Self-presentation in cyberspace]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i zhiznennye praktiki cheloveka* [Philosophical problems of information technology and human life practices], 2012, no. 2 (4), pp. 66–72. (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Sub"ektnyi podkhod v psikhologii [The subjective approach in psychology]. In Zhuravlev A.L., Znakov V.V., Ryabikina Z.I., Sergienko E.A. (eds.). Moscow: Institut psikhologii RAN, 2009. 619 p. (In Russ.).
19. Usanova D.O. Virtual'naya kul'tura kak fenomen sovremennosti i reprezentatsiya ee v subkul'turnykh praktikakh [Virtual culture as a phenomenon of modernity and its representation in subcultural practices]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2013, no. 11, pp. 395–397. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Frumkin K.G. Utrata chelovecheskogo oblika, ili Fenomenologicheskaya sotsiologiya v epokhu Interneta [The loss of human appearance, or Phenomenological sociology in the era of the Internet]. *Chelovek* [Man], 2009, no. 4, pp. 112–119. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Khemit F. Virtual'naya real'nost' [Virtual reality]. In V.Ya. Druk, P.V. Rudnev (eds.) *Vozmozhnye miry i virtual'nye real'nosti* [Possible worlds and virtual realities]. Vol. 1. Moscow: Institut snovidenii i virtual'noi real'nosti, 1995. (In Russ.).
22. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Edition Galilee, 1981. 235 p.
23. Brooks F.P. The mythical Man-Month. Essays on Software Engineering. Brooks-Addison-Wesley Professional. 2nd. edition. 1995. 322 p.
24. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: in 3 vol. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 2nd edition. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. 656 p.
25. Heim M. The Metaphysics of virtual reality. New York; Oxford: Oxford University press, 1993. 175 p.
26. Krueger M.W. Artificial reality: Past and future. In Sandra K. Helsel and Judith Paris Roth (eds.). *Virtual reality: theory, practice and promise*. Westport and London.: Meckler, 1991, pp. 19–26.
27. Motorina L.E., Sytnik V.M. Man's Attitude to Things: Objective Being. *Nova prisutnost*, 2019, Vol. 17, no. 1, pp. 163–173. doi.org/10.31192/np.17.1.10

Информация об авторах

Моторина Любовь Евстафьевна, кандидат философских наук, профессор кафедры философии, Институт инженерной экономики и гуманитарных наук, ФГБОУ ВПО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-7452>, e-mail: lubov-motorina@yandex.ru

Черняева Галина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2539-2111>, e-mail: chernyaevagv@mail.ru

Information about the authors

Lubov E. Motorina, PhD in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Institute of Engineering Economics and Humanities, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-7452>, e-mail: lubov-motorina@yandex.ru

Galina V. Cherniaeva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of personnel management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2539-2111>, e-mail: chernyaevagv@mail.ru

Получена 30.08.2019

Received 30.08.2019

Принята в печать 21.02.2020

Accepted 21.02.2020

Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов

Кочетков Н.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Цель исследования — сделать аналитический обзор отечественных исследований в области психологии интернет-зависимости и зависимости от компьютерных игр.

Актуальность исследования. Популярность тем, связанных с интернет-технологиями, объясняется их новизной, большой динамичностью и малоизученностью, что вызывает социальную тревожность, катализирующую активность ученых в этой области. Можно отметить высокие темпы распространения кибераддикций, вследствие чего некоторые авторы спешат назвать их угрозой для общества.

Структура исследования. В статье приводятся данные по критериям, диагностическим методикам, причинам, программам профилактики и реабилитации зависимости от интернета и компьютерных игр, даются психологические характеристики аддиктов, прослеживаются современные тенденции исследований этой проблемной области.

Основные выводы. По результатам отечественных эмпирических исследований интернет-пользователи, интернет-аддикты и геймеры отличаются негативными психологическими характеристиками. Интернет обладает деструктивным влиянием на личность, что проявляется в упрощении речи, изоляционизме. Интернет-пользователи имеют сложности в общении, склонность к негативизму, неадекватную самооценку и т.п. Для интернет-аддиктов характерны отклонения в интеллектуальной, мотивационной сферах, межличностных отношениях, стратегиях совладания, ценностных ориентациях, планировании. Пользователи, зависимые от компьютерных игр, отличаются несоответствием социальным нормам, переоценкой своих возможностей, несформированностью образа Я, немотивированностью действий. В настоящее время переосмысливаются основания для выделения критериев кибераддикций, авторы все чаще обращаются к изучению позитивного влияния интернета и компьютерных игр, отмечая их ресурсный потенциал.

Ключевые слова: интернет, киберпсихология, психология интернета, киберсоциализация, интернет-зависимость, проблемное использование интернета, компьютерная зависимость, зависимость от компьютерных игр.

Для цитаты: Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 27–54. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>

Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists

Nikita V. Kochetkov

Moscow State University of Psychology & Education,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Objectives. *This literary review is devoted to domestic research in the field of psychology of Internet addiction and addiction to computer games.*

Background. *The popularity of topics related to Internet technologies is explained by their novelty, great dynamism and poorly studied, which causes social anxiety, catalyzing the activity of scientists in this area. In addition, one can note the high rate of spread of cyberdictions, due to which some authors are in a hurry to call them a threat to society.*

The structure of the study. *The article provides data on the criteria, diagnostic techniques, causes, programs for the prevention and rehabilitation of Internet addiction and computer games, gives psychological characteristics of addicts, and traces the current trends in research into this problem area.*

Conclusions. *According to the results of domestic empirical studies, Internet users, Internet addicts and gamers have negative psychological characteristics. The Internet has a destructive influence on the person, which is manifested in the simplification of speech, isolationism, and Internet users have difficulties in communication, a tendency to negativity, inadequate self-esteem, etc. Internet addicts will be characterized by deviations in the intellectual, motivational spheres, interpersonal relationships, coping strategies, value orientations, and planning. Users who are addicted to computer games will be distinguished by inconsistency with social norms, an overestimation of their capabilities, an unformed form of self, and unmotivated actions. Currently, the grounds for highlighting the criteria for cyberdictions are being rethought, more and more publications are turning to the positive impact of the Internet and computer games, noting their resource potential.*

Keywords: *Internet, cyberpsychology, Internet psychology, cyber socialization, Internet addiction, problem use of the Internet, computer addiction, addiction to computer games.*

For citation: Kochetkov N.V. Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 27–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>. (In Russ.).

Статьи по киберпсихологии принято начинать со статистических данных о распространенности интернета. Однако впечатляют не сами цифры, а темпы роста, причем не только количества пользователей, но и возможностей цифровых

технологий. Если интернет в домах обывателей начал массово появляться всего каких-то 20 лет назад, а его аудитория насчитывала около 1 млн человек [66], то сейчас более 120 млн россиян пользуются Глобальной сетью, а десятая часть из

них не представляет повседневности без возможности выйти в Сеть [39]. Если в начале двухтысячных годов скорости передачи данных хватало для комфортной работы электронной почты, то в третье десятилетие XXI века мы шагнули с технологиями, которые глобально влияют на культуру, формируя картину мира современного человека [48]. Это породило шутки, что человека в современном обществе можно назвать «нетмэном» [26], а в основании пирамиды Маслоу лежат уже не витальные потребности, а доступ в интернет.

Именно такая динамика и масштабы влияния определяют актуальность исследований психологии интернета, делая ее почти что перманентной: за рубежом появляются периодические издания, посвященные киберпсихологии («Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking», «Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace» и др.), в России выходят тематические выпуски журналов («Психология. Журнал ВШЭ», 2011, 2015; «Медицинская психология в России», 2015; «Консультативная психология и психотерапия», 2019; «Социальная психология и общество», 2019), монографии и обзорные статьи [19; 20; 21; 72; 80 и т.д.], в МГУ открывается магистерская программа по киберпсихологии, что также свидетельствует об актуальности тематики.

Одна из основных ее проблем, как нам кажется, — отсутствие единой методологии в рассматриваемом предметном поле. Говоря о кибераддикциях, стоит добавить, что существуют различные представления об их детерминации, генезисе, содержательной наполненности, что делает получаемые данные несравнимыми и порой противоречивыми. Ситуация «усугубляется» тем, что до

недавнего времени вектор научных публикаций был направлен на безусловное доказательство вреда как интернета, так и компьютерных игр, без учета возможных нюансов [58].

Целью данной работы является литературный обзор отечественных публикаций в области психологии интернет-зависимости и зависимости от компьютерных игр, причем упор делается на конкретные эмпирические исследования. Такое сужение темы связано с тем, что эти проблемы привлекают основное внимание общества как новые, динамично меняющиеся, малоизученные и, соответственно, сложно предсказуемые. Именно им посвящено большее количество публикаций.

Психология интернет-зависимости

В рассматриваемой области выделяются два направления исследования: психология интернет-пользователей и психология собственно интернет-зависимости. На наш взгляд, первое из них на данный момент времени не представляется корректным, т.к. подавляющее количество городских жителей обладают смартфонами с перманентным подключением к Сети, что делает интернет-пользователями буквально всех. Тем не менее представим работы этой направленности.

В литературе отмечается, что для России нового тысячелетия характерна социальная аномия, характеризующаяся потерей авторитета у развивающейся личности «традиционных» социальных институтов, что делает привлекательным интернет как институт социализации [88]. Плюс к этому российскую выборку отличают от западноевропейской

особенности взаимосвязи активности использования интернета и целого ряда ценностей [86].

Психологическая **характеристика** интернет-пользователей, по данным различных эмпирических работ, такова: склонность к негативизму, напряженность, сложности в интимно-личностном общении, самораскрытии, принятии своих телесных особенностей и потребностей, при этом 85% из них имеют хотя бы одну неудовлетворяемую потребность [63].

В результате использования компьютерных технологий меняется память, упрощается речь, у пользователей возникает ощущение «обратимости» поведения, повышается субъективная оценка объективности («правильности») своих мыслей [57]. Использование интернета приводит к «аутизации» личности, а то и к формированию аддикции [3].

Склонные к интернет-активности студенты имеют проблемы в коммуникации [4; 17], неадекватную самооценку, испытывают страх неудачи, проблемы в мотивационной и ценностно-смысловой сферах [4].

Интересный подход к интернет-среде был сделан в философском поле через концепцию отчуждения. Он заключается в том, что в интернет-пространстве происходит отчуждение от ответственности, что, в свою очередь, приводит к другим формам отчуждения [8].

Существуют данные, которые говорят о том, что поведение индивида не взаимосвязано со «стажем» использования интернета, но эта связь прослеживается в зависимости от целей использования Глобальной сети, а также особенностей идентичности пользователей [40]. Одно из исследований подразделяет эти цели на две категории — «информационную» (служащую поиску информации) и «вир-

туальную» (служащую компенсации неудовлетворенности межличностными отношениями). Исходя из такого деления оказалось, что у женщин, которые посещают в основном информационные сайты, происходят позитивные изменения в мотивационной сфере, а у мужчин, которых можно отнести к «виртуальной» категории, наблюдается вовлеченность в «настоящую» жизнь [67].

Если говорить про реальную идентичность, то она оказывается связана с сетевой, но существуют гендерные и возрастные различия по отдельным ее составляющим [22].

Интернет-среда дает возможность киберсоциализации, под которой понимается процесс «овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [83, с. 76]. При этом понятно, что такая социализация может быть как позитивной, так и негативной [85].

Интернет дает возможность коммуникации, потребления продуктов культуры, обучения, распространения своего содержания, членства в различных социальных группах и т.п., что позитивно влияет на социализацию развивающейся личности. Однако на этом пути есть определенные риски, т.к. в интернет-среде много ресурсов антисоциальной направленности, которые транслируют нормы и правила, не отвечающие ценностям общества [2; 65].

Типы и уровни киберсоциализации описываются в статье Р.М. Айсиной, А.А. Нестеровой [2].

Негативная социализация будет идти в том случае, если интернет расценива-

ется как «незаменимый помощник» в любом виде деятельности, что приводит к постоянному онлайн-соединению. Положительная социализация происходит при периодическом использовании Глобальной паутины, когда она представляется важным, но не влияющим на всю жизнь ресурсом [28] или же при взаимодействии всех социальных институтов и агентов (включая интернет) [88].

Большую роль в социализации развивающейся личности играют социальные сети. Они помогают поддерживать реальные межличностные отношения и удовлетворяют познавательные, рекреационные потребности, потребности в самореализации. Одни из самых важных функций социальных сетей — расширение социальной среды и возможность проб социального поведения [82].

Перейдем к теме **интернет-зависимости**, которая является самой популярной, если судить по количеству публикаций и их эмоциональной составляющей. Так, этот вид зависимости объявляется таким же опасным, как наркомания и алкоголизм, и «губительным» для неокрепшей психики детей [78].

Распространенность интернет-аддикции оценивать крайне сложно в силу динамичности распространения и различных критериев ее выделения. Интернет-аддиктов в России по разным данным на 2008—2013 гг. было по разным оценкам от 4,3% [93] до 22,8% [71]. Происходит сильное омоложение аудитории интернета, причем нижний порог его использования отмечается чуть ли не в раннем возрасте [30].

К изучению феномена интернет-зависимости существуют 4 **подхода**: нозологический, социально-психологический, когнитивно-бихевиоральный, диалектический [42]. Также была сделана ин-

тегративная модель этой аддикции [6], которая построена на концепциях коммуникативных расстройств В.А. Бодрова и информационного стресса.

Критериями интернет-зависимости можно считать критерии, свойственные любому виду аддикции: сверхценность, конфликт с окружающим миром (и внутриличностный конфликт), симптом отмены, рост толерантности, эйфория, возможность рецидива [38] или же более узко — отсутствие контроля времени, проводимого в Сети; изменчивость настроения; включение в различные виды интернет-деятельности в ущерб реальной деятельности [34].

Диагностика интернет-зависимости на отечественном поле исследований включает в себя несколько наиболее известных методик: тест К. Янг, адаптированный к российской выборке В.А. Лоскутовой [51]; шкала интернет-зависимости Чена [55]; скрининговая диагностика компьютерной зависимости [99]. Результаты, полученные по этим трем методикам, обладают высокой степенью взаимосвязи [31]. Кроме этого, существуют общая шкала проблемного использования интернета [25], опросник проблематичного использования интернета Р. Дэвиса, шкала интернет-зависимости А.Е. Жичкиной [11].

К **детерминантам** интернет-зависимости причисляют акцентуации; недоразвитие сферы общения [32]; неполное разрешение кризиса встречи с взрослостью [34]; эмоциональную лабильность; фоновую тревожность; сниженный эмоциональный и социальный интеллект; неуверенность в себе; возбудимость [93]; несформированный контроль за временем, проводимым в Сети; расхождение между «Я идеальным» и «Я реальным»; социально-психологическую

дезадаптацию; коммуникативную некомпетентность [75]; неконструктивные копинг-стратегии [91]; амбивалентность и дисгармоничность при воспитании; фрустрацию потребности близких отношений с родителями [79]. Также к рассматриваемому виду зависимости приводит одиночество, синдром дефицита внимания и гиперактивности; низкий самоконтроль. При этом отмечается, что зависимость может быть спровоцирована только комплексом факторов, а не каждым в отдельности [95].

Можно отметить существование связи между смысловыми стратегиями и уровнем взаимодействия с информационными технологиями: юноши с зависимыми стратегиями приобретают аддикцию; с ситуативно-зависимыми — используют компьютер и для работы, и для игр, но это не меняет их ценностные ориентации; со стратегией «оперативный-независимый» — взаимодействуют с компьютером только по работе [56].

Одной из причин интернет-аддикции является «уход от себя настоящего» [36]. Интернет-зависимость возникает благодаря тому, что дает Глобальная паутина: анонимность; интерактивность, позволяющая реализовать фантазии; «вуайеристичность»; расширение возможностей коммуникации; членство в различных виртуальных группах; доступ к информации [51]; возможность «избегать» окружающую реальность [17].

Интернет-зависимость возникает у людей с предрасположенностью к аддикциям, с правополушарной специализацией и амбидекстров [43; 59]. **Группа риска** — холостые мужчины до 21 года, имеющие какие-либо аддикции и аффективные расстройства [51].

Психологические **характеристики** интернет-зависимых пользователей: вы-

сокая личностная тревожность, склонность к депрессии [5; 34; 51] (есть данные, что неэндогенную депрессию имеют 30% аддиктов [96]), высокие показатели агрессивности, низкие показатели силы воли, мотивация избегания неудач [34]; повышенная возбудимость; сниженная способность к организованности; эмоциональная неустойчивость; большая робость в поведении и межличностных контактах; выраженность акцентуаций; сниженный социальный и эмоциональный интеллект [93]; враждебность, низкий самоконтроль [5]; склонность к соперничеству; стиль межличностных отношений — доминирующий и агрессивный; мотивационная структура — потребительская, с преобладающими мотивами комфорта и поддержания жизнедеятельности [44]; наличие в иерархии психологических защит инфантильных черт; склонность к психоэмоциональной ригидности; снижение показателей общего и невербального интеллектуального развития [78]; низкое ощущение «наполненности жизни» и неудовлетворенность ею; отсутствие планирования; высокая ценность семьи [64]. Структура идентичности интернет-зависимых пользователей отличается стремлением избавиться от «гнета» окружающей социальной среды и потребностью в эмоциональной поддержке [40].

Подростки с этим типом зависимости склонны к девиантному поведению и используют неконструктивные стратегии совладания [60], у них происходит формирование «магического мышления», снижается критическое восприятие своего состояния [41; 51; 64]; мысли субъекта направляются на объект зависимости, который наделяется сверхценностью; происходит социальная дезадаптация [34; 41]; формируется защитно-агрессивное пове-

дение [41]. Однако есть данные, что взаимосвязь интернет-аддикции и личностных характеристик в школьном возрасте наблюдается только у мальчиков [23].

Конечно же, этот вид зависимости не может не сказаться на здоровье: интернет-аддикты имеют нарушения сна; головные боли и боли в спине; синдром карпального канала [51].

Если попытаться проанализировать большинство данных, характеризующих пользователей интернета и интернет-зависимых людей, то можно поставить под сомнение их высокую научную значимость. Такое предположение можно сделать на основании следующих причин. Во-первых, интернет — всего лишь средство, с помощью которого реализуются другие виды зависимости [37]. Следовательно, было бы более корректным выделять зависимости от видов деятельности, реализуемых в Сети, а не от нее самой [47]. Во-вторых, в большинстве подобных исследований можно заметить одну и ту же методологическую проблему — только лишь на основании взаимосвязи двух феноменов нельзя делать глобальные выводы. Доказать влияние увлеченности интернет-технологиями можно не по однократному диагностическому срезу одной группы испытуемых, а с привлечением или контрольной выборки, уравненной по всем значимым показателям, кроме изучаемого признака, или же с помощью лонгитюдного исследования (или формирующего эксперимента). «Усугубляет» ситуацию и то, что большая часть эмпирических работ по интернет-зависимости сделана с опорой на тест К. Янг, валидность которого неоднократно ставилась под сомнение научным сообществом [55].

Более мягким синонимом интернет-зависимости является понятие проблем-

ного использования интернета. Оно операционализируется через предпочтение онлайн-общения; регуляцию настроения; когнитивную поглощенность; компульсивное использование и негативные последствия. Проблемное использование интернета отрицательно взаимосвязано с психологическим благополучием и прямо — с депрессивным состоянием, обсессивно-компульсивным расстройством и фобической тревогой [92].

Отдельным блоком в теме интернет-зависимости можно выделить «прокрававшийся» в 2013 г. в иностранные словари феномен фаббинга, который заключается в отвлечении на гаджет в процессе реального общения. Немногочисленные отечественные исследования подчеркивают негативную роль фаббинга в межличностных отношениях [45; 49].

Профилактика интернет-зависимости может заключаться в информировании об ее механизмах, проявлениях, последствиях [34; 96], диагностических методах; формировании ценностей здорового образа жизни; развитии личностных ресурсов; выработке стратегий высокофункционального поведения; развитии толерантности к негативным социальным влияниям [34].

Есть мнение, что интернет-аддиктам нужна специализированная помощь психотерапевта, которая может дополняться фармакологическими препаратами для снятия психоэмоционального напряжения [32; 51]. Процент людей, которые имеют проблемы (как личностные, так и социальные) в результате интернет-аддикции, оценивается в 26,5%, а 7,9%, по мнению автора, нуждаются в психотерапевтической помощи [32] или психолого-педагогической поддержке. Последняя должна проявляться во включении людей в общественно-ориентированную

деятельность [41]; повышении адаптивных способностей; повышении самооценки и стрессоустойчивости; развитии креативности, коммуникативной компетентности [90] и социальной активности, которая должна препятствовать возникновению рассматриваемого типа зависимости [95].

Программа по профилактике интернет-аддикции подростков должна включать в себя образовательный, психологический и социальный компоненты и предполагать работу со всеми субъектами образовательного процесса — детьми, родителями, учителями [93]. Кроме этого, следует разрушать «культ совершенства», декларируемый в интернет-среде; создавать условия для формирования самооэффективности и чувства собственной ценности как альтернативу поиску одобрения в виртуальной реальности [92].

Все осложняется существованием риска смены интернет-аддикции на другие виды химических и нехимических зависимостей [51] и тем, что у 80% пациентов с интернет-зависимостью наблюдается низкая мотивация к лечению [96].

Психология зависимости от компьютерных игр

Если сузить тему интернет-зависимости до компьютерных игр, то можно увидеть, что игры обладают большей аддиктогенностью, чем другие виды деятельности в интернете [5]. В.Ю. Рыбников с соавторами говорят, что в компьютерную игровую зависимость втянута пятая часть молодых людей Санкт-Петербурга, что является кризисной ситуацией, которая требует «специальных законодательных и профилактических программ» [71].

Общим **критерием** выделения зависимости от компьютерных игр и интернет-зависимости будет фактор отсутствия контроля за временем [18; 52]. Альтернативой этому критерию могут выступать: позиция «значимого другого» не в реальном мире, а в интернет-пространстве [47], а также отношения в игре (зависимые выстраивают их в логике «играющий-играющий», тогда как независимые — «персонаж-персонаж» [52]).

Диагностика зависимости от компьютерных игр включает в себя опросник на определение степени увлеченности ролевыми компьютерными играми [12], методику диагностики гейм-аддикции [47], тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми [27].

В игровой зависимости выделяют три **стадии**: напряжения, предельного напряжения и истощения [94].

Группа риска — бездетные холостые студенты и школьники (игровая активность старшеклассников при этом выше, чем студентов [33]), состоящие на иждивении родителей или с самостоятельным доходом ниже прожиточного минимума. Часто на игру тратятся реальные деньги. Около 20% игроков играли раньше на игровых автоматах или в казино. Зависимость от компьютерных игр коморбидна со злоупотреблением алкоголем (30%), употреблением наркотиков (13%), 21% отмечал наличие суицидальных мыслей [70]. Интересно, что при этом количество курильщиков в среде геймеров меньше, однако в целом здоровье не входит в их систему ценностей. Говоря о здоровье, следует упомянуть, что 52% игроков жалуются на бессонницу [24].

Причинами игровой зависимости могут быть: эскапизм, неудовлетворенность социальным статусом, отыгрывание сво-

ей социальной роли [46; 52]; нереализованность потребностей вообще [54; 62] и в самостоятельности и свободе в частности [46]; получение необычных впечатлений [62]; потребность в релаксации [33]. Привлекательность игр усиливается их красотой и реалистичностью [46].

Характеристики игроков в компьютерные игры: повышенная тревожность [52; 70]; циклотимично-гипертивно-эмотивный тип характера; скачки настроения; немотивированность действий; неустойчивость интересов; несоответствие социальным нормам; переоценка возможностей; повышенная чувствительность и впечатлительность; возможные невротические изменения [70]; внешний локус контроля [52]; низкий уровень рефлексии; отсутствие веры в свои силы; неудовлетворенность собой; скрытность [46]; экстраверсия; гедонизм; низкая эмпатия; меньшая ориентированность на сотрудничество; практичность [62]; противоречия в структуре ролевой идентичности [29; 69].

Взрослые, играющие больше 12 часов в неделю, имеют гибкий когнитивный контроль и полнезависимы, при этом существует гендерное различие: мужчины будут более склонны к риску, тогда как женщины больше интолерантны к неопределенности. Тем, кто играют менее 12 часов, будут присущи рациональность и рефлексивный когнитивный стиль [15]. Люди, играющие в компьютерные игры, более рациональны; склонны к риску; имеют внешний локус контроля и высокую мотивацию достижения; не агрессивны [1].

У игроков в компьютерные игры наблюдается несформированность образа Я [29]. Я-реальное у подростков-игроков представлено поглощенностью своим внутренним миром, стремлением к

самоутверждению. Я-идеальное — поверхностностью в общении, стремлением к воинственности, поглощенностью своими переживаниями [46]. При этом идеализированное представление о себе совпадает с представлением о компьютерном персонаже, происходит идентификация с ним [29; 46].

Можно выделить три типа игровых ориентаций подростков: биофилический тип характеризуется переживаниями положительных эмоций; нарциссический тип — агрессивностью и недовольством собой; инцестуальный — межролевыми отношениями, возникающими в процессе игры [35].

Существуют различия по возрасту, полу, времени, затраченному на игру в течение недели, тогда как игровой стаж не влияет на особенности игроков [1].

Проблемы, встречаемые учеными на пути исследования зависимости от компьютерных игр, включают в себя следующие моменты. Как и в случае работ, касающихся характеристик интернет-зависимых, встает вопрос об операционализации изучаемого понятия. Попытки делать это через самоотчет не объективны, специализированных диагностических методик зависимости от компьютерных игр крайне мало, тогда как единой теории нет совсем. Вариант детерминировать аддикцию через количество проведенного времени за игрой приводит нас ко второй проблеме — на наш взгляд, невозможно говорить о зависимости от компьютерных игр без учета специфики игры. Специфика проявляется в характере игр — на сегодняшний день существует множество их жанров, каждый из которых по-разному влияет на личность. Еще один фактор, который часто игнорируется исследователями — возраст игрока. Можно предположить,

что во взрослом возрасте психологических рисков куда меньше (а ресурсный потенциал больше), чем в тот или иной сенситивный период в детском возрасте.

Вопрос **классификации** компьютерных игр поднимался в работах А.А. Аветисовой [1]; Н.В. Богачевой, А.Е. Войскунского [16]; И.М. Кыштымовой, С.Б. Тимофеева [50]; Е.О. Смирновой, Р.Е. Раевой [81]; А.Г. Шмелева [97].

Существуют отдельные публикации — описания психологических характеристик того или иного вида игры или же людей, предпочитающих игры определенного жанра [16]. Большое исследование массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр было произведено С.А. Белозеровым, показавшим, что они представляют собой альтернативу реальному миру со многими его возможностями [13].

Также можно построить **профили** игроков, играющих в компьютерные игры разного типа. Так, игроки в RPG (ролевые игры) и шутеры («стрелялки») имеют повышенную агрессивность, склонность к соперничеству, нейротизм. В играх подобного типа они самоутверждаются, освобождаются от негативных эмоций. Игроки в аркады (короткие игры с интенсивным игровым процессом) и симуляторы не отличаются любознательностью, они не настойчивы, не стремятся к власти, не гедонистичны. Такие люди играют ради развлечения. Для игроков в файтинги (симуляторы драк) будут характерны самостоятельность, склонность к гедонизму, экстравертированность, настойчивость, низкий уровень нейротизма, предусмотрительность. В файтингах они испытывают яркие впечатления. Люди, играющие в стратегии и квесты, имеют ценности власти и достижения. Игроки в таких играх реализуют

потребности в доминировании, достижениях и статусе [62].

Однако не найдены различия между людьми, играющими в различные типы игр, по личностным факторам принятия решений; субъективной локализации контроля; личностным предпочтениям [1].

Говоря о **динамике** увлеченности компьютерными играми в онтогенезе, следует сказать, что к окончанию школьного возраста они становятся менее значимыми — интенсивность переживаний в ходе игры уменьшается, ролевые отношения в ходе нее также становятся менее эмоционально окрашенными [35].

Что касается **реабилитации** зависимости от компьютерных игр, то интересный подход предлагает А.А. Максимов — избавиться от этого вида аддикции можно благодаря обучению игроков управлению игровой деятельностью, что можно сделать через развитие их воображения и произвольности. Кроме этого, автор предлагает наладить межличностные отношения аддиктов и создать эмоциональные ситуации в реальности [52]. Еще одним вариантом является пропаганда здорового образа жизни, обучение методикам снятия стресса [24].

Отдельным блоком можно отметить работы, касающиеся влияния компьютерных игр на ребенка-дошкольника. Однозначных выводов по результатам эмпирических исследований сделать невозможно — игры имеют как положительное влияние (развитие практического мышления, повышение эффективности перцептивных действий), так и негативное (потеря внешнеречевого этапа формирования умственных действий, обследование предмета без поддержки руки) [9; 10; 61]. Однако точно можно утверждать, что взаимодействие с электронными устройствами не может

являться заменой традиционным формам детской деятельности [80].

Современные тенденции изучения поведения пользователей в интернет-среде

Киберпсихология в России на данный момент времени представлена, по сути, одной «магистральной» тематикой — психологией интернет-зависимости (в которую часто включается зависимость от компьютерных игр). Ей посвящено большее количество публикаций, в которых наиболее часто делаются попытки вывести личностные характеристики киберзависимых. Подобного рода исследования обнажают три наиболее важные проблемы.

Первая из них заключается в правомерности выделения интернет-аддикции, о чем мы уже упоминали.

Вторая проблема касается того факта, что зависимость — это заболевание, которое находит свое место в Международной классификации болезней. Однако согласно определению Всемирной организации здравоохранения, здоровье — это состояние физического, душевного и социального благополучия [89], что вполне достижимо для киберзависимых. Так, люди, играющие в компьютерные игры и подходящие под критерии зависимости, могут быть здоровыми и вполне социально успешными, причем не только в виртуальной плоскости, но и реальной жизни (хорошим примером могут быть киберспортсмены).

Третья проблема вытекает из предыдущей — если расценивать зависимость как болезнь, то мнение общественности моментально «стигматизирует» этот феномен, что приводит к тому, что «мо-

ральная паника» в обществе, а также ряд системных процессов (например, предвзятый отбор публикаций в журналы) поддерживают узкий фокус ученых вопреки результатам исследований, указывающим на отсутствие оснований для серьезных опасений. <...> Ситуация усугубляется низким качеством публикуемых работ: слабым контролем переменных, некорректной интерпретацией данных, использованием неапробированных тестов, пагубным стремлением к изучению видеоигр в целом, несмотря на многообразие их форм» [58].

Зарубежные психологи уже делают метаисследования, включающие в себя десятки тысяч человек (см., например, Marker C., Gnambs T., Appel M., 2018) [100], результаты которых говорят об отсутствии серьезных негативных влияний увлеченности компьютерными технологиями на человека.

Работы с подобными интенциями появляются и на поле отечественных исследований. Так, Г.У. Солдатова и А.Е. Вишнева предлагают говорить не про интернет-зависимость, а про разную онлайн-активность [84]. При этом происходит стирание границ между реальным и виртуальным мирами, т.к. последний прямо и косвенно отражается на первом [98] — более корректно было бы рассматривать виртуальность как продолжение социальной реальности [76]. Сами цифровые технологии при этом могут являться как орудием, так и знаком, опосредующим психические функции и процессы [68]. Т.В. Рягузова считает, что в России интернет способствует формированию новой сферы общественного выражения через построение новых социальных групп взаимодействия на различных уровнях [73], а Н.А. Туякбасарова в своей работе доказывает, что частота

выходов студентов в Глобальную паутину прямо взаимосвязана с активной социальной позицией, высоким уровнем интеллекта, а также способностями к планированию и прогнозированию [87].

Последние исследования показывают, что интернет-коммуникация может способствовать просоциальному поведению [77], а если дозировать интернет-активность, то она может привести к улучшению когнитивных функций [84]. Увлеченность некоторыми видами компьютерных игр приводит к улучшению социальных навыков игроков [74]; дает возможность удовлетворить психические и материальные потребности; может способствовать развитию межличностных отношений; улучшает социальные условия жизни отдельных групп людей (например, с ОВЗ); может использоваться как терапевтическое средство (при фобических расстройствах, болях, паллиативной помощи) [14]. Есть данные, которые говорят о том, что игроки в определенных обстоятельствах могут обладать оптимизмом, инициативностью, предприимчивостью, обязательностью, ответственностью [70]. О неоднозначности феномена зависимости от онлайн-игр говорит Ш. Ван, описавший проявление опыта потока у игроков (который с точки зрения теории является позитивным явлением). Соответственно, делает вывод автор, не совсем корректно бороться с проявлениями зависимости от онлайн-игр, не обращая внимания на их положительные стороны [18].

Можно предположить, что в ближайшем будущем девиацией будет считаться не предпочтение опосредованного Глобальной паутиной межличностного взаимодействия, а отказ от него [53], а сам интернет при этом можно рассматривать как «социальный ароморфоз», который

обуславливает качественный скачок в развитии человечества [7].

Выводы

1. Наиболее популярными темами в отечественной психологии на данный момент являются проблемы интернет-зависимости и зависимости от компьютерных игр. Повышенный общественный интерес к ним возник благодаря новизне интернет-технологий и глобальности их влияния, что приводит к невозможности прогнозировать будущее, что, в свою очередь, вызывает социальную тревожность, катализирующую активность ученых в этой области.

2. В большинстве исследований интернет-пользователей им дается негативная характеристика (склонность к негативизму, неадекватность самооценки, сложности в общении, самораскрытии и т.п.) и констатируется деструктивное влияние интернета на личность (упрощение речи, «аутизация»).

3. Работы по интернет-зависимости берут за ее основу критерии, характерные для химических видов зависимостей. Для интернет-аддиктов будут характерны неадаптивное поведение и отклонения в ряде личностных и социально-психологических показателей (интеллекте, самоконтроле, стилях межличностных отношений, мотивационной структуре, планировании, ценностных ориентациях, копинг-стратегиях). При этом в некоторых случаях зависимость от компьютерных игр рассматривается как частный случай интернет-зависимости.

4. Зависимость от компьютерных игр может определяться через различные критерии — фактор отсутствия контроля за временем; позицию «значимого

другого» не в реальном мире, а в интернет-пространстве; отношения в игре. Психологические характеристики зависимых от компьютерных игр будут также отличаться неадаптивностью (несформированностью образа Я, немотивированностью действий, переоценкой возможностей, несоответствием социальным нормам и т.п.).

5. Тенденции исследований феномена интернет-зависимости заключаются, в первую очередь, в переосмыслении оснований для ее выделения. Интернет является лишь средством, с помощью

которого реализуются различные виды деятельности, а, следовательно, зависимость может развиваться от них, но не от самой Сети. На смену термину «интернет-зависимость» приходят более корректные формулировки — «различная онлайн-активность» и «проблемное использование интернета»; вместо зависимости от компьютерных игр говорят об их различном влиянии и ресурсном потенциале — они могут улучшать когнитивные функции, социальные навыки, условия жизни, удовлетворять ряд потребностей.

Литература

1. *Аветисова А.А.* Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4. С. 35–58.
2. *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404.
3. *Аладьихкина А.С.* Современное Интернет-сообщество: Социально-стратификационный анализ: Дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2006. 156 с.
4. *Андреев И.В.* Формирование психологической устойчивости студентов к негативному влиянию интернет-технологий: Дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2008. 225 с.
5. *Антоненко А.А.* Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 105 с.
6. *Асмолов А.Г., Цветкова Н.А., Цветков А.В.* Психологическая модель интернет-зависимости личности // Мир психологии. 2004. № 1. С. 179–193.
7. *Асмолов Г.А., Асмолов А.Г.* Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
8. *Барышев Р.А.* Киберпространство и проблема отчуждения: Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2009. 131 с.
9. *Батенова Ю.В.* Особенности развития мышления дошкольника в условиях игровой компьютерной деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4. С. 59–72.
10. *Белавина И.Г.* Восприятие ребенком компьютера и компьютерных игр // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 62–69.
11. *Белинская Е.П.* Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: Модек, 2013. 192 с.

12. Беловол Е.В., Колотилова И.В. Разработка опросника для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 49–58.
13. Белозеров С.А. Виртуальные миры MMORPG: Часть I. Определение, описание, классификация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 54–70.
14. Белозеров С.А. Виртуальные миры MMORPG: Часть II. Средство от социального и психологического неблагополучия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 71–89.
15. Богачева Н.В. Индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 199 с.
16. Богачева Н.В., Войскунский А.Е. Проблема классификации компьютерных игр в контексте психологических исследований геймеров [Электронный ресурс] // Культура и технологии. 2018. Т. 3. Вып. 4. С. 76–89. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i4/152> (дата обращения: 10.01.2020).
17. Бутаев В.Б. Субъект деятельности в информационном обществе: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 135 с.
18. Ван Ш. Интернет-зависимость у участников компьютерных игр (на материале китайской культуры): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 213 с.
19. Васильева И.А., Осипова Е.М., Петрова Н.Н. Психологические аспекты применения информационных технологий // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 80–88.
20. Войскунский А.Е. Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
21. Войскунский А.Е. Современные тенденции киберпсихологических исследований // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме / Коллективная монография под редакцией Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: МПГУ, 2019. С. 6–13.
22. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
23. Войскунский А.Е., Митина О.В., Рагимова А.Г. Связь интернет-зависимости с гендером и социальным статусом подростков // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 75–80.
24. Гайнуллина Э.Н. Ценность здоровья в структуре ориентаций студентов-геймеров: Дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2010. 153 с.
25. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 56–79. doi: 10.17759/cpr.2018260304.
26. Грищенко А.А. Социокультурные вызовы информационно-сетевой экономики // Философия хозяйства. 2015. № 1 (97). С. 77–83.
27. Гришина А.В. Тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. С. 131–141.

28. Данилова М.А. Интернет-социализация студенческой молодежи: специфика мотивации сетевого поведения: Дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2009. 139 с.
29. Демильханова А.М. Влияние виртуальной реальности на образ Я: на примере ролевых компьютерных игр: Дис. ... канд. психол. наук. Бишкек, 2009. 157 с.
30. Детский Рунет 2018: Отраслевой доклад [Электронный ресурс] // Институт исследования Рунета. URL: <http://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskiy-Runet-2018-Report.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).
31. Диагностика зависимости от Интернета: сравнение методических средств [Электронный ресурс] / А.Е. Войскунский [и др.] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2015. № 4 (33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer12.php (дата обращения: 10.01.2010).
32. Дмитриев К.Г. Психологические детерминанты Интернет-зависимости в юношеском возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 192 с.
33. Добровидова Н.А. Особенности эмоционально-волевой сферы старшеклассников и студентов с различным уровнем компьютерной игровой активности: Дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2013. 192 с.
34. Дрена М.И. Психологическая профилактика Интернет-зависимости у студентов: Дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2010. 254 с.
35. Евстигнеева Ю.М. Психологические особенности обращения к компьютерным играм в подростковом возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 168 с.
36. Егоров А., Кузнецова Н., Петрова Е. Особенности личности подростков с Интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Т. 5. № 2. С. 20–27.
37. Егоров А.Ю. Нехимические зависимости. М.: Речь, 2007. 190 с.
38. Егоров А.Ю. Перспективы лечения аддиктивных расстройств: теоретические предпосылки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/267> (дата обращения: 10.01.2020).
39. Жизнь без интернета: рай или апокалипсис? [Электронный ресурс] // Аналитический отчет ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681> (дата обращения: 10.01.2020).
40. Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 199 с.
41. Завалишина О.В. Педагогическая поддержка подростков, склонных к Интернет-зависимости: Дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2012. 221 с.
42. Зарецкая О.В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. Т. 9. № 2. С. 145–165. doi: 10.17759/psyedu.2017090213.
43. Интернет-зависимость и ее взаимосвязь с межполушарной асимметрией и поведенческими особенностями личности [Электронный ресурс] / Л.К. Антропова [и др.] // Медицина и образование в Сибири: Сетевое научное издание. 2011. № 3. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=489 (дата обращения: 10.01.2020).
44. Коваль Т.В. Личностная сфера подростков, склонных к развитию компьютерной зависимости: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 136 с.

45. Козулина Н.С., Карачев А.Ю., Ахмедзянова Е.В. Фаббинг — неблагоприятный фактор в формировании компетенций у студентов вузов // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 10 (66). С. 56–65. doi:10.12731/2218-7405-2016-10-56-65.
46. Колотилова И.В. Индивидуально-психологические характеристики подростков, увлеченных ролевыми компьютерными играми: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 234 с.
47. Кочетков Н.В. Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 148–163. doi:10.17759/sps.2016070311.
48. Крайнюков С.В. Влияние современных информационных технологий на картину мира человека // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 23–41. doi:10.17759/sps.2019100403.
49. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61–76. doi: 10.17759/ cpp.2019270305.
50. Кыштымова И.М., Тимофеев С.Б. Психологическая модель компьютерных игр // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 160–174. doi:10.17759/sps.2019100411.
51. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: Дис. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2004. 157 с.
52. Максимов А.А. Личностные особенности людей с компьютерно-игровой зависимостью: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 166 с.
53. Марарица Л.В., Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности [Электронный ресурс] // Петербургский психологический журнал. 2013. № 5. С. 1–15. URL: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23> (дата обращения: 10.01.2020).
54. Маринова Т.Ю., Зарецкая О.В. Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 109–119. doi: 10.17759/sps.2015060308.
55. Методологические подходы к раннему выявлению Интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] / В.Л. Малыгин [и др.] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2011. № 6. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
56. Мирошниченко А.В. Трансформации смысловой сферы юношей с различным уровнем компьютерной зависимости: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 174 с.
57. Мойсеева Т.Б. Информационные технологии как средство трансформации повседневной жизни человека: философско-антропологический анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 149 с.
58. Морозова О.А. Психологические исследования видеоигр: урок западной науки [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 84–96.
59. Москвин В.А., Москвина Н.В., Шумова Н.С. Асимметрии и индивидуальные особенности студентов с проявлениями интернет-зависимости // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 347–349.

60. *Мураткина Ю.Н.* Взаимосвязь компьютерной зависимости и совладающего поведения подростков: Дис. ... канд. психол. наук. Сургут, 2010. 154 с.
61. *Обухова Л.Ф., Ткаченко С.Б.* Возможности использования компьютерных игр для развития перцептивных действий // Психологическая наука и образование. 2008. № 3. С. 49–60.
62. *Омельченко Н.В.* Личностные особенности играющих в компьютерные игры: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011. 169 с.
63. *Опарина И.Г.* Интернет в современном обществе: Социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2005. 142 с.
64. Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением [Электронный ресурс] / В.Л. Малыгин [и др.] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2015. № 4 (33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php (дата обращения: 10.01.2020).
65. *Польская Н.А., Якубовская Д.К.* Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 156–174. doi: 10.17759/cpp.20192703010.
66. Развитие интернета в России [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20100930/280796937.html> (дата обращения: 10.01.2020).
67. *Романов И.В.* Влияние интернет-среды на индивидуально-психологические качества пользователей научно-информационных сайтов: Дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2005. 207 с.
68. *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 117–124. doi: 10.17759/chr.2019150312.
69. *Рубцова О.В., Панфилова А.С., Артеменков С.Л.* Исследование взаимосвязи личностных особенностей игроков подросткового и юношеского возраста с их поведением в виртуальном пространстве (на примере групповой компьютерной игры «Dota 2») // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 1. С. 137–148. doi: 10.17759/pse.2018230112.
70. *Рыбалтович Д.Г.* Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 172 с.
71. *Рыбников В.Ю., Литвиненко О.В., Юренкова В.А.* Распространенность компьютерной игровой зависимости среди населения мегаполиса // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2008. № 4. С. 72–76.
72. *Рыков Ю.Г., Нагорный О.С.* Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 366–394.
73. *Рягузова Т.В.* Интернет как фактор социокультурного развития российского общества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2001. 166 с.
74. *Савинская О.Б., Шоташвили В.А.* Влияние увлеченности онлайн-играми на интенсивность коммуникаций и социальные навыки игроков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 5 (117). С. 123–134.

75. Саглам Ф.А. Педагогические условия коррекции Интернет-аддикции у подростков: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. 214 с.
76. Самелюк М.М. Интернет-досуг в контексте трансформации социального времени: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 164 с.
77. Самсонова Н.Н. Взаимосвязь интернет-коммуникаций и социального поведения молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 150 с.
78. Семенова О.Ю. Психофизиологические и психологические особенности подростков с риском различных видов аддикций: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 189 с.
79. Смирнова Е.А. Особенности семейного воспитания интернет-зависимых подростков // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 1. С. 246–252.
80. Смирнова Е.О., Матушкина Н.Ю., Смирнова С.Ю. Виртуальная реальность в раннем и дошкольном детстве // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 42–53. doi: 10.17759/pse.2018230304.
81. Смирнова Е.О., Радева Р.Е. Психологические особенности компьютерных игр: новый контекст детской субкультуры // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. М., 2000. С. 330–336.
82. Собкин В.С., Федотова А.В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 119–137. doi: 10.17759/cpp.2019270308.
83. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. doi: 10.17759/sps.2018090308.
84. Солдатова Г.У., Вишнева А.Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 97–118. doi: 10.17759/cpp.2019270307.
85. Сорокина А.Б. Интернет в жизни современных подростков: проблема и ресурс // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 45–64.
86. Татарко А.Н., Миронова А.А., Макласова Е.В. Индивидуальные ценности и активность использования интернета: сопоставление России и Европейских стран // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 77–95. doi: 10.17759/sps.2019100406.
87. Туякбасарова Н.А. Интернет-коммуникации как средство формирования ценностных ориентаций личности студента: Дис. ... канд. социол. наук. Курск, 2006. 176 с.
88. Угольков Н.В. Интернет как институт социализации старших школьников: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 197 с.
89. Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения: 10.01.2020).
90. Фролов В.А. Педагогические условия профилактики виртуальной аддикции старших школьников: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 238 с.
91. Хасанова И.И., Котова С.С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 4. С. 146–168. doi: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168.

92. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 138–155. doi: 10.17759/cpp.2019270309.
93. Хомерики Н.С. Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2013. 186 с.
94. Худяков А.В., Урсу А.В., Старченкова А.М. Компьютерная игровая зависимость, клиника, динамика и эпидемиология [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2015. № 4(33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer03.php (дата обращения: 10.01.2020).
95. Цой Н.А. Социальные факторы феномена интернет-зависимости: Дис. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2011. 206 с.
96. Шайдулина А.Ф. Особенности клиники и лечения пациентов с патологической склонностью к азартным играм и компьютерной зависимости: Дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2004. 144 с.
97. Шмелев А.Г. Мир поправимых ошибок // Вычислительная техника и ее применение. 1988. № 3. С. 16–84.
98. Юрков А.А. Виртуальная компьютерная реальность: негативные и позитивные формы межсубъектных взаимосвязей: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 212 с.
99. Юрьева Л.Н., Большот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.
100. Marker C., Gnamb T., Appel M. Active on Facebook and Failing at School? Meta-Analytic Findings on the Relationship Between Online Social Networking Activities and Academic Achievement // Educational Psychology Review. September 2018. Vol. 30. Issue 3. P. 651–677.

References

1. Avetisova A.A. Psikhologicheskie osobennosti igrokov v komp'yuternye igry [Psychological features of computer game players]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2011. Vol. 8, no. 4, pp. 35–58.
2. Aysina R.M., Nesterova A.A. Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Aladyshkina A.S. Sovremennoe Internet-soobshchestvo: Sotsial'no-stratifikatsionnyi analiz: Dis. kand. sotsiol. nauk [The Modern Online Community: Social Stratification Analysis. PhD (Sociology) diss.]. Nizhnii Novgorod, 2006. 156 p.
4. Andreev I.V. Formirovanie psikhologicheskoi ustoichivosti studentov k negativnomu vliyaniyu internet-tekhnologii. Dis. kand. psikhol. nauk [The formation of psychological stability of students to the negative impact of Internet technologies. PhD (Psychology) diss.]. Nizhnii Novgorod, 2008. 225 p.

5. Antonenko A.A. Internet-zavisimost' podrostkov ot komp'yuternykh igr i onlain-obshcheniya: kliniko-psikhologicheskie osobennosti i profilaktika. Dis. kand. psikhol. Nauk [Internet addiction of adolescents to computer games and online communication: clinical and psychological features and prevention. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2014. 105 p.
6. Asmolov A.G., Tsvetkova N.A., Tsvetkov A.V. Psikhologicheskaya model' internet-zavisimosti lichnosti [The psychological model of personality Internet addiction]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2004, no. 1, pp. 179–193.
7. Asmolov G.A., Asmolov A.G. Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [The Internet as a Generative Space: A Historical and Evolutionary Perspective]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2019, no. 4, pp. 3–28.
8. Baryshev R.A. Kiberprostranstvo i problema otchuzhdeniya. Dis. kand. filos. nauk [Cyberspace and the Problem of Alienation. PhD (Philosophical Sciences) diss.]. Krasnoyarsk, 2009. 131 p.
9. Batenova Yu.V. Osobennosti razvitiya myshleniya doshkol'nika v usloviyakh igrovoi komp'yuternoï deyatel'nosti [Features of the development of thinking of a preschooler in the conditions of computer game activity]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2011. Vol. 8, no. 4, pp. 59–72.
10. Belavina I.G. Vospriyatie rebenkom komp'yutera i komp'yuternykh igr [Child perception of computer and computer games]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 1993, no. 3, pp. 62–69.
11. Belinskaya E.P. Psikhologiya Internet-kommunikatsii [Psychology of Internet Communication]. Moscow: MPSU; Voronezh: Modek, 2013. 192 p.
12. Belovol E.V., Kolotilova I.V. Razrabotka oprosnika dlya otsenki stepeni uvlechennosti rolevymi komp'yuternymi igrami [Development of a questionnaire to assess the degree of enthusiasm for role-playing computer games]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2011. Vol. 32, no. 6, pp. 49–58.
13. Belozеров S.A. Virtual'nye miry MMORPG: Chast' I. Opredelenie, opisanie, klassifikatsiya [Virtual Worlds MMORPG: Part I. Definition, description, classification]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2015. Vol. 12, no. 1, pp. 54–70.
14. Belozеров S.A. Virtual'nye miry MMORPG: Chast' II. Sredstvo ot sotsial'nogo i psikhologicheskogo neblagopoluchiya [Virtual Worlds MMORPG: Part II. The remedy for social and psychological distress]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2015. Vol. 12, no. 1, pp. 71–89.
15. Bogacheva N.V. Individual'no-stilevye osobennosti vzroslykh igrokov (na materiale komp'yuternykh igr). Dis. kand. psikhol. nauk [Individual-style features of adult players (based on computer games). PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2015. 199 p.
16. Bogacheva N.V., Voiskunskii A.E. Problema klassifikatsii komp'yuternykh igr v kontekste psikhologicheskikh issledovaniï geimerov [Elektronnyi resurs] [The problem of the classification of computer games in the context of psychological research by gamers]. *Kul'tura i tekhnologii* [Culture and Technology], 2018. Vol. 3, pp. 76–89. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i4/152> (Accessed: 10.01.2020).

17. Butaev V.B. Sub"ekt deyatel'nosti v informatsionnom obshchestve. Dis. kand. psikhol. nauk [Subject of activity in the information society. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2003. 135 p.
18. Van Sh. Internet-zavisimost' u uchastnikov komp'yuternykh igr (na materiale kitaiskoi kul'tury). Dis. kand. psikhol. nauk [Participants in computer games using Internet addiction (based on Chinese culture). PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 213 p.
19. Vasil'eva I.A., Osipova E.M., Petrova N.N. Psikhologicheskie aspekty primeneniya informatsionnykh tekhnologii [Psychological aspects of the use of information technology]. *Voprosy psikhologii [Psychology Issues]*, 2003, no. 3, pp. 80–88.
20. Voiskunskii A.E. Psikhologiya i internet [Psychology and the Internet]. Moscow: Akropol', 2010. 439 p.
21. Voiskunskii A.E. Sovremennye tendentsii kiberpsikhologicheskikh issledovaniy [Current trends in cyberpsychological research]. In T.D. Martsinkovskaya (eds.) *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme [Digital society in the cultural-historical paradigm]*. Moscow: MPGU, 2019, pp. 6–13.
22. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie [Network and real identity: a comparative study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2013. Vol. 10, no. 2, pp.98–121.
23. Voiskunskii A.E., Mitina O.V., Ragimova A.G. Svyaz' internet-zavisimosti s genderom i sotsial'nym statusom podrostkov [The relationship of Internet addiction with the gender and social status of adolescents]. In R.V. Ershova (ed.), *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statei [Digital society as a cultural-historical context of human development: a collection of scientific articles]*. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, 2018, pp. 75–80.
24. Gainullina E.N. Tsennost' zdorov'ya v strukture orientatsii studentov-geimerov. Dis. kand. sotsiol. nauk [The value of health in the structure of orientations of gamer students. PhD (Sociology) diss.]. Ufa, 2010. 153 p.
25. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 Modified Version: Approbation and Validation on the Russian Sample. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 3, pp. 56–79. doi:10.17759/cpp.2018260304. (In Russ., abstr. in Engl.)
26. Gritsenko A.A. Sotsiokul'turnye vyzovy informatsionno-setevoi ekonomiki [Sociocultural challenges of the information and network economy]. *Filosofiya khozyaistva [Philosophy of Economics]*, 2015. Vol. 1 (97), pp. 77–83.
27. Grishina A.V. Test-oprosnik stepeni uvlechennosti mladshikh podrostkov komp'yuternymi igrami [Test questionnaire for the degree of enthusiasm of younger adolescents for computer games]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 2014. Vol. 14, no. 4, pp. 131–141.
28. Danilova M.A. Internet-sotsializatsiya studencheskoi molodezhi: spetsifika motivatsii setevogo povedeniya. Dis. kand. sotsiol. nauk [Internet socialization of students: the specifics of motivating network behavior. PhD (Sociology) diss.]. Saratov, 2009. 139 p.

29. Demil'khanova A.M. Vliyanie virtual'noi real'nosti na obraz Ya: na primere rolevykh komp'yuternykh igr. Dis. kand. psikhol. nauk [The influence of virtual reality on the image of the self: the example of role-playing computer games. PhD (Psychology) diss.]. Bishkek, 2009. 157 p.
30. Detskii Runet 2018: Otrasevoi doklad [Elektronnyi resurs] [Children's Runet 2018: Industry Report]. *Institut issledovaniya Runeta [Runet Research Institute]*. URL: <http://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskiy-Runet-2018-Report.pdf> (Accessed: 10.01.2020).
31. Voiskunskii A.E. et al. Diagnostika zavisimosti ot Interneta: sravnenie metodicheskikh sredstv [Elektronnyi resurs] [Internet Addiction Diagnostics: Comparison]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyi nauchnyi zhurnal [Medical Psychology in Russia: an electronic scientific journal]*, 2015, no. 4(33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer12.php (Accessed: 10.01.2010).
32. Dmitriev K.G. Psikhologicheskie determinanty Internet-zavisimosti v yunosheskom vozraste. Dis. kand. psikhol. nauk [Psychological determinants of Internet addiction in adolescence. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 192 p.
33. Dobrovidova N.A. Osobennosti emotsional'no-volevoi sfery starsheklassnikov i studentov s razlichnym urovnem komp'yuterno-igrovoi aktivnosti. Dis. kand. psikhol. nauk [Features of the emotional-volitional sphere of high school students and students with different levels of computer game activity. PhD (Psychology) diss.]. Samara, 2013. 192 p.
34. Drepa M.I. Psikhologicheskaya profilaktika Internet-zavisimosti u studentov. Dis. kand. psikhol. nauk [Psychological prevention of Internet addiction in students. PhD (Psychology) diss.]. Stavropol', 2010. 254 p.
35. Evstigneeva Yu.M. Psikhologicheskie osobennosti obrashcheniya k komp'yuternym igram v podrostkovom vozraste. Dis. kand. psikhol. nauk [Psychological features of the appeal to computer games in adolescence. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2003. 168 p.
36. Egorov A., Kuznetsova N., Petrova E. Osobennosti lichnosti podrostkov s Internet-zavisimost'yu [Features of the personality of adolescents with Internet addiction]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov [Mental health issues for children and adolescents]*, 2005. Vol. 5, no. 2, pp. 20–27.
37. Egorov A.Yu. Nekhimicheskie zavisimosti [Chemical dependencies]. Moscow: Rech', 2007. 190 p.
38. Egorov A.Yu. Perspektivy lecheniya addiktivnykh rasstroistv: teoreticheskie predposylki [Elektronnyi resurs] [Prospects for the treatment of addictive disorders: theoretical background]. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/267> (Accessed: 10.01.2020).
39. Zhizn' bez interneta: rai ili apokalipsis? [Elektronnyi resurs] [Life without the Internet: paradise or apocalypse?]. *Analiticheskii otchet VTSIOM [VTSIOM analytical report]*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681> (Accessed 10.01.2020).
40. Zhichkina A.E. Vzaimosvyaz' identichnosti i povedeniya v Internete pol'zovatelei yunosheskogo vozrasta. Dis. kand. psikhol. nauk [The relationship of identity and online behavior of youth users. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2001. 199 p.

41. Zavalishina O.V. Pedagogicheskaya podderzhka podrostkov, sklonnykh k Internet-zavisimosti. Dis. kand. ped. nauk [Educational support for adolescent addicted Internet users. PhD (Pedagogy) diss.]. Kursk, 2012. 221 p.
42. Zaretskaya O.V. Komp'yuternaya i internet-zavisimost': analiz i sistematizatsiya podkhodov k problem [Elektronnyi resurs] [Computer and Internet addiction: analysis and systematization of approaches to the problem]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological science and education psyedu.ru], 2017. Vol. 9, no. 2, pp. 145–165. (In Russ., Abstr. in Engl.). doi: 10.17759/psyedu.2017090213.
43. Antropova L.K. et all. Internet-zavisimost' i ee vzaimosvyaz' s mezhpolusharnoi asimmetriei i povedencheskimi osobennostyami lichnosti [Elektronnyi resurs] [Internet addiction and its relationship with interhemispheric asymmetry and personality behaviors]. *Meditsina i obrazovanie v Sibiri: Setevoe nauchnoe izdanie* [Medicine and Education in Siberia: Network Scientific Edition], 2011, no. 3. URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=489 (Accessed: 10.01.2020).
44. Koval' T.V. Lichnostnaya sfera podrostkov, sklonnykh k razvitiyu komp'yuternoï zavisimosti. Dis. kand. psikh. nauk [The personal sphere of adolescents prone to the development of computer addiction. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 136 p.
45. Kozulina N.S., Karachev A.Yu., Akhmedzyanova E.V. Fabbing — neblagopriyatnyi faktor v formirovanii kompetentsii u studentov vuzov [Fabbing is an unfavorable factor in the formation of competencies among university students]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2016, no. 10 (66), pp. 56–65. doi:10.12731/2218-7405-2016-10-56-65.
46. Kolotilova I.V. Individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki podrostkov, uvlechennykh rolevymi komp'yuternymi igrami. Dis. kand. psikh. nauk [The individual psychological characteristics of adolescents keen on role-playing computer games. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2009. 234 p.
47. Kochetkov N.V. Socio-psychological aspects, depending on the online games and the method of its diagnosis. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 148–163. doi:10.17759/sps.2016070311. (In Russ., abstr. in Engl.).
48. Krainyukov S.V. Influence of modern information technologies on the worldview. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 23–41. doi:10.17759/sps.2019100403. (In Russ., abstr. in Engl.).
49. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. Phubbing as a Possible Threat to Close Relationships' Welfare. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 61–76. doi:10.17759/cpp.2019270305. (In Russ., abstr. in Engl.).
50. Kyshtymova I.M., Timofeev S.B. Psychological master form of computer games. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 160–174. doi:10.17759/sps.2019100411. (In Russ., abstr. in Engl.).
51. Loskutova V.A. Internet-zavisimost' kak forma nekhimicheskikh addiktivnykh rasstroistv. Dis. kand. med. nauk [Internet addiction as a form of non-chemical addictive disorders. MD diss.]. Novosibirsk, 2004. 157 p.

52. Maksimov A.A. Lichnostnye osobennosti lyudei s komp'yuterno-igrovoi zavisimost'yu. Dis. kand. psikhol. nauk [Personal characteristics of people with computer-gaming addiction. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2009. 166 p.
53. Mararitsa L.V., Antonova N.A., Eritsyun K.Yu. Obshchenie v internete: potentsial'naya ugroza ili resurs dlya lichnosti [Elektronnyi resurs] [Communication on the Internet: a potential threat or resource for the individual]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal* [*Petersburg Psychological Journal*], 2013, no. 5, pp. 1–15. URL: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23> (Accessed: 10.01.2020).
54. Marinova T.Y., Zaretskaya O.V. Social Psychological Aspects of Addiction to Massively Multiplayer Online Role-Playing Games. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2015. Vol. 6, no. 3, pp. 109–119. doi:10.17759/sps.2015060308. (In Russ., abstr. in Engl.)
55. Malygin V.L. et al. Metodologicheskie podkhody k rannemu vyyavleniyu Internet-zavisimogo povedeniya [Elektronnyi resurs] [Methodological Approaches to the Early Detection of Internet-Dependent Behavior]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [*Medical Psychology in Russia: an electronic scientific journal*], 2011, no. 6, URL: <http://medpsy.ru> (Accessed: 10.01.2020).
56. Miroshnichenko A.V. Transformatsii smyslovoi sfery yunoshei s razlichnym urovnem komp'yuterno zavisimosti. Dis. kand. psikhol. nauk [Transformations of the semantic sphere of young men with different levels of computer addiction. PhD (Psychology) diss.]. Rostov-na-Donu, 2010. 174 p.
57. Moiseeva T.B. Informatsionnye tekhnologii kak sredstvo transformatsii povsednevnoi zhizni cheloveka: filosofsko-antropologicheskii analiz. Dis. kand. filos. nauk [Information technology as a means of transforming human everyday life: philosophical and anthropological analysis. PhD (Philosophical Sciences) diss.]. Rostov-na-Donu, 2008. 149 p.
58. Morozova O.A. Psikhologicheskie issledovaniya videoigr: urok zapadnoi nauki [Elektronnyi resurs] [Psychological studies of video games: a lesson in Western science]. *Voprosy psikhologii* [*Psychology Issues*], 2019, no. 5, pp. 84–96.
59. Moskvina V.A., Moskvina N.V., Shumova N.S. Asimmetrii i individual'nye osobennosti studentov s proyavleniyami internet-zavisimosti [Asymmetries and individual characteristics of students with manifestations of Internet addiction]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [*World of science, culture, education*], 2018, no. 4 (71), pp. 347–349.
60. Muratkina Yu.N. Vzaimosvyaz' komp'yuterno zavisimosti i sovladayushchego povedeniya podrostkov. Dis. kand. psikhol. nauk [The relationship of computer addiction and coping behavior of adolescents. PhD (Psychology) diss.]. Surgut, 2010. 154 p.
61. Obukhova L.F., Tkachenko S.B. Vozmozhnosti ispol'zovaniya komp'yuternykh igr dlya razvitiya pertseptivnykh deistvii [Possibilities of using computer games for the development of perceptual actions]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [*Psychological Science and Education*], 2008, no. 3, pp. 49–60. (In Russ., Abstr. in Engl.).
62. Omel'chenko N.V. Lichnostnye osobennosti igrayushchikh v komp'yuternye igry. Dis. kand. psikhol. nauk [Personal features of playing computer games. PhD (Psychology) diss.]. Krasnodar, 2011. 169 p.

63. Oparina I.G. Internet v sovremennom obshchestve: Sotsial'no-filosofskii analiz. Dis. kand. filos. nauk [Internet in modern society: Socio-philosophical analysis. PhD (Philosophical Sciences) diss.]. Krasnoyarsk, 2005. 142 p.
64. Malygin V.L. et all. Osobennosti tsennostnykh orientatsii u podrostkov s internet-zavisimym povedeniem [Elektronnyi resurs] [Features of value orientations in adolescents with Internet-dependent behavior]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Medical Psychology in Russia: an electronic scientific journal], 2015, no. 4 (33), URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php (Accessed: 10.01.2020).
65. Polskaya N., Yakubovskaya D.K. The Impact of Social Media Platforms on Self-Injurious Behavior in Adolescents. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 156–174. doi:10.17759/cpp.2019270310. (In Russ., abstr. in Engl.)
66. Razvitie interneta v Rossii [Elektronnyi resurs] [Internet development in Russia]. *RIA Novosti* [RIA News]. URL: <https://ria.ru/20100930/280796937.html> (Accessed 10.01.2020).
67. Romanov I.V. Vliyanie internet-sredy na individual'no-psikhologicheskie kachestva pol'zovatelei nauchno-informatsionnykh saitov. Dis. kand. psikhol. nauk [The influence of the Internet environment on the individual psychological qualities of users of scientific information sites. PhD (Psychology) diss.]. Ivanovo, 2005. 207 p.
68. Rubtsova O.V. Digital Media as a New Means of Mediation (Part One). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 117–124. doi:10.17759/chp.2019150312. (In Russ., abstr. in Engl.)
69. Rubtsova O.V., Panfilova A.S., Artemenkov S.L. Relationship between Personality Traits and Online Behaviour in Adolescents and Young Adults: A Research on Dota 2 Players. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018. Vol. 23, no. 1, pp. 137–148. doi:10.17759/pse.2018230112. (In Russ., abstr. in Engl.)
70. Rybaltovich D.G. Psikhologicheskie osobennosti pol'zovatelei onlain-igr s razlichnoi stepen'yu igrovoi addiktсии. Dis. kand. psikhol. nauk [Psychological characteristics of users of online games with varying degrees of addiction. PhD (Psychology) diss.]. Saint Petersburg, 2012. 172 p.
71. Rybnikov V.Yu., Litvinenko O.V., Yurenkova V.A. Rasprostranennost' komp'yuterno-igrovoi zavisimosti sredi naseleniya megapolisa [The prevalence of computer gaming addiction among the population of a metropolis]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh* [Biomedical and socio-psychological safety problems in emergency situations], 2008, no. 4, pp. 72–76.
72. Rykov Yu.G., Nagornyi O.S. Oblast' internet-issledovaniy v sotsial'nykh naukakh [The field of Internet research in the social sciences]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2017. Vol. 16, no. 3, pp. 366–394.
73. Ryaguzova T.V. Internet kak faktor sotsiokul'turnogo razvitiya rossiiskogo obshchestva. Dis. kand. sotsiol. nauk [The Internet as a factor in the sociocultural development of Russian society. PhD (Sociology) diss.]. Moscow, 2001. 166 p.
74. Savinskaya O.B., Shotashvili V.A. Vliyanie uvlechenosti onlain-igrami na intensivnost' kommunikatsii i sotsial'nye navyki igrokov [The influence of enthusiasm for

online games on the intensity of communications and social skills of players]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2013, no. 5 (117), pp. 123–134.

75. Saglam F.A. Pedagogicheskie usloviya korrektsii Internet-addiktsii u podrostkov. Dis. kand. ped. nauk [Pedagogical conditions for the correction of Internet addiction in adolescents. PhD (Pedagogy) diss.]. Kazan', 2009. 214 p.

76. Samelyuk M.M. Internet-dosug v kontekste transformatsii sotsial'nogo vremeni. Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Internet leisure in the context of the transformation of social time. PhD (Sociology) diss.]. Moscow, 2006. 164 p.

77. Samsonova N.N. Vzaimosvyaz' internet-kommunikatsii i sotsial'nogo povedeniya molodezhi. Dis. kand. psikholog. nauk [The relationship of Internet communications and social behavior of youth. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2018. 150 p.

78. Semenova O.Yu. Psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie osobennosti podrostkov s riskom razlichnykh vidov addiktsii. Dis. kand. psikholog. nauk [Psychophysiological and psychological characteristics of adolescents at risk of various types of addictions. PhD (Psychology) diss.]. Saint Petersburg, 2012. 189 p.

79. Smirnova E.A. Osobennosti semeinogo vospitaniya internet-zavisimykh podrostkov [Features of family education of Internet-dependent adolescents]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2013. Vol. 2, no. 1, pp. 246–252.

80. Smirnova E.O., Matushkina N.Y., Smirnova S.Y. Virtual Reality in Early and Preschool Childhood. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 42–53. doi:10.17759/pse.2018230304. (In Russ., abstr. in Engl.)

81. Smirnova E.O., Radeva R.E. Psikhologicheskie osobennosti komp'yuternykh igr: novyi kontekst detskoj subkul'tury [Psychological features of computer games: a new context for children's subculture]. *Obrazovanie i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty* [Education and Information Culture. Sociological aspects], Moscow, 2000, pp. 330–336.

82. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Social Media as a Field of a Modern Teenager's Socialization. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 119–137. doi:10.17759/cpp.2019270308. (In Russ., abstr. in Engl.)

83. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308. (In Russ., abstr. in Engl.)

84. Soldatova G.U., Vishneva A.E. Features of the Development of the Cognitive Sphere in Children with Different Online Activities: Is There a Golden Mean? *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 97–118. doi:10.17759/cpp.2019270307. (In Russ., abstr. in Engl.)

85. Sorokina A.B. Internet in the lives of children and adolescents: problems and resources [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2015. Vol. 4, no. 1, pp. 45–64. (In Russ., abstr. in Engl.)

86. Tatarko A.N., Mironova A.A., Maklasova E.V. Individual values and Internet use: comparison of Russia and European countries. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*

- [*Social Psychology and Society*], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 77–95. doi:10.17759/sps.2019100406. (In Russ., abstr. in Engl.)
87. Tuyakbasarova N.A. Internet-kommunikatsii kak sredstvo formirovaniya tsennostnykh orientatsii lichnosti studenta. Dis. kand. sotsiol. nauk [Internet communications as a means of forming value orientations of a student's personality. PhD (Sociology) diss.]. Kursk, 2006. 176 p.
88. Ugol'kov N.V. Internet kak institut sotsializatsii starshikh shkol'nikov. Dis. kand. ped. nauk [The Internet as an Institute for the Socialization of High School Students. PhD (Pedagogy) diss.]. Moscow, 2012. 197 p.
89. Ustav Vsemirnoi organizatsii zdavookhraneniya [Elektronnyi resurs] [Charter of the World Health Organization]. URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (Accessed 10.01.2020).
90. Frolov V.A. Pedagogicheskie usloviya profilaktiki virtual'noi addiktsii starshikh shkol'nikov. Dis. kand. ped. nauk [Pedagogical conditions for the prevention of virtual addiction of high school students. PhD (Pedagogy) diss.]. Moscow, 2010. 238 p.
91. Khasanova I.I., Kotova S.S. Vzaimosvyaz' internet-zavisimosti s sovladayushchim i otklonyayushchimsya povedeniem uchashcheisya molodezhi [The relationship of Internet addiction with coping and deviant behavior of student youth]. *Obrazovanie i nauka [Education and Science]*, 2017. Vol. 19, no. 4. pp. 146–168. doi:10.17853/1994-5639-2017-4-146-168
92. Kholmogorova A.B., Gerasimova A.A. Psychological Factors of Problematic Internet Use in Adolescent and Young Girls. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 138–155. doi:10.17759/cpp.2019270309. (In Russ., abstr. in Engl.)
93. Khomeriki N.S. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti podrostkov s internet-zavisimym povedeniem. Dis. kand. sotsiol. nauk [Individual psychological characteristics of adolescents with Internet-dependent behavior. PhD. (Sociology) diss.]. Saint Petersburg, 2013. 186 p.
94. Khudyakov A.V., Ursu A.V., Starchenkova A.M. Komp'yuternaya igrovaya zavisimost', klinika, dinamika i epidemiologiya [Elektronnyi resurs] [Computer game addiction, clinic, dynamics and epidemiology]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyi nauchnyi zhurnal [Medical Psychology in Russia: electronic scientific journal]*, 2015, no. 4(33), URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer03.php (Accessed: 10.01.2020).
95. Tsoi N.A. Sotsial'nye faktory fenomena internet-zavisimosti. Dis. kand. sotsiol. nauk [Social factors of the phenomenon of Internet addiction. PhD (Sociology) diss.]. Vladivostok, 2011. 206 p.
96. Shaidulina A.F. Osobennosti kliniki i lecheniya patsientov s patologicheskoi sklonnost'yu k azartnym igram i komp'yuternoii zavisimost'yu. Dis. kand. med. nauk [Features of the clinic and treatment of patients with pathological addiction to gambling and computer addiction. MD diss.]. Saint Petersburg, 2004. 144 p.
97. Shmelev A.G. Mir popravimyykh oshibok [World of fixable errors]. *Vychislitel'naya tekhnika i ee primeneniye [Computing and its application]*, 1988, no. 3, pp. 16–84.
98. Yurkov A.A. Virtual'naya komp'yuternaya real'nost': negativnye i pozitivnye formy mezhsob'ektnyykh vzaimosvyazei. Dis. kand. filos. nauk [Virtual computer reality: negative

and positive forms of intersubjective relationships. PhD (Philosophical Sciences) diss.]. Moscow, 2013. 212 p.

99. Yur'eva L.N., Bol'bot T.Yu. Komp'yuternaya zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika [Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention]. Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. 196 p.

100. Marker C., Gnamb T., Appel M. Active on Facebook and Failing at School? Meta-Analytic Findings on the Relationship Between Online Social Networking Activities and Academic Achievement. *Educational Psychology Review*. September 2018. Vol. 30, Issue 3, pp. 651–677. (In Engl.).

Информация об авторах

Кочетков Никита Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Information about the authors

Nikita V. Kochetkov, PhD in Psychology, Associate Professor in the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Получена 09.01.2020

Received 09.01.2020

Принята в печать 21.02.2020

Accepted 21.02.2020

Нейробиологические факторы риска формирования интернет-зависимости у подростков: актуальные гипотезы и ближайшие перспективы

Терещенко С.Ю.

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера – обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН (НИИ МПС),

г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Смольникова М.В.

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера – обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН (НИИ МПС),

г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-2029>, e-mail: smarinov@yandex.ru

Цель исследования — суммировать и проанализировать имеющиеся к настоящему времени данные о нейробиологических факторах риска формирования интернет-зависимости (далее — ИЗ) у подростков, а также наметить наиболее перспективные направления исследований в этой области.

Контекст и актуальность исследования. Стремительность появления и распространения ИЗ в подростковых популяциях, сочетающаяся с быстрым изменением потребляемого контента в связи с общедоступностью мобильного доступа в Сеть и появлением новых устройств доступа, ставит перед классической психологией и фундаментальной медициной новые вызовы, требующие безотлагательного решения. Как и большинство других хронических психопатологических состояний, патологическая ИЗ относится к группе мультифакториальных полигенных заболеваний, где в каждом конкретном случае имеет место уникальное сочетанное влияние врожденных особенностей функционирования высшей нервной деятельности, часть из которых генетически детерминирована (структурные особенности строения нервной ткани, спектр секреции, деградации и рецепции нейромедиаторов), с влиянием множества внешнесредовых факторов (семейных, социальных, этнокультурных).

Используемая методология. К настоящему времени проведено большое количество исследований для изучения патогенеза ИЗ с использованием различных нейровизуализирующих техник. С помощью близнецовых исследований с одновременным учетом этнических различий установлена генетическая составляющая подверженности к ИЗ, кроме этого, выявлена серьезная коморбидность интернет-зависимости.

Основные выводы. Одной из важнейших фундаментальных задач изучения интернет-зависимости является выявление конкретных генов и нейромедиаторных ассоциаций, отвечающих за предрасположенность к формированию интернет-зависимости, что позволит выйти на поиск новых терапевтических мишеней и путей ранней профилактики с оценкой степени генетического риска.

Ключевые слова: интернет-зависимость, подростки, коморбидность, нейробиология, нейровизуализация, нейромедиаторы, полиморфизм генов.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-22032\18.

Для цитаты: Терещенко С.Ю., Смольникова М.В. Нейробиологические факторы риска формирования интернет-зависимости у подростков: актуальные гипотезы и ближайшие перспективы // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 55–71. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110104>

Neurobiological risk factors in the formation of internet addiction in adolescence: vital hypotheses and the nearest perspectives

Sergey Y. Tereshchenko

*Scientific Research Institute of Medical Problems of the North FRC KSC SB RAS,
Krasnoyarsk, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Marina V. Smolnikova

*Scientific Research Institute of Medical Problems of the North FRC KSC SB RAS,
Krasnoyarsk, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-2029>, e-mail: smarinov@yandex.ru

Objectives. *The review summarizes the currently available data on neurobiological risk factors for the formation of Internet addiction (IA) in adolescents, and also indicates the most promising areas of research in this area.*

Background. *The rapid emergence and spread of IA in teenage populations, combined with the rapid change in consumed content due to the general availability of mobile access to the network and the emergence of new devices, poses new challenges for classical psychology and fundamental medicine that need to be addressed urgently. Like most other chronic psychopathological conditions, pathological heart failure belongs to the group of multifactorial polygenic diseases, where in each case there is a unique combined effect of congenital features of the functioning of higher nervous activity, some of which are genetically determined (structural features of the structure of the nervous tissue, spectrum of secretion, degradation and the reception of neurotransmitters) with the influence of many environmental factors (family, social, ethnocultural).*

Methodology. *To date, a large number of studies have been conducted to study the pathogenesis of IA using various neuroimaging techniques. Using twin studies while taking into account ethnic differences, the genetic component of susceptibility to IA was established, in addition, a serious comorbidity of Internet addiction was revealed.*

Conclusions. *One of the most important fundamental tasks of studying Internet addiction is the identification of specific genes and neurotransmitter associations that are responsible for the predisposition to the formation of Internet addiction, which will allow searching for new therapeutic targets and ways for early prevention with an assessment of the degree of genetic risk.*

Keywords: *Internet addiction, adolescents, comorbidity, neurobiology, neuroimaging, neurotransmitters, gene polymorphism.*

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-29-22032\18.

For citation: Tereshchenko S.Y., Smolnikova M.V. Neurobiological risk factors in the formation of internet addiction in adolescence: vital hypotheses and the nearest perspectives. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 55–71. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110104>. (In Russ.).

Стремительное вторжение персонального компьютера и интернета в нашу повседневную жизнь, несмотря на все технологические преимущества, принесло с собой целый ряд побочных проявлений, прямо отражающихся на психическом и соматическом здоровье детей и подростков. Интернет-зависимость — относительно новый, в некоторых регионах (Южная Корея, Китай, Япония) уже имеющий признаки социальной эпидемии психологический феномен, особо характерный для уязвимых групп (подростки и молодые взрослые). Представляя собой одну из 11 форм аддиктивного поведения, к настоящему времени интернет-зависимость имеет достаточно определенные диагностические критерии, позволяющие четко отграничить патологическую составляющую аддикции, имеющую признаки психического расстройства, что частично отражено в новой международной классификации ментальных расстройств (DSM-V, Internet gaming disorder) и планируется к выделению в современной международной номенклатуре заболеваний (МКБ-11, ICD-11).

С точки зрения классической психологии и психиатрии, ИЗ — относительно новый феномен, не имеющий к настоящему времени общепринятого формального определения. В специализированной литературе можно встретить такие взаимозаменяемые термины, как «компульсивное использование интернета (compulsive internet use)», «проблемное

использование интернета (problematic internet use)», «патологическое использование интернета (pathological internet use)» и, наконец, «интернет-зависимость (Internet Addiction)».

С первого описания феномена ИЗ в научной литературе [7; 8; 54] и до настоящего времени ведется дискуссия о наиболее точном определении этого психопатологического состояния [12; 41]. Наиболее часто цитируемым является определение одного из признанных авторитетов в области изучения аддиктивного поведения, английского психолога Марка Гриффитса (Mark Griffiths): «интернет-зависимость — это нехимическая поведенческая зависимость, которая включает в себя взаимодействие “человек-машина” (“компьютер-интернет”)» [20].

Многие психологи подчеркивают, что к настоящему времени в таком взаимодействии нет полноценного компонента взаимодействия человека с «машинным разумом», хотя появления этого нельзя исключить в ближайшее время. Сейчас компонент «компьютер-интернет» в этой модели является лишь инструментом особого вида разных типов социального взаимодействия «человек-человек» (от обмена информацией в социальных сетях до соревновательных компьютерных игр). Именно поэтому исследования ИЗ в настоящее время обязательно должны включать в себя не только оценку общих компонентов любой патологической аддикции (компульсивность, снижение

толерантности, абстиненция и т.д.), но и обязательный анализ потребляемого контента (зависимость от интернет-игр, зависимость от социальных сетей и др.).

Несмотря на продолжающиеся дебаты в отношении общего определения ИЗ, среди психологов и психиатров в настоящее время существует консенсус в отношении диагностических критериев, позволяющих четко отграничить патологическую составляющую аддикции от нормального повседневного использования интернета подростками: клинический диагноз ИЗ должен включать в себя четыре явных признака [6; 42]:

- Чрезмерное использование интернета (особенно при одновременном сокращении выделяемого времени для других видов деятельности): навязчивое (компульсивное) стремление использовать интернет, рост значимости интернета для подростка в его системе интересов и ценностей;

- Симптомы отмены: изменение настроения (абстиненция) при отсутствии доступа в интернет (депрессия, тревога, агрессивность);

- Толерантность: необходимость тратить все больше времени на интернет, возрастающая потребность в приобретении чрезмерного количества новейших устройств для использования интернета, частое стремление использовать интернет для снятия дисфории;

- Негативные последствия: потеря предыдущих интересов и развлечений в результате чрезмерного пребывания в интернете; потеря социальных связей, образовательных и спортивных возможностей в результате чрезмерного использования интернета; споры и ложь в отношении использования интернета; рецидивы: безуспешные самостоятельные попытки контролировать использование интернета.

Эпидемиология интернет-зависимости

Современная эпидемиология и оценка роли психосоциальных и нейробиологических факторов риска ИЗ у подростков должны оперировать четкими диагностическими критериями, которые способны верифицировать специально для этих целей разработанные и валидизированные психологические опросники. Первым специально созданным опросником для верификации ИЗ был валидизированный в 1998 году американской исследовательницей Кибмерли Янг тест выявления интернет-аддикции. Пионерские исследования К. Янг сыграли существенную роль в стандартизации диагностики ИЗ, однако в последующие годы ее подходы были подвергнуты некоторой критике и был предложен ряд новых, в большей степени отвечающих современному развитию клинической и возрастной психологии опросников, в частности «Chen Internet Addiction Scale (CIAS)» [14], специально разработанный для подростков.

Приведенные в мировой литературе цифры распространенности ИЗ среди подростков варьируют в зависимости от исследованных этносоциальных групп и использованных критериев диагностики и опросников от 1% до 18% [12]. Так, в Европе распространенность ИЗ среди подростков составляет 1–11%, в среднем 4,4% [32]. В США распространенность ИЗ в общей выборке составляет 0,3–8,1% [5]. В то же время среди подростков азиатских стран (Китай, Южная Корея, Япония и др.) распространенность ИЗ среди подростков и молодых взрослых значительно выше — 8,1–26,5% [9; 46]. Чрезвычайно высокая распространенность ИЗ в некоторых регионах Китая уже привела к созданию специальной

правительственной программы и субсидируемых правительством центров реабилитации. Методологически тщательно выверенное исследование В.Л. Малыгина с соавт. учащихся 9–11 классов г. Москвы с использованием валидизированного авторами опросника «Chen Internet Addiction Scale (CIAS)» показало, что «из всех обследованных подростков ($n=190$) 11,0% имеют признаки интернет-зависимости, 42,0% злоупотребляют интернетом» [1]. Другое исследование этой же исследовательской группы показало, «что из 1084 подростков (средний возраст по выборке – 15,56) 4,25% были диагностированы как интернет-зависимые и 29,33% как злоупотребляющие интернетом» [2]. В.В. Титова с соавт. сообщают, что «из 120 протестированных ими студентов г. Санкт-Петербурга (шкала CIAS в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова) у 57 человек (26 девушек и 31 юноши) были выявлены признаки компьютерной зависимости» [4].

Коморбидность интернет-зависимости

Большое количество зарубежных исследований убедительно показало выраженную коморбидность ИЗ с широким спектром психопатологических состояний [18; 50]. Так, в метаанализе продемонстрирована коморбидность ИЗ с депрессией ($OR=2,77$, $CI=2,04–3,75$), тревожными расстройствами ($OR=2,70$, $CI=1,46–4,97$), синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) ($OR=2,85$, $CI=2,15–3,77$) [25]. В систематическом обзоре показано, что наибольшую связь с ИЗ имеют депрессивное расстройство и СДВГ, меньшую, но значимую связь обнаруживают также

тревожное расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, социальная фобия и агрессивное поведение [10]. Такие же выводы были сделаны и в другом систематическом обзоре [18]. Исследование, включавшее репрезентативную выборку из 11356 подростков 11 европейских стран, убедительно показало ассоциацию ИЗ с самоповреждающим и суицидальным поведением, так же как с депрессией и тревожностью [17]. Такие же данные получены и в другом исследовании [28]. Показана также ассоциация ИЗ с определенными чертами характера, в частности с такой часто описываемой в западной литературе личностной характеристикой, как «sensation seeking» (стремление к поиску новых, необычных, сложных ощущений, часто сопряженных с риском) [40]. В лонгитюдном исследовании у взрослых лиц показана ассоциация ИЗ с ангедонией (слабой способностью испытывать удовольствие, что является характерной чертой депрессивных расстройств) [21].

Меньше в настоящее время известно об ассоциации ИЗ с психосоматическими заболеваниями, хотя такая связь высоковероятна, учитывая наличие общих факторов патогенеза (тревожно-депрессивные и обсессивно-компульсивное расстройства). В исследовании, основанном на интернет-опросе, была показана ассоциация ИЗ с хроническими болевыми синдромами, которые авторы связывают с психосоматическими заболеваниями и мышечным перенапряжением [49]. Недавнее исследование не выявило статистически значимой связи между ИЗ и головной болью (напряжением/мигренью), хотя, в целом, соматические симптомы чаще были зарегистрированы в группе интернет-аддикции [13]. Проведенное одновременно в трех странах (Финляндия,

Франция и Дания) исследование показало ассоциацию нарушений сна с интернет-зависимостью у подростков [43]. Подобные данные были получены в выборке японских школьников [47].

Данные о психиатрической и психосоматической коморбидности у интернет-зависимых подростков в Российской Федерации крайне ограничены: опубликованные результаты исследований рассмотрены в основном с точек зрения социальной и психологической феноменологии. Так, например, в недавнем обзоре А.М. Старченковой с соавт. «Коморбидные расстройства у лиц молодого возраста с интернет-зависимым поведением» [3] процитирован только один отечественный источник, исследующий именно психиатрическую коморбидность: исследование о связи компьютерной зависимости и СДВГ (все остальные источники оригинальных исследований о подобных ассоциациях были зарубежными).

К настоящему времени предложено несколько этиопатогенетических моделей формирования интернет-зависимого поведения у подростков [15]. Отдельные исследователи предполагают наличие преимущественно нейробиологических факторов риска, ассоциированных с недостаточной зрелостью определенных отделов головного мозга подростка, что проявляется недостаточной эффективностью волевого контроля, высокой импульсивностью и чрезмерно активированной системой вознаграждений (reward circuitry) [26; 33]. Однако наиболее признанной большинством исследователей в настоящее время является «компонентная биопсихосоциальная модель», предполагающая комбинацию психосоциальных проблем (в особенности проблем во взаимоотношениях с родителями и сверстниками) и нейроби-

ологических факторов риска [15; 19; 30]. В отечественной литературе нам не удалось найти обзорных статей, суммирующих фрагментарные исследования роли нейробиологических факторов риска ИЗ у подростков, что и послужило основным мотивом написания настоящего обзора литературных данных.

Патогенез интернет-зависимости с точки зрения нейробиологии

Подростковый период в развитии головного мозга характеризуется различными по времени траекториями формирования лимбической системы и префронтальных корковых отделов [11]. Затянувшееся развитие префронтальной коры по сравнению с лимбической системой в течение подросткового периода приводит к ослабленному торможению со стороны корковых отделов в отношении нижележащих подкорковых структур и повышенной импульсивности, что способствует высокому риску формирования аддиктивного поведения [24].

К настоящему времени проведено большое количество исследований для изучения патогенеза интернет-зависимости с использованием различных нейровизуализирующих техник: магнитно-резонансной томографии (МРТ) с использованием воксель-базированной морфометрии, диффузионной спектральной томографии, функциональной МРТ, позитронно-эмиссионной и однофотонной эмиссионной томографии головного мозга. Указанными методиками был выявлен ряд структурных изменений головного мозга, ассоциированных с ИЗ [44; 51; 52]: снижение плотности серого вещества в различных участках, включая префронтальный, орбитофрон-

тальный, корковые слои и дополнительную моторную область [55]; аномальная функциональная активность отделов головного мозга, связанных с зависимостью от вознаграждений [26]; активизация сенсорно-моторной синхронизации с одновременным снижением аудиовизуальной синхронизации [36]; активация отделов головного мозга, связанных с формированием непреодолимых желаний и импульсивностью; увеличение метаболизма глюкозы в отделах головного мозга, ассоциированных с импульсивностью, зависимостью от вознаграждений и стремлением к повторению пережитых соматических ощущений [45]; увеличение секреции допамина с последующим снижением доступности допаминовых рецепторов в стриарной области [31]. Кроме того, анализ потенциалов электроэнцефалограммы, ассоциированных с событием (event-related potentials), показал увеличение времени реакции, что может быть ассоциировано с нарушением произвольной регуляции [16].

Генетика интернет-зависимости

В отличие от других видов аддиктивного поведения (например, злоупотребления психоактивными веществами или азартными играми), очень небольшое количество исследований было посвящено поиску генетических предикторов интернет-зависимости. Например, первое близнецовое исследование (являющееся одним из наиболее доказательных в современной генетике мультифакториальных заболеваний) было проведено в 2014 году: авторам на основании обследования 825 подростков китайской популяции удалось доказать наличие врожденного компонента, оцененного ими в

58–66% [35]. Подобные результаты не много позднее были получены при исследовании нидерландской (48%, 2016 г., [48]), австралийской (41%, 2016 г., [37]) и немецкой (21–44%, 2017 г., [22]) близнецовых когорт.

Таким образом, наличие генетического компонента формирования интернет-зависимости было убедительно показано близнецовыми исследованиями на примере различных популяций, однако к настоящему времени конкретные гены, вовлеченные в механизмы такой наследуемости, точно не идентифицированы. Тем не менее в четырех небольших пилотных исследованиях были верифицированы полиморфные участки пяти кандидатных генов, среди них:

- rs1800497 (ген дофамина рецептора второго типа, dopamine D2 receptor (DRD2) gene, Taq1A1 allele) и rs4680 (ген фермента распада допамина, methionine variant of dopamine degradation enzyme catecholamine-O-methyltransferase (COMT) gene) — первое из подобных исследований, проведенное среди подростков Южной Кореи и показавшее наличие связи минорных аллелей, ассоциированных с низкой продукцией допамина (rs4680) и низким количеством допаминовых рецепторов в префронтальной коре (rs1800497), с наличием патологической приверженности к интернет-играм [23]. Указанные аллельные варианты одновременно могут быть ассоциированы с предрасположенностью к алкоголизму, азартным играм и синдрому дефицита внимания с гиперактивностью;

- rs25531 (ген серотонинового транспортера, serotonin transporter (5HTTLPR) gene, short allelic variants) — было показано, что короткие аллельные варианты гена серотонинового транс-

портера могут быть ассоциированы с патологической интернет-зависимостью [34]. Как было показано большим количеством исследований, данные генетические варианты также связаны с предрасположенностью к депрессии — наиболее частому выявляемому коморбидному состоянию у интернет-зависимых лиц;

- rs1044396 (ген ацетилхолинового никотинового рецептора, *nicotinic acetylcholine receptor subunit alpha 4 (CHRNA4) gene*) — небольшое исследование типа «случай-контроль» показало наличие ассоциации с СС генотипом по полиморфизму rs1044396, который также может быть ассоциирован с никотиновой зависимостью и расстройствами внимания [39];

- rs2229910 (ген нейротрофического рецептора тирозинкиназы третьего типа, *neurotrophic tyrosine kinase receptor type 3 (NTRK3) gene*) — наконец, недавнее пилотное исследование целевого экзона 30 взрослых лиц с интернет-зависимостью и 30 здоровых лиц, включавшее исследование 83 полиморфных участков, показало наличие статистически убедительной связи только с одним участком — rs2229910, предположительно ассоциированным также с тревожно-паническими, депрессивными расстройствами, обсессивно-компульсивным расстройством и психологически детерминированными расстройствами питания [27].

Необходимо отметить, что все указанные полиморфизмы не являются уникально специфичными для ИЗ: во всех случаях такие генетические особенности одновременно ассоциированы с широким спектром психопатологических состояний, в том числе и других видов аддиктивного поведения. Ситуация множественности фенотипических проявлений при наличии изменений

в одном полиморфном участке генома характерна для генетики полигенных мультифакториальных психопатологических состояний, к которым, по всей видимости, относится ИЗ.

Частота встречаемости отдельных полиморфных участков упомянутых выше генов, предположительно ассоциированных с формированием интернет-зависимости, может значительно отличаться в различных этнических группах. Анализ доступной литературы показывает, что этническому фактору в поиске таких генетических ассоциаций уделяется совершенно недостаточное внимание. Так, в фундаментальном систематическом обзоре [38], посвященном этническим различиям 11 форм аддиктивного поведения в классификации Стива Сассмана и др. (Sussman), смогли найти только одно исследование (протитированное ранее в обзоре [32]), учитывающее этнический фактор ИЗ: при обследовании 1470 студентов колледжа с близкими социально-культурными условиями жизни и по единому протоколу смогли показать большую частоту интернет-зависимости у представителей азиатских национальностей (8,6%) в сравнении с неазиатами (3,8%) [54]. В этом же обзоре процитирован целый ряд источников, показывающих большую распространенность зависимости от компьютерных игр у неевропеоидов Америки (коренные жители, негроиды) в сравнении с представителями белой расы [38]. В крупном мультицентровом (11 стран) европейском исследовании интернет-зависимости у подростков была выявлена наиболее выраженная коморбидность с суицидальным поведением, депрессией и тревожностью, однако вклад каждого фактора коморбидности различался от страны к стране.

Авторы делают вывод о необходимости дальнейших исследований в этом направлении с обязательным учетом социокультурных и, возможно, этнических (генетических) различий [17; 29]. С нашей точки зрения, анализ этногеографических различий интернет-зависимости с одновременным учетом этнических различий в распространенности генотипических особенностей популяций представляется очень перспективным направлением современной нейрогенетики аддикций у подростков, особенно в такой многонациональной стране, как Российская Федерация.

Заключение

Таким образом, стремительность появления и распространения интернет-зависимости в подростковых популяциях, сочетающаяся с быстрым изменением потребляемого контента, в связи с общедоступностью мобильного доступа в Сеть и появлением новых устройств доступа ставит перед классической психологией и фундаментальной медициной новые вызовы, требующие безотлагательного решения. Это особенно актуально в связи с установленной серьезной коморбидностью ИЗ (депрессия, тревожность, суицидальное поведение,

немотивированная агрессия, а также психосоматические заболевания). Наличие генетического компонента формирования интернет-зависимости было убедительно показано близнецовыми исследованиями на примере различных популяций, однако к настоящему времени конкретные гены, вовлеченные в механизмы такой наследуемости, точно не идентифицированы. Анализ этногеографических различий интернет-зависимости с одновременным учетом этнических различий в распространенности генотипических особенностей популяций представляется актуальным и в достаточной мере не исследованным направлением современной нейрогенетики аддикций у подростков, особенно в такой многонациональной стране, как Российская Федерация. Ожидается, что при взаимодействии специалистов различных направлений (педиатров, психологов, психиатров, невропатологов, нейробиологов, генетиков) уже в ближайшее время будут найдены новые патофизиологические механизмы формирования ИЗ. Результаты таких исследований помогут открыть новые перспективы в оценке фундаментальных нейробиологических причин формирования интернет-зависимости и персонализации терапевтической тактики у интернет-зависимых подростков.

Литература

1. *Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., Искандирова А.Б., Пахтусова Е.Е. и др.* Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением // *Медицинская психология в России*. 2015. № 4. С. 1–20.
2. *Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А.* Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // *Медицинская психология в России*. 2015. № 1. С. 1–22.
3. *Старченкова А.М., Урсу А.В., Худяков А.В.* Коморбидные расстройства у лиц молодого возраста с интернет-зависимым поведением // *Вестник Ивановской медицинской академии*. 2016. № 2. С. 50–54.

4. *Титова В.В., Катков А.И.* Интернет-зависимость: причины и механизмы формирования, диагностика, подходы к лечению и профилактике // Педиатр. 2014. № 4. С. 132–139.
5. *Aboujaoude E., Koran L.M., Gamel N. et al.* Potential markers for problematic internet use: a telephone survey of 2,513 adults // *CNS Spectr.* 2006. Vol. 11. № 10. P. 750–755. doi: 10.1017/S1092852900014875
6. *Block J.J.* Issues for DSM-V: internet addiction // *Am J Psychiatry.* 2008. Vol. 165. № 3. P. 306–307. doi: 10.1176/appi.ajp.2007.07101556
7. *Brenner V.* Psychology of computer use: XLVII. Parameters of Internet use, abuse and addiction: the first 90 days of the Internet Usage Survey // *Psychol Rep.* 1997. Vol. 80. P. 879–882. doi: 10.2466/pr0.1997.80.3.879
8. *Byun S., Ruffini C., Mills J.E. et al.* Internet Addiction: Metasynthesis of 1996–2006 Quantitative Research // *CyberPsychology & Behavior.* 2009. Vol. 12. № 2. P. 203–207. doi: 10.1089/cpb.2008.0102
9. *Cao F., Su L., Liu T. et al.* The relationship between impulsivity and Internet addiction in a sample of Chinese adolescents // *Eur Psychiatry.* 2007. Vol. 22. № 7. P. 466–471. doi: 10.1016/j.eurpsy.2007.05.004
10. *Carli V., Durkee T., Wasserman D. et al.* The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review // *Psychopathology.* 2013. Vol. 46. № 1. P. 1–13. doi: 10.1159/000337971
11. *Casey B.J., Jones Rebecca M., Hare Todd A.* The adolescent brain // *Ann N Y Acad Sci.* 2008. Vol. 1124. P. 111–126. doi: 10.1196/annals.1440.010
12. *Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S. et al.* Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues // *Neurosci Biobehav Rev.* 2017. Vol. 76. P. 174–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024
13. *Cerutti R.* The Potential Impact of Internet and Mobile Use on Headache and Other Somatic Symptoms in Adolescence. A Population-Based Cross-Sectional Study // *Headache.* 2016. Vol. 56. № 7. P. 1161–1170. doi: 10.1111/head.12840
14. *Chen S-H., Weng L-J., Su Y-J. et al.* Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // *Chinese Journal of Psychology.* 2003. Vol. 45. № 3. P. 279–294.
15. *Cimino S., Cerniglia L.* A Longitudinal Study for the Empirical Validation of an Etiopathogenetic Model of Internet Addiction in Adolescence Based on Early Emotion Regulation // *Biomed Res Int.* 2018. Vol. 2018, Article ID 4038541. 8 p. doi: 10.1155/2018/4038541
16. *Dong G., Zhou H., Zhao X.* Impulse inhibition in people with Internet addiction disorder: electrophysiological evidence from a Go/NoGo study // *Neurosci Lett.* 2010. Vol. 485. № 2. P. 138–142. doi: 10.1016/j.neulet.2010.09.002
17. *Durkee T., Carli V., Floderus B. et al.* Pathological Internet Use and Risk-Behaviors among European Adolescents // *Int J Environ Res Public Health.* 2016. Vol. 13. № 3. pii: E294. doi: 10.3390/ijerph13030294.
18. *Gonzalez-Bueso V., Santamaría J.J., Fernández D. et al.* Internet Gaming Disorder in Adolescents: Personality, Psychopathology and Evaluation of a Psychological Intervention Combined With Parent Psychoeducation // *Front Psychol.* 2018. Vol. 9. P. 787. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00787

19. *Griffiths M.* A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2005. Vol. 10. № 4. P. 191–197. doi: 10.1080/14659890500114359
20. *Griffiths M.* Does Internet and Computer “Addiction” Exist? Some Case Study Evidence // *CyberPsychology & Behavior*. 2000. Vol. 3. № 2. P. 211–218. doi: 10.1089/109493100316067
21. *Guillot C.R.* Longitudinal Associations between Anhedonia and Internet-Related Addictive Behaviors in Emerging Adults // *Comput Human Behav.* 2016. Vol. 62. P. 475–479. doi: 10.1016/j.chb.2016.04.019
22. *Hahn E., Reuter M., Spinath F.M. et al.* Internet addiction and its facets: The role of genetics and the relation to self-directedness // *Addict Behav.* 2017. Vol. 65. P. 137–146. doi: 10.1016/j.addbeh.2016.10.018
23. *Han D.H., Lee Y.S., Yang K.C. et al.* Dopamine genes and reward dependence in adolescents with excessive internet video game play // *J Addict Med.* 2007. Vol. 1. № 3. P. 133–138. doi: 10.1097/ADM.0b013e31811f465f
24. *He J., Crews F.T.* Neurogenesis decreases during brain maturation from adolescence to adulthood // *Pharmacol Biochem Behav.* 2007. Vol. 86. № 2. P. 327–333. doi: 10.1016/j.pbb.2006.11.003
25. *Ho R., Zhang M.W., Tsang T.Y. et al.* The association between internet addiction and psychiatric co-morbidity: a meta-analysis // *BMC Psychiatry*. 2014. Vol. 14. P. 183. doi: 10.1186/1471-244X-14-183.
26. *Hong S.B., Zalesky A., Cocchi L. et al.* Decreased functional brain connectivity in adolescents with internet addiction // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8. № 2. P. e57831. doi: 10.1371/journal.pone.0057831
27. *Jeong J.-E., Rhee J.K., Kim T.M. et al.* The association between the nicotinic acetylcholine receptor alpha4 subunit gene (CHRNA4) rs1044396 and Internet gaming disorder in Korean male adults // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. № 12. P. e0188358. doi: 10.1371/journal.pone.0188358
28. *Jiang Q., Huang X., Tao R.* Examining Factors Influencing Internet Addiction and Adolescent Risk Behaviors Among Excessive Internet Users // *Health Commun.* 2018. Vol. 33. № 12. P. 1434–1444. doi: 10.1080/10410236.2017.1358241
29. *Kaess M., Parzer P., Brunner R. et al.* Pathological Internet Use Is on the Rise Among European Adolescents // *J Adolesc Health*. 2016. Vol. 59. № 2. P. 236–239. doi: 10.1016/j.jadohealth.2016.04.009
30. *Kim H.S., Hodgins D.C.* Component Model of Addiction Treatment: A Pragmatic Transdiagnostic Treatment Model of Behavioral and Substance Addictions // *Front Psychiatry*. 2018. Vol. 9. P. 406. doi: 10.3389/fpsy.2018.00406
31. *Kim S.H., Baik S.H., Park C.S. et al.* Reduced striatal dopamine D2 receptors in people with Internet addiction // *Neuroreport*. 2011. Vol. 22. № 8. P. 407–411. doi: 10.1097/WNR.0b013e328346e16e
32. *Kuss D.J., Griffiths M.D., Karila L. et al.* Internet addiction: a systematic review of epidemiological research for the last decade // *Curr Pharm Des.* 2014. Vol. 20. № 25. P. 4026–4052.
33. *Kuss D.J., Lopez-Fernandez O.* Internet addiction and problematic Internet use: A systematic review of clinical research // *World J Psychiatry*. 2016. Vol. 6. № 1. P. 143–176. doi: 10.5498/wjp.v6.i1.143

34. Lee Y., Han D.H., Yang K.C. et al. Depression like characteristics of 5HTTLPR polymorphism and temperament in excessive internet users // *J Affect Disord.* 2008. Vol. 109. № 1–2. P. 165–169. doi: 10.1016/j.jad.2007.10.020
35. Li M., Chen J., Li N. et al. A twin study of problematic internet use: its heritability and genetic association with effortful control // *Twin Res Hum Genet.* 2014. Vol. 17. № 4. P. 279–287. doi: 10.1017/thg.2014.32
36. Liu J., Gao X.P., Osunde I. et al. Increased regional homogeneity in internet addiction disorder: a resting state functional magnetic resonance imaging study // *Chin Med J (Engl).* 2010. Vol. 123. № 14. P. 1904–1908.
37. Long E.C., Verhulst B., Neale M.C. et al. The Genetic and Environmental Contributions to Internet Use and Associations With Psychopathology: A Twin Study // *Twin Res Hum Genet.* 2016. Vol. 19. № 1. P. 1–9. doi: 10.1017/thg.2015.91
38. Luczak S.E., Khoddam R., Yu S. et al. Review: Prevalence and co-occurrence of addictions in US ethnic/racial groups: Implications for genetic research // *Am J Addict.* 2017. Vol. 26. № 5. P. 424–436. doi: 10.1111/ajad.12464
39. Montag C., Kirsch P., Sauer C. et al. The role of the CHRNA4 gene in Internet addiction: a case-control study // *J Addict Med.* 2012. Vol. 6. № 3. P. 191–195. doi: 10.1097/ADM.0b013e31825ba7e7
40. Muller K.W., Dreier M., Beutel M. et al. Is Sensation Seeking a correlate of excessive behaviors and behavioral addictions? A detailed examination of patients with Gambling Disorder and Internet Addiction // *Psychiatry Res.* 2016. Vol. 242. P. 319–325. doi: 10.1016/j.psychres.2016.06.004
41. Musetti A., Cattivelli R., Giacobbi M. et al. Challenges in Internet Addiction Disorder: Is a Diagnosis Feasible or Not? // *Frontiers in Psychology.* 2016. Vol. 7. № 842. P. 1–8. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00842
42. Northrup J.C. The Internet Process Addiction Test: Screening for Addictions to Processes Facilitated by the Internet // *Behav Sci (Basel).* 2015. Vol. 5. № 3. P. 341–352. doi: 10.3390/bs5030341
43. Nuutinen T. Computer use, sleep duration and health symptoms: a cross-sectional study of 15-year olds in three countries // *Int J Public Health.* 2014. Vol. 59. № 4. P. 619–628. doi: 10.1007/s00038-014-0561-y
44. Park B., Han D.H., Roh S. Neurobiological findings related to Internet use disorders // *Psychiatry Clin Neurosci.* 2017. Vol. 71. № 7. P. 467–478. doi: 10.1111/pcn.12422
45. Park H.S., Kim S.H., Bang S.A. et al. Altered regional cerebral glucose metabolism in internet game overusers: a 18F-fluorodeoxyglucose positron emission tomography study // *CNS Spectr.* 2010. Vol. 15. № 3. P. 159–166. doi: 10.1017/S1092852900027437
46. Park S.K., Kim J.Y., Cho C.B. Prevalence of Internet addiction and correlations with family factors among South Korean adolescents // *Adolescence.* 2008. Vol. 43. № 172. P. 895–909.
47. Tamura H., Nishida T., Tsuji A. et al. Association between Excessive Use of Mobile Phone and Insomnia and Depression among Japanese Adolescents // *Int J Environ Res Public Health.* 2017. Vol. 14. № 7. pii: E701. doi: 10.3390/ijerph14070701.
48. Vink J.M., van Beijsterveldt T.C., Huppertz C. et al. Heritability of compulsive Internet use in adolescents // *Addict Biol.* 2016. Vol. 21. № 2. P. 460–468. doi: 10.1111/adb.12218

49. Wei H-T., Chen M-H., Huang P-C. et al. The association between online gaming, social phobia, and depression: an internet survey // BMC Psychiatry. 2012. Vol. 12. № 1. P. 92. doi: 10.1186/1471-244x-12-92
50. Weinstein A., Lejoyeux M. Internet addiction or excessive internet use // American Journal of Drug and Alcohol Abuse. 2010. Vol. 36. № 5. P. 277–283. doi: 10.3109/00952990.2010.491880
51. Weinstein A., Lejoyeux M. New developments on the neurobiological and pharmacogenetic mechanisms underlying internet and videogame addiction // Am J Addict. 2015. Vol. 24. № 2. P. 117–125. doi: 10.1111/ajad.12110
52. Weinstein A., Livny A., Weizman A. New developments in brain research of internet and gaming disorder // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2017. Vol. 75. P. 314–330. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.01.040
53. Yates T.M., Gregor M.A., Haviland M.G. Child maltreatment, alexithymia, and problematic internet use in young adulthood // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 4. P. 219–225. doi: 10.1089/cyber.2011.0427
54. Young K.S. Psychology of computer use: XL. Addictive use of the Internet: a case that breaks the stereotype // Psychol Reports. 1996. Vol. 79. P. 899–902. doi: 10.2466/pr0.1996.79.3.899
55. Yuan K., Cheng P., Dong T. et al. Cortical thickness abnormalities in late adolescence with online gaming addiction // PLoS ONE. 2013. Vol. 8. № 1. P. e53055. doi: 10.1371/journal.pone.0053055

References

1. Malygin V.L., Merkur'eva Yu.A., Iskandirova A.B. et al. Osobennosti tsennostnykh orientatsii u podrostkov s internet-zavisimym povedeniem [Features of value orientations in adolescents with internet-dependent behavior]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia], 2015, no. 4, pp. 1–20.
2. Malygin V.L., Khomeriki N.S., Antonenko A.A. Individual'no-psikhologicheskie svoystva podrostkov kak faktory riska formirovaniya internet-zavisimogo povedeniya [Individual psychological properties of adolescents as risk factors for the formation of internet-dependent behavior]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia], 2015. Vol. 30, no. 1, pp. 1–22.
3. Starchenkova A.M., Ursu A.V., Khudyakov A.V. Komorbidnye rasstroistva u lits molodogo vozrasta s internet-zavisimym povedeniem [Comorbid Disorders in Young People with internet-Dependent Behavior]. *Vestnik Ivanovskoi meditsinskoi akademii* [Bulletin of the Ivanovo Medical Academy], 2016. Vol. 21, no. 2, pp. 50–54.
4. Titova V.V., Katkov A.L. Internet-zavisimost': prichiny i mekhanizmy formirovaniya, diagnostika, podkhody k lecheniyu i profilaktike [Internet addiction: causes and mechanisms of formation, diagnosis, treatment and prevention approaches]. *Pediatr* [Pediatrician], 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 132–139.
5. Aboujaoude E. et al. Potential markers for problematic internet use: a telephone survey of 2,513 adults. *CNS Spectr*, 2006. Vol. 11, no. 10, pp. 750–755. doi: 10.1017/S1092852900014875

6. Block J.J. Issues for DSM-V: internet addiction. *Am J Psychiatry*, 2008. Vol. 165, no. 3, pp. 306–307. doi: 10.1176/appi.ajp.2007.07101556
7. Brenner V. Psychology of computer use: XLVII. Parameters of Internet use, abuse and addiction: the first 90 days of the Internet Usage Survey. *Psychol Rep*, 1997. Vol. 80, pp. 879–882. doi: 10.2466/pr0.1997.80.3.879
8. Byun S., Ruffini C., Mills J.E. et al. Internet Addiction: Metasynthesis of 1996–2006 Quantitative Research. *CyberPsychology & Behavior*, 2009. Vol. 12, no. 2, pp. 203–207. doi: 10.1089/cpb.2008.0102
9. Cao F., Su L., Liu T. et al. The relationship between impulsivity and Internet addiction in a sample of Chinese adolescents. *Eur Psychiatry*, 2007. Vol. 22, no. 7, pp. 466–471. doi: 10.1016/j.eurpsy.2007.05.004
10. Carli V., Durkee T., Wasserman D. et al. The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review. *Psychopathology*, 2013. Vol. 46, no. 1, pp. 1–13. doi: 10.1159/000337971
11. Casey B.J., Jones Rebecca M., Hare Todd A. The adolescent brain. *Ann N Y Acad Sci*, 2008. Vol. 1124, pp. 111–126. doi: 10.1196/annals.1440.010
12. Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S. et al. Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues. *Neurosci Biobehav Rev*, 2017. Vol. 76, pp. 174–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024
13. Cerutti R. The Potential Impact of Internet and Mobile Use on Headache and Other Somatic Symptoms in Adolescence. A Population-Based Cross-Sectional Study. *Headache*, 2016. Vol. 56, no. 7, pp. 1161–1170. doi: 10.1111/head.12840
14. Chen S-H., Weng L-J., Su Y-J. et al. Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, 2003. Vol. 45, no. 3, pp. 279–294.
15. Cimino S., Cerniglia L. A Longitudinal Study for the Empirical Validation of an Etiopathogenetic Model of Internet Addiction in Adolescence Based on Early Emotion Regulation. *Biomed Res Int*, 2018. Vol. 2018, Article ID 4038541, 8 p. doi: 10.1155/2018/4038541
16. Dong G., Zhou H., Zhao X. Impulse inhibition in people with Internet addiction disorder: electrophysiological evidence from a Go/NoGo study. *Neurosci Lett*, 2010. Vol. 485, no. 2, pp. 138–142. doi: 10.1016/j.neulet.2010.09.002
17. Durkee T., Carli V., Floderus B. et al. Pathological Internet Use and Risk-Behaviors among European Adolescents. *Int J Environ Res Public Health*, 2016. Vol. 13, no. 3, pii: E294. doi: 10.3390/ijerph13030294.
18. Gonzalez-Bueso V., Santamaría J.J., Fernández D. et al. Internet Gaming Disorder in Adolescents: Personality, Psychopathology and Evaluation of a Psychological Intervention Combined With Parent Psychoeducation. *Front Psychol*, 2018. Vol. 9, p. 787. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00787
19. Griffiths M. A ‘components’ model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, 2005. Vol. 10, no. 4, pp. 191–197. doi: 10.1080/14659890500114359
20. Griffiths M. Does Internet and Computer “Addiction” Exist? Some Case Study Evidence. *CyberPsychology & Behavior*, 2000. Vol. 3, no. 2, pp. 211–218. doi: 10.1089/109493100316067

21. Guillot C.R. Longitudinal Associations between Anhedonia and Internet-Related Addictive Behaviors in Emerging Adults. *Comput Human Behav*, 2016. Vol. 62, pp. 475–479. doi: 10.1016/j.chb.2016.04.019
22. Hahn E., Reuter M., Spinath F.M., Montag C. Internet addiction and its facets: The role of genetics and the relation to self-directedness. *Addict Behav*, 2017. Vol. 65, pp. 137–146. doi: 10.1016/j.addbeh.2016.10.018
23. Han D.H., Lee Y.S., Yang K.C. et al. Dopamine genes and reward dependence in adolescents with excessive internet video game play. *J Addict Med*, 2007. Vol. 1, no. 3, pp. 133–138. doi: 10.1097/ADM.0b013e31811f465f
24. He J., Crews F.T. Neurogenesis decreases during brain maturation from adolescence to adulthood. *Pharmacol Biochem Behav*, 2007. Vol. 86, no. 2, pp. 327–333. doi: 10.1016/j.pbb.2006.11.003
25. Ho R., Zhang M. W., Tsang T.Y. et al. The association between internet addiction and psychiatric co-morbidity: a meta-analysis. *BMC Psychiatry*, 2014. Vol. 14, pp. 183. doi: 10.1186/1471-244X-14-183.
26. Hong S.B., Zalesky A., Cocchi L. et al. Decreased functional brain connectivity in adolescents with internet addiction. *PLoS ONE*, 2013. Vol. 8, no. 2, p. e57831. doi: 10.1371/journal.pone.0057831
27. Jeong J.-E., Rhee J.K., Kim T.M. et al. The association between the nicotinic acetylcholine receptor alpha4 subunit gene (CHRNA4) rs1044396 and Internet gaming disorder in Korean male adults. *PLoS ONE*, 2017. Vol. 12, no. 12, p. e0188358. doi: 10.1371/journal.pone.0188358
28. Jiang Q., Huang X., Tao R. Examining Factors Influencing Internet Addiction and Adolescent Risk Behaviors Among Excessive Internet Users. *Health Commun*, 2018. Vol. 33, no. 12, pp. 1434–1444. doi: 10.1080/10410236.2017.1358241
29. Kaess M., Parzer P., Brunner R. et al. Pathological Internet Use Is on the Rise Among European Adolescents. *J Adolesc Health*, 2016. Vol. 59, no. 2, pp. 236–239. doi: 10.1016/j.jadohealth.2016.04.009
30. Kim H.S., Hodgins D.C. Component Model of Addiction Treatment: A Pragmatic Transdiagnostic Treatment Model of Behavioral and Substance Addictions. *Front Psychiatry*, 2018. Vol. 9, p. 406. doi: 10.3389/fpsy.2018.00406
31. Kim S.H., Baik S.H., Park C.S. et al. Reduced striatal dopamine D2 receptors in people with Internet addiction. *Neuroreport*, 2011. Vol. 22, no. 8, pp. 407–411. doi: 10.1097/WNR.0b013e328346e16e
32. Kuss D.J., Griffiths M.D., Karila L. et al. Internet addiction: a systematic review of epidemiological research for the last decade. *Curr Pharm Des*, 2014. Vol. 20, no. 25, pp. 4026–4052.
33. Kuss D.J., Lopez-Fernandez O. Internet addiction and problematic Internet use: A systematic review of clinical research. *World J Psychiatry*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 143–176. doi: 10.5498/wjp.v6.i1.143
34. Lee Y., Han D.H., Yang K.C. et al. Depression like characteristics of 5HTTLPR polymorphism and temperament in excessive internet users. *J Affect Disord*, 2008. Vol. 109, no. 1–2, pp. 165–169. doi: 10.1016/j.jad.2007.10.020
35. Li M., Chen J., Li N., Li X. A twin study of problematic internet use: its heritability and genetic association with effortful control. *Twin Res Hum Genet*, 2014. Vol. 17, no. 4, pp. 279–287. doi: 10.1017/thg.2014.32

36. Liu J., Gao X.P., Osunde I. et al. Increased regional homogeneity in internet addiction disorder: a resting state functional magnetic resonance imaging study. *Chin Med J (Engl)*, 2010. Vol. 123, no. 14, pp. 1904–1908.
37. Long E.C., Verhulst B., Neale M.C. et al. The Genetic and Environmental Contributions to Internet Use and Associations With Psychopathology: A Twin Study. *Twin Res Hum Genet*, 2016. Vol. 19, no. 1, pp. 1–9. doi: 10.1017/thg.2015.91
38. Luczak S.E., Khoddam R., Yu S. et al. Review: Prevalence and co-occurrence of addictions in US ethnic/racial groups: Implications for genetic research. *Am J Addict*, 2017. Vol. 26, no. 5, pp. 424–436. doi: 10.1111/ajad.12464
39. Montag C., Kirsch P., Sauer C. et al. The role of the CHRNA4 gene in Internet addiction: a case-control study. *J Addict Med*, 2012. Vol. 6, no. 3, pp. 191–195. doi: 10.1097/ADM.0b013e31825ba7e7
40. Muller K.W., Dreier M., Beutel M., Wolfling K. Is Sensation Seeking a correlate of excessive behaviors and behavioral addictions? A detailed examination of patients with Gambling Disorder and Internet Addiction. *Psychiatry Res*, 2016. Vol. 242, pp. 319–325. doi: 10.1016/j.psychres.2016.06.004
41. Musetti A., Cattivelli R., Giacobbi M. et al. Challenges in Internet Addiction Disorder: Is a Diagnosis Feasible or Not? *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, no. 842, pp. 1–8. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00842
42. Northrup J.C. The Internet Process Addiction Test: Screening for Addictions to Processes Facilitated by the Internet. *Behav Sci (Basel)*, 2015. Vol. 5, no. 3, pp. 341–352. doi: 10.3390/bs5030341
43. Nuutinen T. Computer use, sleep duration and health symptoms: a cross-sectional study of 15-year olds in three countries. *Int J Public Health*, 2014. Vol. 59, no. 4, pp. 619–628. doi: 10.1007/s00038-014-0561-y
44. Park B., Han D.H., Roh S. Neurobiological findings related to Internet use disorders. *Psychiatry Clin Neurosci*, 2017. Vol. 71, no. 7, pp. 467–478. doi: 10.1111/pcn.12422
45. Park H.S., Kim S.H., Bang S.A. et al. Altered regional cerebral glucose metabolism in internet game overusers: a 18F-fluorodeoxyglucose positron emission tomography study. *CNS Spectr*, 2010. Vol. 15, no. 3, pp. 159–166. doi: 10.1017/S1092852900027437
46. Park S.K., Kim J.Y., Cho C.B. Prevalence of Internet addiction and correlations with family factors among South Korean adolescents. *Adolescence*, 2008. Vol. 43, no. 172, pp. 895–909.
47. Tamura H., Nishida T., Tsuji A., Sakakibara H. Association between Excessive Use of Mobile Phone and Insomnia and Depression among Japanese Adolescents. *Int J Environ Res Public Health*, 2017. Vol. 14, no. 7, pii: E701. doi: 10.3390/ijerph14070701.
48. Vink J.M., van Beijsterveldt T.C., Huppertz C. et al. Heritability of compulsive Internet use in adolescents. *Addict Biol*, 2016. Vol. 21, no. 2, pp. 460–468. doi: 10.1111/adb.12218
49. Wei H-T., Chen M-H., Huang P-C., Bai Y-M. The association between online gaming, social phobia, and depression: an internet survey. *BMC Psychiatry*, 2012. Vol. 12, no. 1, p. 92. doi: 10.1186/1471-244x-12-92
50. Weinstein A., Lejoyeux M. Internet addiction or excessive internet use. *Am J Drug Alcohol Abuse*, 2010. Vol. 36, no. 5, pp. 277–283. doi: 10.3109/00952990.2010.491880

51. Weinstein A., Lejoyeux M. New developments on the neurobiological and pharmacogenetic mechanisms underlying internet and videogame addiction. *Am J Addict*, 2015. Vol. 24, no. 2, pp. 117–125. doi: 10.1111/ajad.12110
52. Weinstein A., Livny A., Weizman A. New developments in brain research of internet and gaming disorder. *Neurosci Biobehav Rev*, 2017. Vol. 75, pp. 314–330. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.01.040
53. Yates T.M., Gregor M.A., Haviland M.G. Child maltreatment, alexithymia, and problematic internet use in young adulthood. *Cyberpsychol Behav Soc Netw*, 2012. Vol. 15, no. 4, pp. 219–225. doi: 10.1089/cyber.2011.0427
54. Young K.S. Psychology of computer use: XL. Addictive use of the Internet: a case that breaks the stereotype. *Psychol Rep*, 1996. Vol. 79, pp. 899–902. doi: 10.2466/pr0.1996.79.3.899
55. Yuan K., Cheng P., Dong T. et al. Cortical thickness abnormalities in late adolescence with online gaming addiction. *PLoS ONE*, 2013. Vol. 8, no. 1, p. e53055. doi: 10.1371/journal.pone.0053055

Информация об авторах

Терещенко Сергей Юрьевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий клиническим отделением соматического и психического здоровья детей, Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера – обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Смольникова Марина Викторовна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера – обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-2029>, e-mail: smarinv@yandex.ru

Information about the authors

Sergey Y. Tereshchenko, Doctor of Medicine, Professor, Head of clinical department of somatic and mental health of children, Scientific Research Institute of Medical Problems of the North FRC KSC SB RAS, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Marina V. Smolnikova, PhD in Biology, Leading researcher, Scientific Research Institute of Medical Problems of the North FRC KSC SB RAS, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-2029>, e-mail: smarinv@yandex.ru

Получена 15.08.2019

Принята в печать 21.02.2020

Received 15.08.2019

Accepted 21.02.2020

Информационно-коммуникационные технологии и семейные отношения: вред или польза?

Дубров Д.И.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru*

Цель исследования — обобщение результатов проведенных исследований, посвященных изучению влияния использования информационно-коммуникационных технологий на внутрисемейный социальный капитал.

Контекст и актуальность исследования. В последнее время в общественном и научном дискурсе постоянно возникают вопросы о том, как современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) влияют на межличностные отношения и на внутрисемейные отношения в частности. Публикации, посвященные изучению влияния информационно-коммуникационных технологий на внутрисемейный социальный капитал, содержат противоречивые результаты.

Основные выводы. Результаты проведенных исследований можно объединить вокруг четырех гипотез: 1) «Гипотеза вытеснения» — ИКТ вытесняют непосредственное взаимодействие между членами семьи и снижают уровень социального капитала в семье; 2) «Гипотеза активизации» — ИКТ, наоборот, способствуют развитию и поддержанию отношений между членами семьи; 3) «Гипотеза обогащения» — семьи, обладающие изначально прочными узами и социальными ресурсами, получают еще больше преимуществ от использования ИКТ с точки зрения социального взаимодействия, а в семьях, в которых изначально узы слабые, при использовании ИКТ они будут еще более ослабевать; 4) «Гипотеза социальной компенсации» — ИКТ представляют собой некую копинг-стратегию, позволяющую индивиду справиться со стрессом, связанным с конфликтами в семье, низким социальным капиталом, а также развить навыки социального взаимодействия и создать прочные социальные связи тем индивидам, у которых изначально данные отношения не складывались вследствие внешних (инвалидность и т.д.) и личностных причин (замкнутость, интроверсия и т.д.). Каждая из выделенных гипотез рассматривается в статье более подробно.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, цифровые технологии, внутрисемейный социальный капитал, детско-родительские отношения, социальные связи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00169.

Для цитаты: Дубров Д.И. Информационно-коммуникационные технологии и семейные отношения: вред или польза? // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 72–91. doi:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110105>

Information and communication technologies and family relations: harm or benefit?

Dmitrii I. Dubrov

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Objectives. *Summarizing the results of research on the impact of information and communication technologies on family social capital.*

Background. *In recent years, public and scientific discourse has constantly raised questions about how modern information and communication technologies (ICT) affect interpersonal relations and family relations in particular. Studies on the impact of information and communication technologies on family social capital show conflicting results.*

Conclusions. *Conventionally, the results of these studies can be combined around four hypotheses: 1) “Displacement hypothesis” – ICT displace direct interaction between family members and reduce the level of social capital in the family; 2) “Activation hypothesis” – ICT on the contrary contribute to the development and maintenance of relations between family members; 3) “Enrichment hypothesis” – families with inherently strong bonds and social resources benefit even more from the use of ICTs in terms of social interaction, and in families with inherently weak bonds, they will be further weakened by the use of ICTs; 4) “Social compensation hypothesis” – ICT is a kind of coping strategy that allows an individual to cope with stress due to family conflicts, low social capital, as well as to develop social interaction skills and create strong social ties for those individuals who initially did not develop these relations due to external (disability, etc.) and personal reasons (isolation, introversion, etc.). Each of the distinguished hypotheses is considered in more detail.*

Keywords: *information and communication technologies, digital technologies, family social capital, child-parent relations, social connections.*

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 19-18-00169.

For citation: Dubrov D.I. Information and communication technologies and family relations: harm or benefit? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 72–91. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110105>. (In Russ.).

Введение

Мы живем в эпоху информационно-коммуникационных технологий, включающих в себя компьютеры, планшеты, мобильные телефоны и другие устройства, которые используются для выхода в интернет, общения в социальных сетях, форумах, чатах, играх и служат платформой для коммуникации, обмена информацией, получения и продажи товаров и услуг [9; 12]. Появление данных технологий привело к более быстрым и значительным изменениям в обществе, влияющим на модели общения индивидов и изменение образа жизни [13; 49]. В настоящее время люди активно используют информационно-коммуникационные технологии для удовлетворения своих социальных и психологических потребностей [49]. Влияние информационных и коммуникационных технологий ощущается во всех сферах жизни, включая частную (семейные отношения, взаимодействие с друзьями, коллегами), что послужило стимулом для изучения того, как данные технологии влияют на социальные отношения в обществе, в частности на социальный капитал [29; 49]. Это не случайно, поскольку социальный капитал является важнейшим ресурсом социально-психологических отношений, позволяющим индивидам более эффективно решать повседневные проблемы, получать необходимую помощь и поддержку, что является важным не только для одного отдельного индивида, но и для всего общества в целом [23].

На мезоуровне ресурсом отношений является внутрисемейный социальный капитал. В литературе нет единого подхода в определении понятия «внутрисемейный социальный капитал». Например, Дж. Коулман и Т. Хоффер определяли

данный конструкт как взаимоотношения между родителями и детьми, время и усилия, затрачиваемые родителями на своих детей [19]. В другом исследовании внутрисемейный социальный капитал рассматривался как фильтр, через который финансовый и человеческий капиталы родителей передаются детям и способствуют их образовательным достижениям [52]. Х. Стевенсон понимал внутрисемейный социальный капитал как воспринимаемый детьми уровень социальной и эмоциональной поддержки, оказываемой родителями [51].

В нашем понимании внутрисемейный социальный капитал — это динамический ресурс социально-психологических отношений внутри семьи, который является одной из основ субъективного благополучия членов семьи [3]. Ранее нами было установлено, что данный вид социального капитала представляет собой целостную реципрокную систему детско-родительских социально-психологических отношений, составляющую ресурс, в структуру которой входят следующие виды отношений между родителями и детьми: взаимное доверие, психологическая близость родителей и детей, внимание родителей к ребенку, взаимная поддержка [4].

В условиях активного использования информационно-коммуникационных технологий как подростками, так и их родителями, возникает вопрос о том, как время, потраченное на деятельность, связанную с данными технологиями, может повлиять на внутрисемейный социальный капитал [24; 47; 53]. Хотя взрослые также используют информационно-коммуникационные технологии, исследования в значительной степени, как правило, сосредоточены на использовании данных технологий подростками. Это объ-

ясняется тем, что подростковый возраст является критическим периодом жизни, который сопровождается социальными, биологическими, когнитивными и психологическими изменениями. Дети проходят через важные этапы развития, такие как формирование идентичности и процесс социализации [24]. Как отмечают М. Джордж и С. Оджерс (2015), основной вопрос сейчас состоит не в том, используют ли дети информационно-коммуникационные технологии в своей повседневной жизни, но как, почему и с какими последствиями [24]. Очевидно, что данные технологии предлагают множество потенциальных преимуществ для детей, позволяя им общаться со сверстниками или предоставляя доступ к образовательным ресурсам или развлечениям [15]. В то же время существуют справедливые опасения по поводу того, с кем дети взаимодействуют онлайн [45], испытывают ли они кибер-издевательства, получают ли доступ к контенту для взрослых [16], может ли общение онлайн ставить под угрозу их социальное развитие, субъективное благополучие и отношения с семьей [24].

С. Туркл (2011) утверждает, что подростки сегодня больше взаимодействуют с телефоном, чем друг с другом, что может привести к упущению важного социального опыта [53]. Дружба и общение со сверстниками, взаимодействие с родителями важны для развития необходимых жизненных социальных навыков, но есть опасения, что чрезмерное использование информационно-коммуникационных технологий детьми, в том числе и в развлекательных целях (например, видеоигры), может способствовать ослаблению социальных связей, снижению индивидуального социального капитала, внутрисемейного социального капитала и привести к социальной дезадаптации [24].

Проведенные исследования, посвященные изучению влияния информационно-коммуникационных технологий на внутрисемейный социальный капитал, демонстрируют противоречивые результаты. В одних исследованиях показано, что информационно-коммуникационные технологии приводят к снижению внутрисемейного социального капитала. В них указывается, что информационно-коммуникационные технологии как бы «вытесняют» непосредственное социальное взаимодействие внутри семьи, приводят к формированию аддиктивного и агрессивного поведения [24; 31; 53]. Результаты данных исследований составляют так называемую «гипотезу вытеснения».

В других исследованиях показано, что информационно-коммуникационные технологии, напротив, позволяют повысить социальный капитал. В данных исследованиях установлено, что онлайн-взаимодействие позволяет поддерживать и сохранять социальные связи, более оперативно оказывать поддержку и помощь родственникам [45; 54]. Результаты данных исследований составляют так называемую «гипотезу активизации». Первые исследования, поддерживающие данную гипотезу, появились в конце 20 века.

Результаты других исследований сообщают о нейтральном воздействии информационно-коммуникационных технологий на социальный капитал. В этих исследованиях говорится о том, что те, кто уже обладают прочными социальными связями и социальными ресурсами, получают еще больше преимуществ от использования ИКТ с точки зрения социального взаимодействия, чем те, у кого слабые социальные связи. То есть у тех, у кого изначально низкий уровень индивидуального социального капитала и внутрисемейного социального капита-

ла, вовлеченность в использование ИКТ приведет к еще большему снижению индивидуального социального капитала и внутрисемейного социального капитала. Результаты данных исследований составляют так называемую «гипотезу обогащения» [30; 34; 55]. Данная гипотеза возникла в начале 21 века.

В других исследованиях установлено, что онлайн-общение с применением ИКТ помогает людям с ограниченными возможностями, а также людям, у которых недостаточно развиты социальные навыки непосредственного взаимодействия, или интровертам создавать и поддерживать социальные отношения, что способствует повышению их индивидуального социального капитала [30; 35]. Также использование ИКТ может быть способом совладания с негативными и травмирующими факторами, такими как конфликты в семье, неудовлетворенность отношениями в семье и т.д. Результаты данных исследований составляют так называемую «гипотезу социальной компенсации». Данная гипотеза возникла одновременно с «гипотезой активизации».

Рассмотрим данные исследования более подробно.

«Гипотеза вытеснения»

Общим предположением в этой области исследований является то, что время, потраченное на использование информационно-коммуникационных технологий, неизбежно будет отвлекать от других видов деятельности, которые считаются более ценными, например, непосредственное взаимодействие с родителями. Поэтому, согласно данной гипотезе, вред, причиненный технологией, линейно пропорционален воздействию

[40]. То есть чем больше мы используем ИКТ в своей повседневной жизни, тем больший вред мы наносим своим социальным отношениям (например, семейным). Первоначально данная гипотеза получила некоторую поддержку. Например, в одном из первых исследований, посвященном изучению влияния информационно-коммуникационных технологий на детско-родительские отношения, исследователи пытались ответить на вопрос, укрепляет или, напротив, разрушает вовлеченность в использование ИКТ данные отношения. Экспериментальную группу составили подростки и их родители, которые начали использовать цифровые технологии в своей повседневной жизни в течение 1–2 лет. Родители и подростки чаще пользовались интернетом и другими средствами удаленного общения для взаимодействия (например, отправка и получение электронной почты) с другими людьми, но не с домочадцами. Они также тратили меньше времени на общение с членами семьи, чем до получения доступа в интернет. Полученные результаты свидетельствовали о том, что использование интернета (информационно-коммуникационных технологий) наносит вред детско-родительским отношениям [31].

В одном из немногих исследований с использованием метода наблюдения, посвященном использованию компьютера и семейным отношениям, М. Орлеан и М. Лэйни (2000) наблюдали за 32 детьми в возрасте от 8 до 17 лет в течение трех и более часов с периодичностью каждые три часа, когда они работали на компьютере одни или с кем-нибудь дома. Дети и их родители редко разговаривали друг с другом, пока дети работали за компьютером. Как правило, дети пользовались компьютерами самостоятельно и чаще обращались за

помощью к своим братьям и сестрам или сверстникам, чем к родителям [42].

Дж. Меш (2003, 2006), исследовав использование интернета израильскими подростками, обнаружил, что использование интернета негативно связано с психологической близостью с членами семьи, а также выявил положительную связь с конфликтами в семье. Однако корреляционный дизайн исследования не позволял понять направление выявленных связей. Возможно, использование интернета являлось следствием дистанцированных отношений в семье и происходящих в ней конфликтов, и «уход» в виртуальную реальность являлся адаптивной реакцией и своеобразной копинг-стратегией для подростков [37; 38].

Н. Ни с коллегами (2002) использовали дневниковый метод и обнаружили, что более активное использование интернета было связано с меньшим количеством времени, проведенным с семьей [41].

Среди исследований, доказывающих гипотезу вытеснения, есть несколько, которые фокусируются на качестве онлайн-коммуникации [20; 44]. Например, Дж. Каммингс с коллегами (2002) утверждают, что люди воспринимают интернет как менее полезное средство для развития и поддержания близких социальных отношений, чем личные контакты и телефонные разговоры [20].

Данные исследования послужили основой для развития теории смещения времени Роберта Патнэма, согласно которой, чем больше времени индивид проводит с новыми технологиями/социальными сетями, тем меньше времени он уделяет членам семьи, друзьям и другим социальным активностям. Сам Р. Патнэм (Putnam, 2000) на основе своих исследований просмотра индивидами телепрограмм пришел к выводу, что телевидение

играет определенную роль в снижении социального капитала. Он утверждал, что новая коммуникация заменяет старую, то есть время, проведенное с информационно-коммуникационными технологиями, влияет на социальный капитал за счет других повседневных действий и сокращает время для личного общения, а чрезмерное использование может быть вредным, особенно для повседневной жизни и семейных отношений [47]. Последующие исследования показали, что чрезмерное использование ИКТ снижает психосоциальный комфорт и приводит к разрушению семейных отношений [59; 60; 61].

По мнению ряда исследователей, активное вхождение ИКТ в повседневную жизнь внесло значительные изменения как в жизнь современного общества, которое все чаще называют «информационным», так и в процесс социализации подрастающего поколения, которое называют все чаще «цифровым» [1; 5; 7]. Основанием для подобного мнения послужила трансформация социальной ситуации развития, в которой активную роль теперь занимают ИКТ и становятся важнейшим агентом социализации, постепенно вытесняя семью и школу [7; 8]. В связи с этим Ж. Джонсон и П. Паплампу (2008) предложили внести изменения в модель экологических систем У. Бронфенбреннера [см. 12] — техносистему, которая, по их мнению, должна в скором времени занять место микросистемы, оттеснив ее с позиции ведущей в процессе развития и социализации индивида [26]. Не случайно в научный обиход введено понятие «цифровая социализация» как «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта

в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [7, 76]. Как видно из данного определения, благодаря ИКТ индивид может получить необходимый социальный опыт и знания, которые ранее он мог получить только при непосредственном взаимодействии с родителями, школой и другими агентами социализации.

Таким образом, ИКТ создают новую ситуацию социального развития и становятся важнейшим агентом социализации наряду с традиционными, такими как семья и школа. Поэтому утверждение о том, что сейчас для социализации индивиду не требуется непосредственное взаимодействие с окружающими, выглядит вполне правдоподобным [2; 10; 32].

Кроме того, в настоящее время в литературе активно обсуждается новое явление, которое возникло в результате активного использования ИКТ в повседневной жизни — фаббинг (phubbing) — «проявление пренебрежения к другому индивиду посредством отвлечения на гаджет во время реального общения» [6, с. 61]. Согласно данному исследованию, чрезмерное использование гаджетов, социальных сетей снижает интимность и близость отношений, делая их размытыми, снижая их ценность для индивида. В то же время близкие отношения важны для удовлетворения ряда базовых потребностей: потребности в принятии, любви, близости и заботе. Согласно Т.Л. Крюковой и О.А. Екимчик (2019), ИКТ не могут в полной мере удовлетворить данные потребности [6].

В целом «гипотеза вытеснения» получила поддержку выводами о том, что время, затраченное на использование ИКТ, отрицательно связано со временем, затраченным на личное взаимодействие, а

также о том, что онлайн-общение менее полезно и ценно, чем непосредственное общение и использование ИКТ, и негативно связано с существующими социальными отношениями, такими как семейные.

Однако данные выводы следует интерпретировать с осторожностью: во-первых, сокращение времени на непосредственное общение в виду использования ИКТ — недостаточное основание для утверждения о негативном воздействии ИКТ на внутрисемейный социальный капитал. Необходимо исследовать и учитывать качество взаимоотношений между родителями и детьми. Возможно, качество взаимоотношений играет большую роль, нежели количество времени, уделяемое непосредственному взаимодействию. Во-вторых, онлайн-общение может дополнять и даже обогащать, а не заменять непосредственное общение, особенно в некоторых ситуациях, таких, когда субъекты взаимодействия находятся на удаленном расстоянии. Например, длительные командировки родителей или обучение детей в другом городе.

В связи с данными аргументами некоторые исследователи утверждали, что влияние информационно-коммуникационных технологий на детско-родительские отношения может быть не обязательно линейным, поскольку частое использование их не всегда приводит к снижению социального капитала. А. Пржибыльски и Н. Вайнштейн (2017) предполагают, что влияние времени, потраченного на информационно-коммуникационные технологии, может быть объяснено криволинейным соотношением, которое бросает вызов «гипотезе вытеснения» [46].

Указанные выше ограничения нашли отражение в последующих гипотезах о влиянии ИКТ на внутрисемейный социальный капитал.

«Гипотеза активизации»

После проведения первого исследования, в котором участникам (родителям и подросткам) был предоставлен доступ в интернет и было установлено, что дети больше времени уделяют общению в интернете, нежели общению с членами семьи, Р. Краут с коллегами (2002) добавили больше контрольных переменных и более широкий спектр измерительных инструментов изучаемых переменных. В новом исследовании они обнаружили, что использование интернета было связано с увеличением числа близких и удаленных социальных контактов и личного общения с семьей и друзьями, что указывает на то, что интернет оказывает положительное влияние на развитие и поддержание социальных контактов [30]. Результаты предыдущего исследования Р. Краут с коллегами (2002) объяснили тем, что оно проводилось в то время, когда интернет-технологии были новыми, и люди были менее знакомы с ними, чем сейчас. Таким образом, участники могли сократить время на непосредственное взаимодействие с семьей в виду новизны данной технологии и большего количества времени, необходимого для ее освоения. В течение последующих 2–3 лет социальная поддержка и взаимодействие с близкими вернулись на уровень, предшествующий получению доступа к интернету [30].

Другие исследователи установили, что интернет может способствовать поддержанию социальных связей. Среди пользователей интернета 96,6% женщин и 93,6% мужчин сообщили об использовании интернета для общения с друзьями и семьей [22]. Фактически основная причина, по которой люди отправляют и получают сообщения в сети, заключается в поддержании межличностных отношений [50].

Исследование 1300 подростков в возрасте 12–18 лет показало, что хотя время, затрачиваемое на информационно-коммуникационные технологии, уменьшало количество времени, затрачиваемого подростками на общение со своими родителями, оно фактически не ухудшало качество отношений между родителями и детьми [34]. Общение со сверстниками, как правило, имеет приоритет над общением с родителями в подростковом возрасте, и это объясняет, почему время, затрачиваемое на онлайн-общение, связано с сокращением времени на общение с родителями, но не с сокращением времени, проведенного со сверстниками [34].

В масштабном исследовании пользователей интернета Б. Велман с коллегами (2001) обнаружили, что онлайн-активность скорее дополняла, чем заменяла или уменьшала офлайн-социальные контакты. В целом эти результаты свидетельствуют о том, что интернет оказывает положительное влияние на способность членов семьи поддерживать реальные социальные связи за пределами своей семьи [57].

В совокупности результаты данного обзора подтверждают утверждение о том, что интернет (или цифровая технология) сам по себе не является основным следствием чего-либо [35; 45], но именно контекстуальные и индивидуальные факторы определяют воздействие на социальное взаимодействие и отношения.

Таким образом, согласно данной гипотезе, ИКТ может поддерживать или усиливать существующие социальные связи с семьей. Другими словами, компьютерно-опосредованная коммуникация может использоваться для укрепления и поддержания семейных уз [48]. Однако Р. Краут с коллегами (2002) указывали и на то, что использование интернета улучшает социальные взаимодействия с друзьями и

родственниками, но только в том случае, если участники обладают достаточно высоким социальным капиталом [30]. Следовательно, при исследовании влияния ИКТ на внутрисемейный социальный капитал необходимо учитывать именно контекстуальные и индивидуальные факторы, которые определяют воздействие на социальное взаимодействие и отношения. Данное ограничение нашло отражение в так называемой «гипотезе обогащения».

«Гипотеза обогащения»

«Гипотеза обогащения» («rich get richer» — богатые богатеют) берет свое начало от явления, открытого в социологии, «эффекта Матфея», согласно которому индивид, уже располагающий определенными преимуществами (например, высоким уровнем социального капитала), будет их преумножать и накапливать, в то время как индивид, изначально обделенный данными преимуществами, будет обделен еще больше [36].

Применительно к влиянию ИКТ на социальный капитал данная гипотеза предполагает, что те, кто уже имеют сильные социальные связи (например, семейные узы) и социальные навыки, извлекают наибольшую выгоду и пользу от использования ИКТ. Исследователи обнаружили, что исходные социальные связи функционируют как модератор на основе эффекта взаимодействия использования интернета с экстраверсией/интроверсией респондентов. Они обнаружили, что использование интернета было связано с увеличением социального капитала среди экстравертов и снижением социального капитала среди интровертов. Также утверждается, что текущий уровень социального капитала

или компетентность могут не зависеть от использования интернета [30].

Таким образом, приведена наглядная иллюстрация данной гипотезы: интроверты становятся более одинокими, а экстраверты становятся менее одинокими, чем больше они используют интернет [30].

Применительно к внутрисемейному социальному капиталу можно предположить, что данная гипотеза будет отражать следующее: в тех семьях, в которых наблюдается высокий уровень социального капитала, использование ИКТ будет предоставлять дополнительные возможности для взаимодействия и поддержки. Например, совместное использование данных технологий, когда подростки добавляют своих родителей в «друзья» в социальных сетях, что свидетельствует о наличии высокого уровня доверия между ними. Также в таких семьях могут использовать возможности удаленной поддержки и общения между родителями и детьми (пополнение телефона, счета, покупки онлайн, общение по Skype и через современные мессенджеры) [21]. В то время как в семьях с низким уровнем социального капитала дети и родители будут еще более отдаляться друг от друга в связи с использованием ИКТ, когда каждый из них будет жить своей жизнью в Сети (в своем собственном «виртуальном мире») и демонстрировать фаббинг [см. 6].

Однако в виду корреляционного дизайна проведенных исследований сложно определить причинно-следственные связи между исходными социальными ресурсами или общительностью и использованием интернета. К тому же существуют исследования, говорящие об обратном и составляющие так называемую гипотезу «социальной компенсации».

«Гипотеза социальной компенсации»

В противовес гипотезе «обогащения» существует гипотеза «социальной компенсации» (poor get richer — «бедные богатеют»), согласно которой те, кто воспринимают свои офлайн-социальные сети как неудовлетворительные и ненадежные, не удовлетворены своими социальными отношениями, компенсируют их более обширными социальными сетями онлайн [54]. Данная гипотеза была сформулирована при исследовании факторов чрезмерного использования ИКТ (например, интернет-аддикция). Согласно исследованиям, данными факторами явились: низкое психосоциальное благополучие [18], стресс и семейные конфликты [33]. Однако остается неясным, являются ли эти показатели причинами или последствиями такого поведения. Кроме того, большинство исследований в этой области были основаны на самоотчете и проводились с преимущественно здоровыми людьми [11; 27], поскольку трудно найти людей, которые испытывают серьезные негативные последствия, вызванные использованием информационно-коммуникационных технологий [56].

Тем не менее многие исследования явно или косвенно предполагают, что такое поведение может быть следствием попыток справиться с трудными жизненными ситуациями с помощью данных технологий [18; 25; 28; 58]. Например, если индивид испытывает негативные переживания (вследствие конфликтов в семье и т.д.), то он может выйти в интернет или использовать приложение, которое отвлекает его от этого состояния (онлайн-игра, страница в социальной сети и т.д.). Последствия могут быть положительными и отрицательными; поло-

жительными, потому что индивид может временно почувствовать себя лучше, но также отрицательными, потому что реальная причина переживания не может быть решена [27]. То есть здесь наблюдается так называемый «уход от реальности». В долгосрочной перспективе это может сделать копинг-поведение повторяющейся привычкой. Если основная проблема не будет решена, то это может привести к серьезным негативным результатам из-за времени, затраченного на копинг-деятельность. В этом смысле использование информационно-коммуникационных технологий можно рассматривать как форму самолечения, хотя остается неясным, когда и для кого оно положительно и полезно, а когда становится дезадаптивным и вредным. М. Гриффитс (2000) предположил, что для людей с постоянными трудностями в реальной жизни, такими как физическая или психическая инвалидность, потребность в компенсации может быть постоянной, что объяснило бы постоянное чрезмерное использование с последующим тяжелым негативным исходом, хотя это все еще может быть предпочтительнее других альтернатив [25].

С другой стороны, как отмечает Т. Бакс (2014), молодые люди склонны рассматривать использование ИКТ как желанный побег от давления жизни. Т. Бакс (2014) предполагает, основываясь на интервью с родителями и детьми в Китае, что реальная проблема может, скорее, заключаться в фигурах власти родителей, которые оказывают давление на детей, чтобы они соответствовали их собственным ценностям, не учитывая то, что дети хотят для себя [14]. В этой связи неудивительно, что, хотя разногласия по поводу использования детьми информационно-коммуникационных технологий

иногда возникают в семье, причины могут быть найдены как в отношении родителей к данным технологиям, так и в использовании их детьми.

Исследования использования телевидения в семьях могут дать некоторые первоначальные гипотезы о семейном взаимодействии и использовании интернета. Например, установлено, что дети, воспитывающиеся в семьях с высоким уровнем конфликта, чаще смотрят телевизор, чем дети в семьях с низким уровнем конфликта [39].

Кроме того, согласно данной гипотезе, использование ИКТ может быть полезным для социально изолированных людей. Интернет может компенсировать отсутствие офлайн-социальной сети, поскольку таким людям легче и комфортнее общаться удаленно для формирования и развития социальных связей. Концептуальная основа К. Маккенны и Дж. Барга (1999) хорошо объясняет, как онлайн-взаимодействие компенсирует отсутствие общительности и социальной сети. Стигматизированная идентичность, ограниченная идентичность, социальная тревога и одиночество служат мотиваторами для интерактивного взаимодействия. Характеристики онлайн-среды, такие как текстовая коммуникация, отсутствие визуальных и слуховых сигналов, анонимность, способствуют раскрытию истинного или идеализированного Я, обретению близости с другими через самораскрытие и формированию новых отношений. Как следствие, социальный капитал увеличивается, а одиночество и депрессия уменьшаются [35].

Таким образом, необходимо понять, есть ли у социально изолированных людей определенные мотивы для общения в интернете. Как утверждает подход *uses and gratifications*, разные пользователи

имеют разные потребности или мотивы для использования ИКТ. Если те, кто беспокоится о личном общении и кто не находит удовлетворения от личного общения, считают онлайн-общение функциональной альтернативой [43], то они могут компенсировать свои слабые социальные связи через онлайн-взаимодействие.

Выводы и дальнейшее исследование

Как мы видим, в литературе существует четыре понимания того, какое влияние оказывает вовлеченность в использование информационно-коммуникационных технологий на внутрисемейный социальный капитал. При этом в каждом существует ряд ограничений, упомянутых выше, которые необходимо учитывать при проведении новых исследований данной проблемы. Отсюда следуют закономерные выводы-рекомендации:

1. Вовлеченность в использование информационно-коммуникационных технологий сама по себе не является единственной переменной, связанной с внутрисемейным социальным капиталом. Важную роль играют контекстуальные и индивидуальные факторы, которые определяют воздействие на социальное взаимодействие и отношения в семье. При одних условиях использование ИКТ может оказывать позитивное влияние на внутрисемейный социальный капитал, а при других — отрицательное. Поэтому при планировании исследований необходимо учитывать качество взаимоотношений между родителями и детьми. Возможно, качество взаимоотношений играет большую роль, нежели количество времени, затраченное на использование ИКТ.

2. По мнению некоторых авторов, информационно-коммуникационные технологии становятся важнейшим агентом социализации подрастающего поколения, постепенно вытесняя семью и школу [7; 8]. Однако для эмпирического подтверждения данного фактора необходимо выявить соотношение социального опыта и знаний, получаемых подростками в семье, школе и при помощи ИКТ. Кроме того, данное соотношение может меняться в зависимости от возрастного периода (раннее отрочество, пубертатный период, юношеский возраст), поэтому для выявления динамики необходим лонгитюдный дизайн исследования.

3. Для определения эффекта использования ИКТ на внутрисемейный социальный капитал необходимо понимать мотивы их использования индивидами. От этого во многом зависит, на какую из выделенных гипотез будет «работать» данная деятельность.

4. Влияние информационно-коммуникационных технологий на детско-родительские отношения может быть не обязательно линейным, поскольку частое использование их не всегда приводит к снижению социального капитала. Влияние времени, потраченного на использование информационно-коммуникационных технологий, может быть объяснено непрямыми связями (например, через модели медиации и модерации).

5. Корреляционный анализ дизайна исследования не позволяет определить причинно-следственные связи между использованием информационно-коммуникационных технологий и внутрисемейным социальным капиталом. Для этого необходимо использовать смешанную методологию, например, эксперимент, качественные методы и т.д.

Таким образом, на наш взгляд, учет вышеуказанных рекомендаций позволит преодолеть ограничения уже проведенных исследований, посвященных изучению данной проблемы.

Литература

1. *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404
2. *Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.
3. *Дубров Д.И.* Внутрисемейный социальный капитал как предиктор субъективного благополучия родителей и подростков // Казанский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 184–190.
4. *Дубров Д.И.* Внутрисемейный социальный капитал как фактор межпоколенной трансмиссии ценностей: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 132 с.
5. *Крайтюков С.В.* Влияние современных информационных технологий на картину мира человека // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 23–41. doi:10.17759/sps.2019100403

6. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61–76. doi:10.17759/spp.2019270305
7. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308
8. Солдатова Г.У., Львова Е.Н. Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рисками // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 29–41. doi:10.17759/pse.2018230303
9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
10. Сорокина А.Б. Интернет в жизни современных подростков: проблема и ресурс // Современная зарубежная психология. 2015. Том 4. № 1. С. 45–64.
11. Aarseth E., Bean A.M., Boonen H. et al. Scholars' open debate paper on the World Health Organization ICD-11 Gaming Disorder proposal // Journal of Behavioral Addictions. 2017. № 6 (3). P. 267–270.
12. Abar C.C., Farnett S., Mendola K., Koban K., Sarra Sh. Relationships between parent–child social media interactions and health behaviors // Journal of Substance Use. 2018. № 23 (3). P. 335–337.
13. Attewell P.A., Suazo-Garcia B., Battle J. Computers and young children: Social benefit or social Problem // Social Forces. 2003. № 82 (1). P. 277–296.
14. Bax T. Internet addiction in China: The battle for the hearts and minds of youth // Deviant Behavior. 2014. № 35. P. 687–702.
15. Boyd D. It's complicated: The social lives of networked teens. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. 281 p.
16. Boyd D., Hargittai E. Connected and concerned: Variation in Parents' Online Safety concerns // Policy & Internet. 2013. P. 245–269.
17. Bronfenbrenner U., Evans G.W. Developmental science in the 21st century: Emerging questions, theoretical models, research designs and empirical findings // Social Development. 2000. № 9 (1). P. 115–125.
18. Caplan S., Williams D., Yee N. Problematic internet use and psychosocial well-being among MMO players // Computers in Human Behavior. 2009. № 25 (6). P. 1312–1319.
19. Coleman J.S., Hoffer T.B. Public and private high schools: The impact of communities. New York: Basic Books, 1987. 282 p.
20. Cummings J.N., Butler B., Kraut R. The quality of online social relationships // Communication of the ACM. 2002. № 45 (7). P. 103–108.
21. Duerager A., Livingstone S. How can parents support children's internet safety? EU Kids Online, London, UK. 2002. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/42872/>
22. Falling through the Net: Toward digital inclusion [Electronic resource] // National Telecommunications and Information Administration. 2000. URL: www.ntia.doc.gov/ntiahome/fttn00/contents00.html (Accessed: 12.09.2019).
23. Fukuyama F. Social capital and development: The coming agenda // SAIS Review. 2002. № 22 (1). P. 23–37.

24. *George M., Odgers C.* Seven fears and the Science of How Mobile Technologies May Be Influencing Adolescents in the Digital Age // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. № 10 (6). P. 832–851.
25. *Griffiths M.D.* Does internet and computer “addiction” exist? Some case study evidence // *Cyber Psychology & Behavior*. 2000. № 3 (2). P. 211–218.
26. *Johnson G., Puplampu K.A.* Conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // *Canadian Journal of Learning and Technology*. 2008. № 34. P. 19–28.
27. *Kardefelt-Winther D.* Conceptualizing internet use disorders: addiction or coping process? // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2016. № 71 (7). P. 459–466.
28. *Kardefelt-Winther D., Heeren A., Schimmenti A. et al.* How can we conceptualize behavioral addiction without pathologizing common behaviors? // *Addiction*. 2017. № 112 (10). P. 1709–1715.
29. *Kobayashi T., Ikeda K.I., Miyata K.* Social capital online: Collective use of the Internet and reciprocity as lubricants of democracy // *Information, Communication & Society*. 2006. № 9. P. 582–611.
30. *Kraut R., Kiesler S., Boneva B. et al.* Internet paradox revisited // *Journal of Social Issues*. 2002. № 58. P. 49–74.
31. *Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukopadhyay T., Scherlis W.* Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? // *American Psychologist*. 1998. № 53. P. 1017–1031.
32. *Kushlev K., Heintzelman S.J.* Put the phone down: Testing a complement-interfere model of computer-mediated communication in the context of face-to-face interactions // *Social Psychological and Personality Science*. 2018. № 9 (6). P. 702–710.
33. *Lam T., Peng Z., Mai J. et al.* Factors associated with Internet addiction among adolescents // *Cyber psychology & Behavior*. 2009. № 12 (5). P. 551–555.
34. *Lee S.J.* Online communication and adolescent social ties: Who benefits more from Internet use? // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. № 14. P. 509–531.
35. *McKenna K.Y.A., Bargh J.A.* Plan 9 from Cyberspace: The implications of the Internet for personality and social psychology // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. № 4. P. 57–75.
36. *Merton R.K.* The Matthew Effect in science // *Science*. 1968. № 159 (3810). P. 56–63.
37. *Mesch G.* The family and the Internet: The Israeli case // *Social Science Quarterly*. 2003. № 84 (4). P. 1038–1050.
38. *Mesch G.* Family relations and the Internet: Exploring a family boundaries approach // *Journal of Family Communication*. 2006. № 6 (2). P. 119–138.
39. *Morgan M., Alexander A., Shanahan J., Harris C.* Adolescents, VCRs, and the family environment // *Communication Research*. 1990. № 10. P. 175–194.
40. *Neuman S.B.* The displacement effect: Assessing the relation between television viewing and reading performance // *Reading Research Quarterly*. 1998. № 23. P. 414–440.
41. *Nie N.H., Hillygus D.S., Erbring L.* Internet Use, interpersonal relations, and sociability: A time diary study // *The Internet in Everyday Life* / Ed. by B. Wellman, C. Haythornthwaite. Malden: Blackwell Publishers Ltd. 2002. P. 215–243.

42. Orleans M., Laney M.C. Children's computer use in the home: Isolation or sociation? // Social Science Computer Review. 2000. № 8 (1). P. 56–72.
43. Papacharissi Z., Rubin A. Predictors of Internet Use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2000. № 44. P. 175–196.
44. Parks M.R. Making friends in cyberspace // Journal of Communication. 1996. № 46 (1). P. 80–97.
45. Peter J., Valkenburg P., Shouten A. Developing a Model of Adolescent Friendship Formation on the Internet // Cyber Psychology & Behavior. 2005. № 8 (5). P. 423–429.
46. Przybylski A., Weinstein N.A. Large-Scale Test of the Goldilocks Hypothesis: Quantifying the Relations Between Digital-Screen Use and the Mental Well-Being of Adolescents // Psychological Science. 2017. № 28 (2). P. 204–215.
47. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NY: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
48. Resnick P. Beyond Bowling together: Sociotechnical Capital // HCI in the New Millennium / Ed. by J. Carroll. Boston: Addison-Wesley Professional, 2000. P. 247–272.
49. Siraj S.A. Impact of Internet Use on Social Capital: Testing Putnam's Theory of Time Displacement in Urban Pakistan // The Journal of Social Media in Society. 2018. № 7 (1). P. 456–468.
50. Stafford L., Kline S.L., Dimmick J. Home e-mail: Relational maintenance and gratification opportunities // Journal of Broadcasting and Electronic Media. 1999. № 43. P. 659–669.
51. Stevenson H.C. Raising safe villages: Cultural-ecological factors that influence the emotional adjustment of adolescents // Journal of Black Psychology. 1998. Vol. 24 (1). P. 44–59.
52. Teachman J.D., Paasch K., Carver K. Social capital and dropping out of school early // Journal of Marriage and the Family. 1996. Vol. 58. P. 773–783.
53. Turkle S. Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011. 384 p.
54. Valkenburg P.M., Peter J. Online communication and adolescent well-being: Testing the stimulation versus displacement hypothesis // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. № 12. P. 1169–1182.
55. Valkenburg P.M., Schouten A.P., Peter J. Adolescents' identity experiments on the Internet // New Media & Society. 2005. № 7 (3). P. 383–402.
56. Van Rooij A.J., Schoenmakers T.M., Van de Mheen D. Clinical validation of the C-VAT 2.0 assessment tool for gaming disorder: A sensitivity analysis of the proposed DSM-5 criteria and the clinical characteristics of patients with "game addiction" // Addictive Behaviours. 2017. № 64. P. 269–274.
57. Wellman B., Haase A.Q., Witte J., Hampton K. Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? // American Behavioral Scientist. 2001. № 45. P. 436–455.
58. Wang J-L, Wang H-Z, Gaskin J, et al. The role of stress and motivation in problematic smartphone use among college students // Computers in Human Behaviour. 2015. № 53. P. 181–188.
59. Whitty M.T., McLaughlin D. Online recreation: The relationship between loneliness, Internet self-efficacy and the use of the Internet for entertainment purposes // Computers in Human Behavior. 2007. № 23. P. 1435–1446.

60. Widyanto L., McMurrin M. The psychometric properties of the Internet addiction test // *Cyber Psychology & Behavior*. 2004. № 7. P. 443–450.
61. Yao-Guo G., Lin-Yan S., Feng-Lin C. A research on emotion and personality characteristics in junior high school students with Internet addiction disorders // *Chinese Journal of Clinical Psychology*. 2006. № 14. P. 153–155.

References

1. Aysina R.M., Nesterova A.A. Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Belinskaya E.P., Martsinkovskaya T.D. Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: virtual'nost' i real'nost' [Identity in the transitive society: virtuality and reality]. In R.V. Ershova (ed.) *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statei* [Digital Society as cultural and Historical context of human development]. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, 2018, pp. 43–48. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Dubrov D.I. Vnutrisemejnyj sotsial'nyj kapital kak prediktor sub'ektivnogo blagopoluchiya roditelej i podrostkov [Family social capital as a predictor of subjective well-being of parents and adolescents]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan pedagogical journal], 2016, no 6, pp. 184–190.
4. Dubrov D.I. Vnutrisemejnyj social'nyj kapital kak faktor mezhpokolennoj transmissii cennostej. Diss. kand. psikhol. nauk. [Family social capital as a factor of intergenerational value transmission. PhD (Psychology) diss.]. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2019. 132 p.
5. Krainyukov S.V. Influence of modern information technologies on the worldview. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 23–41. doi:10.17759/sps.2019100403. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. Phubbing as a Possible Threat to Close Relationships' Welfare. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 61–76. doi:10.17759/cpp.2019270305. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Soldatova G.U., Lvova E.N. Adolescents Encountering Online Risks: Characteristics of Parental Mediation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 29–41. doi:10.17759/pse.2018230303. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Russian digital generation: competence and security]. Moscow: Smy`sl, 2017. 375 p.

10. Sorokina A.B. Internet in the lives of children and adolescents: problems and resources [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2015. Vol. 4, no. 1, pp. 45–64. (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Aarseth E., Bean A.M., Boonen H. et al. Scholars' open debate paper on the World Health Organization ICD-11 Gaming Disorder proposal. *Journal of Behavioral Addictions*, 2017, no. 6 (3), pp. 267–270. doi: 10.1556/2006.5.2016.088.
12. Abar C.C., Farnett S., Mendola K., Koban K., Sarra Sh. Relationships between parent–child social media interactions and health behaviors. *Journal of Substance Use*, 2018, no. 23 (3), pp. 335–337. doi: 10.1080/14659891.2017.1410586.
13. Attewell P.A., Suazo-Garcia B., Battle J. Computers and young children: Social benefit or social Problem. *Social Forces*, 2003, no. 82(1), pp. 277–296.
14. Bax T. Internet addiction in China: The battle for the hearts and minds of youth. *Deviant Behavior*, 2014, no. 35, pp. 687–702.
15. Boyd D. It's complicated: The social lives of networked teens. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. 281 p.
16. Boyd D., Hargittai E. Connected and concerned: Variation in Parents' Online Safety concerns. *Policy & Internet*, 2013, pp. 245–269.
17. Bronfenbrenner U., Evans G.W. Developmental science in the 21st century: Emerging questions, theoretical models, research designs and empirical findings. *Social Development*, 2000, no. 9 (1), pp. 115–125.
18. Caplan S., Williams D., Yee N. Problematic internet use and psychosocial well-being among MMO players. *Computers in Human Behavior*, 2009, no. 25(6), pp. 1312–1319. doi:10.1016/j.chb.2009.06.006.
19. Coleman J.S., Hoffer T.B. Public and private high schools: The impact of communities. New York: Basic Books, 1987. 282 p.
20. Cummings J.N., Butler B., Kraut R. The quality of online social relationships. *Communication of the ACM*, 2002, no. 45 (7), pp. 103–108.
21. Duerager A., Livingstone S. How can parents support children's internet safety? EU Kids Online, London, UK. 2002. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/42872/> (Accessed 14.09.2019).
22. Falling through the Net: Toward digital inclusion [Electronic resource]. *National Telecommunications and Information Administration*. 2000. URL: www.ntia.doc.gov/ntiahome/fttn00/contents00.html (Accessed 12.09.2019).
23. Fukuyama F. Social capital and development: The coming agenda. *SAIS Review*, 2002, no. 22 (1), pp. 23–37.
24. George M., Odgers C. Seven fears and the Science of How Mobile Technologies May Be Influencing Adolescents in the Digital Age. *Perspectives on Psychological Science*, 2015, no. 10(6), pp. 832–851.
25. Griffiths M.D. Does internet and computer “addiction” exist? Some case study evidence. *Cyber Psychology & Behavior*, 2000, no. 3(2), pp. 211–218. doi:10.1089/109493100316067.
26. Johnson G., Ptoplampu K.A. Conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem. *Canadian Journal of Learning and Technology*, 2008, no. 34, pp. 19–28.

27. Kardefelt-Winther D. Conceptualizing internet use disorders: addiction or coping process? *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 2016, no. 71 (7), pp. 459–466, doi: 10.1111/pcn.12413.
28. Kardefelt-Winther D., Heeren A., Schimmenti A. et al. How can we conceptualize behavioral addiction without pathologizing common behaviors? *Addiction*, 2017, no. 112 (10), pp. 1709–1715. doi: 10.1111/add.13763.
29. Kobayashi T., Ikeda K.I., Miyata K. Social capital online: Collective use of the Internet and reciprocity as lubricants of democracy. *Information, Communication & Society*, 2006, no. 9, pp. 582–611.
30. Kraut R., Kiesler S., Boneva B. et al. Internet paradox revisited. *Journal of Social Issues*, 2002, no. 58, pp. 49–74.
31. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukopadhyay T., Scherlis W. Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*, 1998, no. 53, pp. 1017–1031.
32. Kushlev K., Heintzelman S.J. Put the phone down: Testing a complement-interfere model of computer-mediated communication in the context of face-to-face interactions. *Social Psychological and Personality Science*, 2018, no. 9 (6), pp. 702–710. doi: 10.1177/1948550617722199.
33. Lam T., Peng Z., Mai J. et al. Factors associated with Internet addiction among adolescents. *Cyber psychology & Behavior*, 2009, no. 12 (5), pp. 551–555.
34. Lee S.J. Online communication and adolescent social ties: Who benefits more from Internet use? *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2009, no. 14, pp. 509–531. doi:10.1111/j.1083-6101.2009.01451.x.
35. McKenna K.Y.A., Bargh J.A. Plan 9 from Cyberspace: The implications of the Internet for personality and social psychology. *Personality and Social Psychology Review*, 2000, no. 4, pp. 57–75.
36. Merton R.K. The Matthew Effect in science. *Science*, 1968, no. 159 (3810), pp. 56–63.
37. Mesch G. The family and the Internet: The Israeli case. *Social Science Quarterly*, 2003, no. 84 (4), pp. 1038–1050.
38. Mesch G. Family relations and the Internet: Exploring a family boundaries approach. *Journal of Family Communication*, 2006, no. 6 (2), pp. 119–138.
39. Morgan M., Alexander A., Shanahan J., Harris C. Adolescents, VCRs, and the family environment. *Communication Research*, 1990, no. 10, pp. 175–194.
40. Neuman S.B. The displacement effect: Assessing the relation between television viewing and reading performance. *Reading Research Quarterly*, 1998, no. 23, pp. 414–440, doi:10.2307/747641
41. Nie N.H., Hillygus D.S., Erbring L. Internet Use, interpersonal relations, and sociability: A time diary study. In B. Wellman, C. Haythornthwaite (ed.). *The Internet in Everyday Life*. Malden: Blackwell Publishers Ltd., 2002, pp. 215–243.
42. Orleans M., Laney M.C. Children's computer use in the home: Isolation or sociation? *Social Science Computer Review*, 2000, no. 8(1), pp. 56–72.
43. Papacharissi Z., Rubin A. Predictors of Internet Use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2000, no. 44, pp. 175–196, doi: 10.1207/s15506878jobem4402_2

44. Parks M.R. Making friends in cyberspace. *Journal of Communication*, 1996, no. 46 (1), pp. 80–97.
45. Peter J., Valkenburg P.P., Shouten A. Developing a Model of Adolescent Friendship Formation on the Internet. *Cyber Psychology & Behavior*, 2005, no. 8(5), pp. 423–429.
46. Przybylski A., Weinstein N.A. Large-Scale Test of the Goldilocks Hypothesis: Quantifying the Relations Between Digital-Screen Use and the Mental Well-Being of Adolescents. *Psychological Science*, 2017, no. 28 (2), pp. 204–215, doi: 10.1177/0956797616678438.
47. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. NY: Simon & Schuster, 2000. 544p.
48. Resnick P. Beyond Bowling together: Sociotechnical Capital. In J. Carroll (ed.). *HCI in the New Millennium*. Boston: Addison-Wesley Professional, 2000, pp. 247–272.
49. Siraj S.A. Impact of Internet Use on Social Capital: Testing Putnam’s Theory of Time Displacement in Urban Pakistan. *The Journal of Social Media in Society*, 2018, no. 7 (1), pp. 456–468.
50. Stafford L., Kline S.L., Dimmick J. Home e-mail: Relational maintenance and gratification opportunities. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 1999, no. 43, pp. 659–669.
51. Stevenson H.C. Raising safe villages: Cultural-ecological factors that influence the emotional adjustment of adolescents. *Journal of Black Psychology*, 1998. Vol. 24 (1), pp. 44–59.
52. Teachman J.D., Paasch K., Carver K. Social capital and dropping out of school early. *Journal of Marriage and the Family*, 1996. Vol. 58, pp. 773–783.
53. Turkle S. *Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books, 2011, 384 p.
54. Valkenburg P.M., Peter J. Online communication and adolescent well-being: Testing the stimulation versus displacement hypothesis. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, no. 12, pp. 1169–1182, doi:10.1111/j.1083-6101.2007.00368.x.
55. Valkenburg P.M., Schouten A.P., Peter J. Adolescents’ identity experiments on the Internet. *New Media & Society*, 2005, no. 7(3), pp. 383–402.
56. Van Rooij A.J., Schoenmakers T.M., Van de Mheen D. Clinical validation of the C-VAT 2.0 assessment tool for gaming disorder: A sensitivity analysis of the proposed DSM-5 criteria and the clinical characteristics of patients with ‘game addiction’. *Addictive Behaviours*, 2017, no. 64, pp. 269–274, doi: 10.1016/j.addbeh.2015.10.018.
57. Wellman B., Haase A.Q., Witte J., Hampton K. Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? *American Behavioral Scientist*, 2001, no. 45, pp. 436–455.
58. Wang J-L, Wang H-Z, Gaskin J, et al. The role of stress and motivation in problematic smartphone use among college students. *Computers in Human Behaviour*, 2015, no. 53, pp. 181–188.
59. Whitty M.T., McLaughlin D. Online recreation: The relationship between loneliness, Internet self-efficacy and the use of the Internet for entertainment purposes. *Computers in Human Behavior*, 2007, no. 23, pp. 1435–1446.
60. Widyanto L., McMurrin M. The psychometric properties of the Internet addiction test. *Cyber Psychology & Behavior*, 2004, no. 7, pp. 443–450.

61. Yao-Guo G., Lin-Yan S., Feng-Lin C. A research on emotion and personality characteristics in junior high school students with Internet addiction disorders. *Chinese Journal of Clinical Psychology*, 2006, no. 14, pp. 153–155.

Информация об авторах

Дубров Дмитрий Игоревич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Information about the authors

Dmitrii I. Dubrov, PhD in Psychology, Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Получена 26.11.2019

Received 26.11.2019

Принята в печать 21.02.2020

Accepted 21.02.2020

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации

Белинская Е.П.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),*

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Агадуллина Е.Р.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),*

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Цель исследования: изучение взаимосвязи переживания респондентами относительной депривации с особенностями их коммуникации в социальных сетях, в частности, с предпочтением использования поведенческих копинг-стратегий избегания при возникновении коммуникативных трудностей.

Контекст и актуальность исследования. Исследование ориентировано на изучение совладания с трудными ситуациями через анализ мета-детерминант, связанных с построением образа социального мира, в условиях социально- сетевого взаимодействия, характерного для коммуникативного опыта современной молодежи.

Дизайн и выборка исследования. Исследование проведено в форме опроса с привлечением 193 активных пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Методы. На эмпирическом уровне проверена модель двойной последовательной медиации, в рамках которой чувство относительной депривации выступало как независимая переменная, копинг-стратегия избегания — как зависимая переменная, а переживание угрозы в сетевой коммуникации и атрибуция агрессивных намерений — как последовательные медиаторы этой связи.

Результаты. Полученные результаты свидетельствуют, что переживание относительной депривации связано с увеличением ощущения угрозы, которое, в свою очередь, увеличивает вероятность атрибутирования людям с непохожими ценностями и взглядами «дурных» намерений, приводя к избеганию сетевого взаимодействия, т.е. копинг-стратегии избегания. При этом построенная модель показала специфику взаимозависимости переменных при условии различения индивидуальных и групповых угроз в сетевой коммуникации. В частности, ощущение угрозы для социальной группы, к которой принадлежит респондент, не является значимым медиатором исследуемой связи.

CC BY-NC

Основные выводы: переживание относительной депривации при социально-сетевой коммуникации связано с выбором стратегии избегания как непосредственно, так и опосредованно через актуализацию дополнительных социально-когнитивных переменных.

Ключевые слова: совладание с трудностями, копинг-стратегия избегания, переживание относительной депривации, коммуникация в социальных сетях.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00612.

Для цитаты: Белинская Е.П., Агадуллина Е.Р. Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 92–106. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110106>

Relative deprivation and an avoidance coping in network communication

Elena P. Belinskaya

Moscow State Lomonosov University,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Elena R. Agadullina

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Objective: *the relationship between a relative deprivation and communication in social networks, in particular, with avoidance coping in the situations of communicative difficulties.*

Background: *the study is focused on coping with difficult situations through the analysis of meta-determinants of construction of the representations about social world, in particular, in the conditions of social network interaction among youth persons.*

Study design and participants: *the study was conducted as a survey involving 193 active users of the social network Vkontakte.*

Measurements: *a double mediation model was tested with a relative deprivation as an independent variable, avoidance coping as a dependent variable, and a perceived threat and an attribution of aggressive intentions as the mediators of this relationship.*

Results: *the results indicate that a relative deprivation is associated with an increase of perceived threat, which in turn increases a likelihood of attributing to people with dissimilar values and attitudes of “bad” intentions and leads to avoiding network interaction. At the same time, the results demonstrate that group threat does not a significant mediator of the relationship between a relative deprivation and network behavior.*

Conclusions: *relative deprivation is associated with avoidance coping in social network communication both directly and indirectly through the actualization of additional social and cognitive variables.*

Keywords: *coping with difficulties, avoidance coping, relative deprivation, communication in social networks.*

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00612.

For citation: Belinskaya E.P., Agadullina E.R. Relative deprivation and an avoidance coping in network communication. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 92–106. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110106>. (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день изучение проблематики совладания центрировано на основных закономерностях и механизмах эффективного преодоления человеком трудных жизненных ситуаций как полидетерминированного процесса, развернутого во времени, обусловленного комплексом личностных и ситуационных предикторов, а также имеющего определенную социокультурную специфику [3; 7; 10; 15; 18; 20]. При этом трудные жизненные ситуации рассматриваются преимущественно с точки зрения их когнитивной оценки субъектом совладания, причем изначально подобное понимание было заложено еще в рамках динамического подхода Р. Лазаруса и С. Фолкман, определявшими копинг-стратегии не как константные личностные диспозиции, а как гибкий процесс когнитивной оценки, переоценки и эмоциональной переработки информации, которую человек считает релевантной трудной ситуации [20; 21]. Иными словами, основу совладания составляет субъективная оценка человеком происходящих событий. Соответственно, вопрос о возможных детерминантах совладания с трудностями трансформируется в вопрос о факторах формирования данной оценки.

Традиционно в исследованиях поиск ответа на данный вопрос связывается с изучением ресурсов совладания, и общепри-

нятым является разделение последних на внутренние (личностные) и внешние (средовые) [см., например, 18], но, заметим, что хотя необходимость их комплексного изучения постулируется во многих теоретических моделях копинга, в конкретных эмпирических исследованиях варианты взаимосвязанного анализа личностных и средовых факторов выбора стратегий совладания встречаются не часто. Представляется, что одним из вариантов преодоления подобного ограничения в социально-психологических исследованиях могло бы быть обращение к своего рода мета-детерминантам, связанным с общими закономерностями социального познания, — хотя бы в силу того обстоятельства, что комплексная оценка человеком своего личностного и средового ресурса преодоления трудных жизненных обстоятельств неминуемо выступает частным случаем его культурно-специфической картины социального мира [1]. Иными словами, с нашей точки зрения, на процесс совладания в целом и на выбор тех или иных копинг-стратегий в частности оказывает неминуемое влияние комплекс социально-когнитивных феноменов (аттитюды, коллективные переживания, когнитивные искажения, социальные верования и т.п.), которые и выступают «финитной» детерминантой, обуславливающей использование человеком своих личностных и средовых ресурсов или же отказ от них. Заметим здесь же, что наиболее интересными из

них представляются коллективные переживания: во-первых, в силу определенного тренда современной социальной психологии, состоящего во все большей обращенности к анализу когнитивно-аффективных процессов, отражающих единство личности и социальной группы [5], а во-вторых, в силу их еще крайне недостаточной изученности. Собственно, эти соображения и определяют *теоретическую актуальность* дальнейшего исследования.

Косвенным основанием для подобного утверждения служит неоднократно подчеркиваемая исследователями противоречивость имеющихся эмпирических данных о взаимосвязи личностных и ситуационных детерминант эффективного совладания [9; 10; 15], что, собственно, и задает эмпирическую необходимость включения психологического переживания трудной ситуации в общую субъективную картину жизни человека. Однако, несмотря на очевидность подобной исследовательской задачи, ее решение неминуемо сталкивается с трудностями выбора тех конкретных социально-когнитивных детерминант, которые могут выступать в качестве факторов процесса совладания.

Представления человека о себе и социальном мире часто основываются на результатах сравнения себя или своей социальной группы с другими референтными людьми или группами. Одним из распространенных следствий неблагоприятного социального сравнения является возникновение переживания относительной депривации. Это негативное переживание, возникающее в результате осознания индивидом разрыва между уровнем своих ожиданий и возможностью реализации потребностей [2]. В частности, данный разрыв выражен в представлениях о том, что какой-то другой человек или социальная группа обладает таким желаемым и/

или заслуживаемым материальным либо нематериальным ресурсом, получение которого невозможно из-за преград, выстраиваемых другими людьми или группами. Собственно, доминирование чувств обиды, несправедливости, возмущения или депрессии при сравнении себя с другими, в чем-то похожими людьми, и представляет собой операционализацию переживания относительной депривации [26; 27], а подобные негативные чувства неминуемо требуют совладания. Таким образом, переживание относительной депривации само по себе требует совладания, при этом оно может способствовать актуализации дополнительных социально-когнитивных детерминант, которые также будут связаны с необходимостью использования эффективного копинга.

Так, в контексте негативного социального сравнения индивиды могут считать, что люди или группы, которые являются причиной возникновения переживания относительной депривации, являются источником дополнительной угрозы в силу того, что они уже имеют определенные социальные привилегии и потенциально обладают большими возможностями, чтобы причинить вред или захватить еще больше ресурсов. В свою очередь, чувство угрозы может усиливать ощущение того, что действия любых людей, которые не разделяют наши взгляды и ценности, направлены против нас, так как в целом у человека при этом актуализируются представления о социальном мире как опасном и угрожающем («вера в опасный мир») [16]. Совладание человека с такими переживаниями может быть связано с его активным противостоянием непохожим на себя людям (поведенческой копинг-стратегией конфронтации) или отказом от взаимодействия с ними (поведенческой копинг-стратегией избегания).

Представляется, что взаимодействие переживания относительной депривации и совладания наиболее ярко может быть продемонстрировано на примере социально-сетевой коммуникации. Социальные сети, будучи наиболее распространенными и популярными площадками для общения молодых людей [17], обладают рядом специфических особенностей, накладывающих отпечаток как на саму сетевую коммуникацию, так и на восприятие социального мира [13]. В частности, из-за возможности одновременно поддерживать «сильные» и «слабые» связи с большим количеством людей пользователи постоянно имеют множество оснований для социальных сравнений, часть которых могут сопровождаться возникновением переживания относительной депривации. Данная вероятность увеличивается именно при использовании социальных сетей в связи с тем, что многие люди используют социальные сети для реализации потребности в позитивной самопрезентации [23; 24], которая часто сопровождается публикацией избирательной и исключительно позитивной информации о себе [28]. В результате сравнение себя с «идеально» представленными другими пользователями может увеличивать недовольство собой и собственной жизнью и, следовательно, сопровождаться переживанием относительной депривации. Подчеркнем, что, согласно некоторым исследованиям, молодежь оказывается сегодня наиболее подвержена переживанию относительной социальной депривации [4; 8; 11]. При этом само по себе сетевое взаимодействие становится не только площадкой для постоянного социального сравнения, но и предлагает определенные технические средства, которые позволяют нивелировать негативный эффект социального сравнения. В частности, пользователи

имеют возможность настраивать новостные ленты, игнорируя те источники информации, которым они не доверяют; можно различными способами управлять теми, кто попадают в категорию «друзья»; можно даже блокировать пользователей, чтобы распространяемая ими информация была недоступна другим пользователям. Иными словами, в рамках сетевой коммуникации пользователь имеет возможность достаточно просто и эффективно избегать взаимодействий, которые могут провоцировать возникновение переживания относительной депривации.

Для большинства подходов к изучению совладания копинг-стратегия избегания содержательно противостоит проблемно-ориентированным и эмоционально-ориентированным стратегиям реагирования на трудные жизненные ситуации, а также поиску социальной поддержки. Следует также отметить неоднозначную оценку исследователями данной копинг-стратегии с точки зрения ее адаптивности: будучи исходно определенной как неадаптивная, сегодня, в условиях все большей субъективной непредсказуемости, вариативности и неопределенности социального пространства, она имеет неоднозначный адаптивный потенциал и потому все чаще оценивается в конкретном контексте взаимодействия [3; 7; 18]. Добавим к этому, что методические ограничения в выявлении большинства копинг-стратегий с помощью различных специальных опросников известны и проанализированы [6], однако к стратегии избегания это практически не относится. В силу того, что активно развивающиеся новые формы социального взаимодействия, такие как опосредованное сетевое взаимодействие, с одной стороны, провоцируют социальное сравнение и сопровождающее его переживание относительной

депривации, а с другой стороны, предполагают эффективные инструменты для применения стратегии избегания, изучение данного переживания и его возможных поведенческих следствий в контексте возрастнo-специфичных форм коммуникации представляется нам *актуальным*.

Целью проведенного исследования являлось изучение связи переживания респондентами относительной депривации с особенностями их социально-сетевой коммуникации, в частности, с предпочтением использования поведенческих копинг-стратегий избегания при возникновении коммуникативных трудностей.

В эмпирическом исследовании проверялись следующие *гипотезы*:

Гипотеза 1: Переживание относительной депривации связано с использованием поведенческих копинг-стратегий избегания (например, блокировка пользователей, исключение их из ленты и т.д.).

Гипотеза 2: Связь между переживанием относительной депривации и использованием поведенческих копинг-стратегий будет опосредована степенью, в которой люди, являющиеся источником возникновения чувства относительной депривации, воспринимаются как угрожающие и имеющие дурные намерения.

Выборка, методы исследования и обработка данных

В исследовании приняли участие 193 активных пользователя социальной сети «ВКонтакте» как наиболее популярной социальной сети среди российской молодежи [12]. Средний возраст респондентов — 18,4 года, стандартное отклонение 1,53. Среди них 16,1% проводят в ВКонтате менее 1 часа в день, 47,7% — от 1 до 3 часов в день, 28% — от 3 до 5 ча-

сов в день и 8,3% — более 5 часов в день. Большинство участников исследования (62,1%) имеют от 100 до 300 «друзей» в данной сети, 11,9% — менее 100 «друзей», а 26% — более 300 «друзей».

Для описания *параметров использования ВКонтате* использовались следующие показатели: среднее время использования сети в день («Сколько минут в среднем в день вы проводите в сети “ВКонтакте”?») и количество друзей в ВКонтате («Сколько друзей у вас в ВКонтате?»).

Оценка *переживания относительной депривации* проводилась при помощи оригинальных суждений, предложенных М. Кэлланом и коллегами [14], переведенных на русский язык (например, «Когда я сравниваю то, что есть у меня, с тем, что есть у других похожих на меня людей, я чувствую себя обделенным» и т.д.). Каждое суждение необходимо было оценить по шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 7 (абсолютно согласен) (альфа Кронбаха=0.79).

Переживание угрозы оценивалось при помощи двух суждений, каждое из которых отражало разные уровни угрозы. Респондентов просили ответить на вопрос, как часто после использования социальных сетей (например, чтения ленты новостей) они испытывают чувство, что: 1) им лично что-то угрожает (личная угроза) ($M=2.96$, $SD=1.12$), 2) их стране что-то угрожает (групповая угроза) ($M=4.00$, $SD=1.78$). Ответ необходимо было дать по шкале от 1 (никогда) до 7 (постоянно).

Для оценки *атрибуции намерений* использовались три суждения, отражающие убежденность в том, что человек, который размещает в социальных сетях информацию, противоречащую личным ценностям и установкам респондента, делает это из недоброжелательных наме-

рений (например, «В ситуации, когда вы сталкиваетесь в ВКонтакте с информацией, с которой абсолютно НЕ согласны (в ленте, сообществах, пабликах и т.д.), как часто у вас возникает ощущение, что люди, которые разместили эту информацию, имеют дурные намерения?»). Ответ необходимо было дать по шкале от 1 (никогда) до 7 (постоянно) (альфа Кронбаха=0.76).

Для оценки *поведенческих копинг-стратегий избегания* респондентам предлагалось вспомнить/представить себе ситуацию, когда кто-либо из ленты «друзей» в ВКонтакте регулярно размещает информацию, которая противоречит их взглядам. Респондентам необходимо было ответить на вопрос, как они поступают/поступили бы в этом случае, выбрав один из вариантов: «буду игнорировать эту информацию в ленте»; «отменить подписку на этого человека, чтобы не видеть этой информации в ленте»; «удалю данного человека из друзей».

Для обработки данных была использована модель двойной последовательной медиации, в рамках которой переживание относительной депривации выступало как независимая переменная; поведение по отношению к людям, разделяющим ценности и установки, противоречащие ценностям и установкам респондента, — как зависимая переменная, а переживание угрозы и атрибуция на-

мерений — как последовательные медиаторы этой связи. В качестве параметров модели использовалась процедура бутстраппинга на 5000 случайных подвыборках. Для оценки значимости непрямого эффекта использовались показатели доверительных интервалов. Непрямой эффект считался значимым, если 95% доверительный интервал не включал в себя 0 [22]. Анализ проводился в модуле PROCESS v 3.0 (model 6) [19].

Результаты исследования

Таблица 1 демонстрирует описательную статистику и корреляции между основными переменными. По представленным данным видно, что в целом респонденты испытывают достаточно низкий уровень относительной депривации и достаточно благополучны в плане переживания личной угрозы (среднее значение по выборке ниже среднего значения по шкале), при этом в среднем переживание групповой угрозы у респондентов более выражено. Как и предполагалось, результаты корреляционного анализа показывают, что переживание личной или групповой угрозы связано с более выраженным атрибутированием негативных намерений «друзьям», которые размещают в сети информацию, противоречащую ценностям и установкам респондента.

Таблица 1

Описательная статистика и интеркорреляции основных переменных

Переменные	Среднее	Ст. отклон.	α	1	2	3	4
Относительная депривация	2.81	.95	.79	-			
Индивидуальная угроза	2.96	1.12		.228**	-		
Групповая угроза	4.00	1.78		.087	.176*		
Намерение	2.63	1.13	.76	.326**	.332**	.178*	-

Условные обозначения: * $p < .05$, ** $p < .01$.

Проверка теоретической модели проводилась при помощи модели двойной последовательной медиации. Полученные результаты представлены в таблице 2 и на рисунке.

Как видно из полученных результатов, само по себе переживание от-

носительной депривации не имеет значимого прямого эффекта на поведение в сети ($B=-0.04$, 95% CI [-0.1182, 0.0428]), но при этом оно имеет опосредованный эффект. В частности, результаты наглядно демонстрируют, что переживание относительной де-

Таблица 2

Прямой и непрямой эффект переживания относительной депривации на поведение в сети

Переменные	Индивидуальная угроза		Атрибутирование намерений		Стратегия избегания	
	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI
ОД	.2259** (.0712)	.0856, .3663	.2848*** (.0682)	.1503, .4194	-.0377 (.0408)	-.1182, .0428
Угроза			.2703*** (.0678)	.1366, .4040	.0551 (.0404)	-.0246, .1347
Намерение					.1748*** (.0416)	.0926, .2569
Constant	2.402*** (.2841)	1.8415, 2.9623	.8161** (.3113)	.2019, 1.4302	1.298*** (.1814)	.9401, 1.6559
	$R^2=.051$		$R^2=.199$		$R^2=.136$	
Непрямой эффект на поведение в сети						
ОД	Индивидуальная угроза		Атрибутирование намерений		.0107 (.0051) .0030, .0228	
	Групповая угроза		Атрибутирование намерений		Стратегия избегания	
	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI
ОД	.2053 (.1150)	-.0215, .4322	.3263*** (.0689)	.1904, .4622	-.0308 (.0408)	-.1113, .0496
Угроза			.0953* (.0431)	.0103, .1804	.0007 (.0244)	-.0475, .0489
Намерение					.1904*** (.0407)	.1101, .2707
Constant	4.024*** (.4592)	3.1186, 4.9303	1.0816** (.3233)	.4439, 1.7194	1.4047*** (.1862)	1.0373, 1.7720
	$R^2=.025$		$R^2=.153$		$R^2=.127$	
Непрямой эффект на поведение в сети						
ОД	Групповая угроза		Атрибутирование намерений		.0037 (.0033) -.0007, .0117	

Условные обозначения: ОД – относительная депривация; * $p<.05$, ** $p<.01$, *** $p<.001$.

приваии связано с увеличением ощущения, что человеку что-то угрожает, которое, в свою очередь, увеличивает вероятность атрибутирования людям с непохожими ценностями и взглядами «дурных» намерений и, как следствие, сказывается на готовности избежать с ними дальнейшего взаимодействия в сети (например, удалять их из «друзей»). Иными словами, мы зафиксировали значимое последовательное взаимодействие между всеми переменными в модели с включением индивидуальной угрозы ($B=0.0107$, 95% CI [0.0051, 0.0030]).

В случае анализа модели с включением групповой угрозы мы не можем подтвердить наличие значимой двойной медиации ($B=0.0037$, 95% CI [-0.0007, 0.0117]). Этот результат обусловлен тем, что переживание относительной депривации не связано с ощущением угрозы для группы, к которой принадлежат респонденты ($B=0.2053$, 95% CI [-0.0215, 0.4322]), но при этом оно по-прежнему остается опосредованно связанным с поведением в сети через атрибутирование намерений ($B=0.0621$, 95% CI [0.0298, 0.1005]).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о полном подтверждении первой гипотезы исследования и о частичном — второй.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о том, что результаты социального сравнения могут быть связаны с выбором различных стратегий совладания. В частности, переживание относительной депривации связано с установками и верованиями, подчеркивающими опасность окружающего мира, и актуализация этих установок способствует использованию различных вариантов поведенческой копинг-стратегии избегания. Данный результат имеет два важных следствия. Первое связано с демонстрацией роли социальных факторов (в частности, социальных верований, коллективных переживаний и установок) в выборе стратегий совладания. Осознание этой роли должно способствовать развитию новых направлений исследований и расстановке акцентов при исследовании совладающего поведения. Например, логично предположить, что и другие конструкты, связанные с социальным сравнением, могут быть также связаны с совладанием. В частности, к таким конструктам может относиться ориентация на социальное доминирование — представление о том, что отношения между людьми в обществе имманентно иерархические, и эта иерархия должна сохраняться [25].

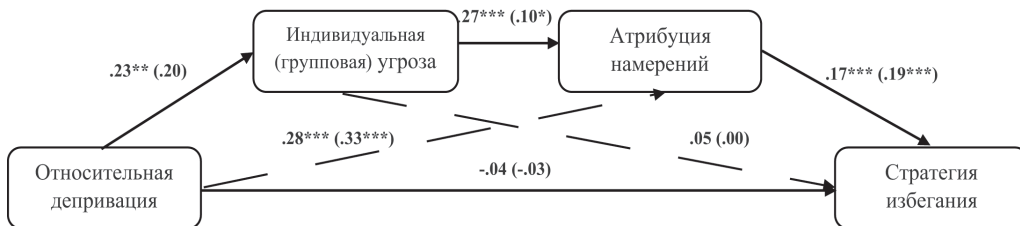

Рис. Модель двойной медиации: в скобках указаны показатели модели с использованием групповой угрозы; * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

Второе следствие связано с пониманием особенностей сетевой коммуникации. Наши результаты свидетельствуют о том, что в ситуации, когда люди переживают относительную депривацию, и это чувство актуализирует у них восприятие мира как опасного и угрожающего, они стремятся минимизировать контакт с отличающимися от них людьми (в частности, с большей вероятностью удаляют их из «друзей»). Такое поведение может в еще большей степени способствовать переживанию разобщенности и относительной депривации, так как лишает человека возможности получать альтернативную информацию и тем самым ставить под сомнения свои установки и представления. При этом избегание, не являясь эффективной стратегией копинга, в то же время является наиболее простым и удобным способом быстро оградить себя от нежелательной информации. Таким образом, именно особенности сетевой коммуникации и технические возможности использования социальных сетей могут способствовать выбору данной стратегии совладания.

Не менее интересными представляются данные о том, что относительная депривация сама по себе не связана с переживанием групповой угрозы. Этот результат может быть крайне важен в понимании того, как именно личная и социальная идентичности пользователей могут быть задействованы в социально-сетевой коммуникации, в частности, он косвенно свидетельствует о том, что при переживании относительной депривации групповая идентичность может актуализироваться в меньшей степени, нежели личностная.

Ограничения проведенного исследования могут быть рассмотрены по трем основаниям. Во-первых, возраст респон-

дентов (молодежь) ставит вопрос о том, насколько данные об их переживании относительной депривации могут быть перенесены на другие возрастные когорты. Во-вторых, копинг-стратегия избегания реализовывалась участниками исследования в условиях сетевой коммуникации, предоставляющей ежедневные возможности для социального сравнения, и, соответственно, представляется неочевидной ее взаимосвязь с переживанием относительной депривации в более «слабых» социальных ситуациях. В-третьих, очевидно, что помимо переживания относительной депривации на выбор человеком стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями могут влиять и другие социально-когнитивные детерминанты, определяющие его образ социального мира.

Выводы

1. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в социально-сетевой коммуникации возникновение чувства относительной депривации (как результата негативного социального сравнения) связано с предпочтением поведенческой копинг-стратегии избегания, которая выражается в готовности удалять из круга общения людей, разделяющих ценности и взгляды, отличающиеся от ценностей и взглядов респондентов.

2. Связь между переживанием относительной депривации и использованием стратегии избегания опосредована другими эмоционально-когнитивными детерминантами. В частности, эта связь усиливается, если респондент не просто чувствует относительную депривацию, но и приписывает ее источнику негативные намерения.

3. Полученные результаты имеют важное теоретическое и прикладное значение, связанное как с развитием понимания функционирования социально-сетевого взаимодействия, в том числе в контексте применения пользователями различных копинг-стратегий, так и с подготовкой практических рекомендаций по использованию наиболее эффективных и адаптивных копинг-стратегий в случае возникновения коммуникативных трудностей.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.12.2019)
2. *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства — путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22.
3. *Битюцкая Е.В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 100–111.
4. *Завадская М.А.* Российская молодежь: флагман политической активности или якорь авторитаризма? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/wluds/post446115093/> (дата обращения 15.12.2019)
5. Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко и С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. 240 с.
6. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантигул, 2007. 60 с.
7. *Крюкова Т.Л.* Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 88–95.
8. *Латова Н.В.* Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (3). С. 119–134.
9. *Львова Е.Н., Митина О.В., Шлягина Е.И.* Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://www.psystudy.ru> (дата обращения 15.12.2019)
10. *Рассказова Е.И., Гордеева Т.О.* Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2011. № 3 (17). URL: <http://www.psystudy.ru> (дата обращения 15.12.2019)
11. *Свищёва А.Н.* Относительная депривация в условиях финансово-экономического кризиса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 183–202.
12. *Суханова А.Ш.* Сравнительный анализ популярных онлайн-сообществ молодежи: от общероссийского рейтинга к локальному рейтингу российских городов // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3. С. 88–99.
13. *Boyd D.M., Ellison N.B.* Social network sites: Definition, history, and scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13. № 1. P. 210–230.

14. *Callan M.J., Shead N.W., Olson J.M.* Personal relative deprivation, delay discounting and gambling // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101(5). P. 955–973.
15. *Carver C.S.; Connor-Smith J.* Personality and coping // *Annual Review of Psychology*. 2010. № 61. P. 679–704.
16. *Duckitt J.* A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in Experimental Social Psychology* / In M.P. Zanna (Ed.). . 2001. Vol. 33. P. 41–113). Academic Press.
17. *Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of facebook “friends:” Social capital and college students’ use of online social network sites // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. Vol. 12. № 4. P. 1143–1168. doi: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
18. *Frydenberg E.* Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes // *Australian Journal of Psychology*. 2014. Vol. 66. P. 82–92.
19. *Hayes A.F., Preacher K.J.* Statistical mediation analysis with a multicategorical independent variable // *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. 2014. Vol. 67 (3). P. 451–470. doi: 10.1111/bmsp.12028
20. *Lazarus R.S.* Coping theory and research: past, present and future // *Psychosomatik Medicine*. 1993. № 55. P. 237–247.
21. *Lazarus R.* Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // *Journal of Personality*. 2006. Vol. 74 (1). P. 9–43.
22. *MacKinnon D., Lockwood C., Williams J.* Confidence Limits for the Indirect Effect: Distribution of the Product and Resampling Methods // *Multivariate Behavioral Research*. 2004. Vol. 39 (1). P. 99–128. doi: 10.1207/s15327906mbr3901
23. *Nadkarni A., Hofmann S.G.* Why do people use Facebook? // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 52 (3). P. 243–249. doi: 10.1016/j.paid.2011.11.007
24. *Seidman G.* Self-presentation and belonging on Facebook: how personality influences social media use and motivations // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 54 (3). P. 402–407. doi: 10.1016/j.paid.2012.10.009
25. *Pratto F., Sidanius J., Levin S.* Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward // *European Review of Social Psychology*. 2006. Vol. 17. P. 271–320.
26. *Smith H.J., Ortiz D.J.* Is it just me? The different consequences of personal and group relative deprivation // *Relative deprivation: specification, development, and integration* / I. Walker, H.J. Smith (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 91–115.
27. *Smith H.J., Pettigrew T.F., Pippin G.M., Bialosiewicz S.* Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. Vol. 20 (10). P. 1–30. doi: 10.1177/1088868311430825
28. *Zhao S., Grasmuck S., Martin J.* Identity construction on Facebook: digital empowerment in anchored relationships // *Computers in Human Behavior*. 2008. Vol. 24 (5). P. 1816–1836. doi:10.1016/j.chb.2008.02.012

References

1. Belinskaya E.P. Sovladanie kak social'no-psihologicheskaya problema [Coping as social-cultural problem]. *Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn [Psychological studies]*, 2009, no. 1(3). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3.html> (Accessed 15.12.2019) (In Russ., Abstr. in Engl.)
2. Belyaeva L.A. Preodolenie napryazhenij social'nogo prostranstva – put' k konsolidacii obshchestva [Overcoming social stresses spaces as a way to consolidation of society]. *Filosofskie nauki [Philosophical sciences]*, 2014, no. 6, pp. 8–22 (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Bityuckaya E.V. Sovremennye podhody k izucheniyu sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situatsiyami [Modern approaches to the study of coping with difficult life situations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.14. Psihologiya [Moscow University Psychological Bulletin]*, 2011, no. 1, pp. 100–111 (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Zavadskaya M.A. Rossijskaya molodezh': flagman politicheskoy aktivnosti ili yakor' avtoritarizma? [Russian youth: the flagship of political activity or the anchor of authoritarianism?]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/wluds/post446115093/> (Accessed 15.12.2019) (In Russ.).
5. Kollektivnye perezhivaniya social'nyh problem [Collective experiences of social problems]. In Stefanenko T.G., Lipatov S.A. (eds.). Moscow: Smysl, 2015. 240 p. (In Russ.).
6. Kryukova T.L. Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly [Methods of studying coping behavior: three coping scales]. Kostroma: Avantitul, 2007. 60 p. (In Russ.).
7. Kryukova T.L. Chelovek kak sub'ekt sovladayushchego povedeniya [Man as a subject of coping behavior]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 2008. Vol 29, no. 2, pp. 88–95. (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Latova N.V. Aktory zaprosa na institucional'nye peremeny v sovremennoj Rossii (social'no-psihologicheskij kontekst) [Actors of the request for institutional changes in modern Russia (socio-psychological context)]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij [Journal of Institutional Studies]*, 2019, no. 11 (3), pp.119–134. (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. L'vova E.N., Mitina O.V., Shlyagina E.I. Lichnostnye prediktory sovladayushchego povedeniya v situacii neopredelennosti [Personal predictors of coping behavior in situation of ambiguity]. *Psihologicheskie issledovaniya (elektronnyj zhurnal) [Psychological Studies]*, 2015, no. 40. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> (Accessed 15.12.2019) (In Russ., Abstr. in Engl.).
10. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O. Koping-strategii v psihologii stressa: podhody, metody i perspektivy issledovanij [Coping strategies in the psychology of stress: approaches, methods, perspectives]. *Psihologicheskie issledovaniya (elektronnyj zhurnal) [Psychological Studies]*, 2011, no. 3 (17). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/493-rasskazova-gordeeva17.html> (Accessed 15.12.2019) (In Russ., Abstr. in Engl.).
11. Svishchyova A.N. Otnositel'naya deprivatsiya v usloviyah finansovo-ekonomicheskogo krizisa [Relative deprivation in the context of the financial and economic crisis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]*, 2016, no. 5, pp. 183–202. (In Russ., Abstr. in Engl.)

12. Suhanova A.Sh. Sravnitel'nyj analiz populyarnyh on-lajn soobshchestv molodezhi: ot obshcherossijskogo rejtinga k lokal'nomu rejtingu rossijskih gorodov [Comparative analysis of popular online youth communities: from the all-Russian rating to the local rating of Russian cities]. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie [Municipality: Economics and Management]*, 2018, no. 3, pp. 88–99. (In Russ., Abstr. in Engl.)
13. Boyd D.M., Ellison N.B. Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007. Vol. 13, no. 1. pp. 210–230.
14. Callan M.J., Shead N.W., Olson J.M. Personal relative deprivation, delay discounting and gambling. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101 (5), pp. 955–973.
15. Carver C.S., Connor-Smith J. Personality and coping. *Annual Review of Psychology*, 2010, no. 61, pp. 679–704.
16. Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. In M.P. Zanna (eds.). *Advances in Experimental Social Psychology*, 2001. Vol. 33, pp. 41–113). Academic Press.
17. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of facebook “friends:” Social capital and college students’ use of online social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007. Vol. 12, no. 4, pp. 1143–1168. doi: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
18. Frydenberg E. Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes. *Australian Journal of Psychology*, 2014. Vol. 66, pp. 82–92.
19. Hayes A.F., Preacher K.J. Statistical mediation analysis with a multicategorical independent variable. *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*, 2014. Vol. 67 (3), pp. 451–470. doi: 10.1111/bmsp.12028
20. Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present and future // *Psychosomatik Medicine*, 1993. N 55. pp. 237–247.
21. Lazarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping. *Journal of Personality*. 2006. Vol. 74, no. 1, pp. 9–43.
22. MacKinnon D., Lockwood C., Williams J. Confidence Limits for the Indirect Effect: Distribution of the Product and Resampling Methods. *Multivariate Behavioral Research*, 2004. Vol. 39 (1), pp. 99–128. doi: 10.1207/s15327906mbr3901
23. Nadkarni A., Hofmann S.G. Why do people use Facebook? *Personality and Individual Differences*, 2012. Vol. 52 (3), pp. 243–249. doi: 10.1016/j.paid.2011.11.007
24. Seidman G. Self-presentation and belonging on Facebook: how personality influences social media use and motivations. *Personality and Individual Differences*, 2013. Vol. 54 (3), pp. 402–407. doi: 10.1016/j.paid.2012.10.009
25. Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward. *European Review of Social Psychology*, 2006. Vol. 17, pp. 271–320.
26. Smith H.J., Ortiz D.J. Is it just me? The different consequences of personal and group relative deprivation. In I. Walker, H.J. Smith. *Relative deprivation: specification, development, and integration*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 91–115.

27. Smith H.J., Pettigrew T.F., Pippin G.M, Bialosiewicz S. Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Review. *Personality and Social Psychology Review*, 2011, no. 20 (10). pp. 1–30. doi: 10.1177/1088868311430825
28. Zhao S., Grasmuck S., Martin J. Identity construction on Facebook: digital empowerment in anchored relationships. *Computers in Human Behavior*, 2008. Vol. 24 (5), pp. 1816–1836. doi:10.1016/j.chb.2008.02.012

Информация об авторах

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, доцент, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Psychology, Professor, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Elena R. Agadullina, PhD in Psychology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Получена 21.12.2019

Принята в печать 21.02.2020

Received 21.12.2019

Accepted 21.02.2020

Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах

Ефремова М.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru*

Бульцева М.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru*

Цель исследования состоит в изучении взаимосвязи индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах (реальной жизни).

Контекст и актуальность исследования. Просоциальное поведение способствует как благополучию отдельных людей, так и процветанию общества в целом. Его детерминированность разными факторами, в числе которых особое значение имеют индивидуальные ценности, является контекстуально обусловленной. С распространением информационно-коммуникационных технологий доля людей, активно вовлеченных в разного рода взаимодействия в интернете, становится все выше. При этом специфические особенности онлайн-контекста в отношении просоциального поведения и взаимосвязи ценностей с просоциальным поведением в онлайн-контексте изучены не были.

Дизайн и методология исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса и имело кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн. Для измерения просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах был разработан и апробирован специальный инструментарий. Ценности рассматривались в подходе Ш. Шварца и измерялись при помощи сокращенной версии опросника индивидуальных ценностей, включенного в анкету Европейского социального исследования (ESS).

Выборка исследования является достаточно разнородной и включает в себя 187 респондентов из разных регионов Российской Федерации (средний возраст 35,4 года, 66% — женщины). Метод построения выборки — невероятностный, выборка согласных (convenience sampling).

*Методы. Исследование построено на основании количественных методов. Для обработки и анализа данных использовались анализ описательных статистик, *t*-тест для парных выборок и регрессионный анализ методом одновременного ввода переменных, реализованные в программе SPSS 22.0.*

Результаты. Было обнаружено, что просоциальное поведение российских респондентов в большей мере выражено в офлайн-контексте, в сравнении с онлайн. При этом

с просоциальным поведением в офлайн-контексте значимо позитивно связаны только ценности Самопреодоления, в то время как с просоциальным поведением в онлайн-контексте позитивно связаны как ценности Самопреодоления, так и Самоутверждения.

Основные выводы. Полученные в исследовании результаты позволяют сделать вывод о том, что интернет все еще является неосвоенным в полной мере полем для осуществления просоциального поведения, по крайней мере, для россиян. Примечателен тот факт, что связь ценностей и просоциального поведения зависит от контекста, в котором просоциальное поведение может реализовываться. Была установлена универсальность позитивной связи ценностей Самопреодоления и просоциального поведения. Однако результат относительно позитивной связи ценностей Самоутверждения и просоциального поведения в онлайн-контексте является принципиально новым.

Ключевые слова: просоциальное поведение, индивидуальные ценности, онлайн-контекст, офлайн-контекст, киберпсихология.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00169.

Для цитаты: Ефремова М.В., Бульцева М.А. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 107–126. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110107>

The relationship between individual values and prosocial behavior in an online and offline contexts

Maria V. Efremova

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru

Maria A. Bultseva

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

The objective of the study is to investigate the relationship of individual values and prosocial behavior in online and offline contexts.

Background. *Prosocial behavior contributes to both the well-being of individuals and the prosperity of a society. Its relationship with different factors, among which individual values have the strongest predictive power, is contextually dependent. With the development and dissemination of information and communication technologies, number of people actively involved in various kinds of interactions on the Internet is constantly growing. However, specific features of the online context regarding prosocial behavior and how they can influence the relationship between values and prosocial behavior in this context have not been studied yet.*

Study design. *The study is a socio-psychological survey which was conducted within the framework of a cross-sectional one-sample design. The authors developed and adopted spe-*

cial questionnaires to measure prosocial behavior in online and offline contexts. Values were considered in the Schwartz approach and measured using a short version of the individual values questionnaire included in the European Social Survey methodology (ESS).

Participants. The sample of the study is quite heterogeneous and includes 187 respondents from different regions of the Russian Federation (average age 35,4 years, 66% women). Search of respondents was done using non-probabilistic, convenience sampling method.

Methods of data analysis. The study is based on quantitative methods. Such methods of data processing and analysis were applied as analysis of descriptive statistics, *t*-test for paired samples, multiple linear regression analysis (Enter method) in the SPSS 22.0 program.

Results. The respondents were more involved in prosocial behavior in an offline context than in an online context. Values of Self-Transcendence only are positively related with prosocial behavior in an offline context, while both Self-Transcendence and Self-Enhancement values are related with prosocial behavior in an online context.

Conclusions. The results obtained in the study allow authors to conclude that the Internet is still an undeveloped field for the implementation of prosocial behavior, at least for Russians. Noteworthy is the fact that the relationship between values and prosocial behavior depends on the context in which prosocial behavior can be realized. The universality of the positive relationship of Self-Transcendence values and prosocial behavior was established. However, the finding about positive relationship of Self-Enhancement values and prosocial behavior in an online context is fundamentally new.

Keywords: prosocial behavior, individual values, online context, offline context, cyber-psychology.

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 19-18-00169.

For citation: Efremova M.V., Bultseva M.A. The relationship between individual values and prosocial behavior in an online and offline contexts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 107–126. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110107>. (In Russ.).

Введение

Просоциальное поведение определяется как действия, которые приносят пользу другим и способствуют процветанию общества [21]. Иными словами, это добровольное и преднамеренное поведение, приносящее пользу другим [30]. Так, просоциальное поведение привносит вклад в физическое и психологическое благополучие других людей [63] и вместе с тем также позитивно сказывается на состоянии того, кто эту помощь оказывает [29]. На групповом уровне просоциальное поведение является «социальным

клеем», который скрепляет людей и способствует их мирному сосуществованию и благополучию [41], приводит к увеличению производительности труда в организациях [48], повышает благосостояние общества в целом [37].

Наряду с этим в соответствии с отчетом Благотворительного фонда развития филантропии (международной некоммерческой организации CAF) Россия находится на 117 месте из 126 стран по уровню вовлеченности населения в просоциальное поведение. Так, только 35% опрошенных оказывали какую-либо помощь незнакомцам, 16% делали пожертвования, 12%

участвовали в волонтерской деятельности [22]. Поэтому обращение к тематике факторов, способствующих просоциальному поведению россиян, является актуальным для российского контекста.

Многочисленные зарубежные исследования выявили, что на просоциальное поведение влияют количество людей, способных откликнуться на запрос о помощи, размывание ответственности [40], особенности того, на чье благополучие нацелено просоциальное поведение [47], эмпатия и связанные с ней конструкты [18; 46], доброжелательность [33; 59], просоциальные ценностные ориентации [45]. В отечественных исследованиях изучаются личностные диспозиции различных видов социально направленного поведения [3], просоциальность в различных помогающих профессиях [6], типы «альтернативного альтруизма» [11], кросс-культурные особенности просоциального поведения.

Одним из наиболее мощных факторов, определяющих просоциальное поведение, являются индивидуальные ценности [55]. Индивидуальные ценности определяются как устойчивые представления и желаемые цели, которые мотивируют поведение человека и таким образом выступают руководящими принципами в жизни [56; 57]. В теории базовых ценностей Ш. Шварца ценности представлены динамичной системой взаимодействий, отражающей, как ценности могут конфликтовать или быть совместимыми друг с другом. Система ценностей организована в виде двухмерной структуры, состоящей из четырех измерений, так называемых ценностей высшего порядка, которые, в свою очередь, делятся на десять ценностей в классической теории и девятнадцать в обновленной. Первый тип ценностей высшего порядка — ценности Сохранения — опи-

сывает мотивацию, направленную на сохранение текущего социального порядка и стабильности (ценности: Безопасность, Традиция, Конформность). На противоположном ему полюсе представлены ценности Открытости изменениям, описывающие мотивацию независимости, поиска новизны и следования своим интересам в новых направлениях (ценности: Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм). Ценности Самопреодоления включают в себя заботу о благополучии других, не сопровождаемую эгоистичными целями и мотивами (ценности: Доброжелательность, Универсализм). На противоположном полюсе представлены ценности Самоутверждения, которые описывают стремление к личному успеху и доминированию, иногда за счет других (ценности: Власть, Достижение) [56].

Анализ литературы демонстрирует наличие устойчивой связи между ценностями и различными видами поведения [17]. Так, эмпирически выявлено, что ценности связаны с креативностью [28], проэкологическим поведением [61], агрессивным поведением [16], политической активностью [55]. Механизм, который объясняет эту связь, состоит в стремлении поддерживать согласованность между своими убеждениями и поведением [19; 49], а также в стремлении достигать своих целей [17; 52], которые являются во многом выражением и объективизацией индивидуальных ценностей.

Несмотря на разные способы операционализации и измерения просоциального поведения, в большинстве исследований подтверждается наличие положительной связи просоциального поведения с ценностями Самопреодоления и отрицательной связи с ценностями Самоутверждения [17; 24; 27]. При этом взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциаль-

ного поведения в российском контексте изучена не в полной мере. Одной из немногих работ в этом поле является кросс-культурное исследование ценностей и просоциального поведения русских и белорусских студентов [2]. Выраженность ценностей блока Самопреодоления увеличивает вероятность просоциального поведения, в основе которого лежит чувство справедливого распределения благ, в то время как выраженность ценностей блока Самоутверждения способствует проявлению публичных просоциальных поступков, в основе которых лежат нормы взаимности. Вместе с тем обнаружены культурно-специфические результаты в группе русских студентов: ценности Универсализма снижают вероятность оказания помощи на публике, а выраженность ценностей Конформности повышает вероятность данного вида помощи [2]. Взаимосвязь ценностей и просоциального поведения (как поведения социально желательного и одобряемого) может быть контекстуально детерминированной и может зависеть, например, от выраженности и содержания социальных норм, преобладающих в обществе [17].

Ключевым моментом данного исследования является рассмотрение не только ценностной, но еще и контекстуальной детерминации просоциального поведения. Дополнительным контекстом, в который оказывается включено в настоящее время большинство населения еще с детского возраста, является интернет. Все чаще научные исследования так или иначе затрагивают социально-психологические последствия цифровизации [1; 4; 12; 62]. Однако проблематика просоциального поведения в интернете разработана достаточно фрагментарно. Учитывая активную цифровизацию современного общества, а так-

же рост коммуникаций в онлайн-среде, становится актуальным исследование просоциального поведения, которое, будучи социально значимой формой поведения, на сегодняшний день реализуется как в онлайн-контексте, так и в реальной жизни. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются ценности как факторы просоциального поведения с учетом контекстуальных различий между интернет-средой и реальной жизнью.

Чем же онлайн-контекст отличается от офлайн-контекста (реальной жизни), и как эти различия могут сказываться на просоциальном поведении и его факторах? Во-первых, в интернете появляются и активно развиваются новые типы деятельности — так, тематике просоциального поведения могут быть релевантны наполнение сайтов общего доступа информацией (например, Википедия), размещение в свободном доступе программ [60]. Во-вторых, остро встает вопрос социальных норм в интернете и их влияния на интернет-пользователей. С одной стороны, интернет ориентирует человека на следование трендам ради социального одобрения [50]. С другой стороны, такие факторы, как анонимность, разобщенность и разнообразие, свободное распространение информации делают процесс создания и трансмиссии норм в интернете плохо управляемым и малопредсказуемым [42], а складывающиеся тренды не всегда отражают преобладающие в офлайн-контексте нормы [8]. В-третьих, просоциальное поведение в Сети имеет свои специфические характеристики, такие как публичность запросов о помощи и большой охват потенциальных помощников при их относительной «невидимости»; демонстративность поведения и выраженные репутационные выгоды;

относительная легкость реализации просоциального поведения даже на систематической основе [60], анонимность, физическая непредставленность [15]. При взаимодействиях онлайн значительно снижается важность границ, барьеров как для общения, так и для оказания помощи, связанных с полом, возрастом, статусом и привлекательностью, что может способствовать большей просоциальности поведения в онлайн-контексте. С другой стороны, анонимность и массовость обращения могут приводить к некоему размытию ответственности. На наш взгляд, описанные выше особенности онлайн-контекста могут приводить как к изменению факторов просоциального поведения в целом, так и к ослаблению нормативного давления, опосредующего связь ценностей и просоциального поведения.

На основании анализа прошлых исследований можно сделать несколько основных выводов. Индивидуальные ценности являются мощным фактором просоциального поведения. Интернет-контекст представляет собой особую среду со специфическими нормами, качественно новыми формами, условиями и последствиями социального взаимодействия. Перечисленные особенности могут сказываться как на выраженности просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах, так и его взаимосвязи с ценностями. Поэтому, принимая во внимание особенности норм и контекста в онлайн-среде, можно ожидать, что просоциальное поведение в онлайн-среде будет мультимотивированным, а детерминация ценностями Самопреодоления будет менее сильной, чем в офлайн-среде.

В данной работе ставятся исследовательские вопросы о том, какой вид просоциального поведения является более выраженным у россиян, а также о том,

есть ли какие-либо различия во взаимосвязи индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. **Целью** настоящего исследования является изучение взаимосвязи индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах.

Эмпирическое исследование

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Метод построения выборки — вероятностный, выборка согласных (convenience sampling). С целью минимизации возможных различий, связанных с отбором исключительно в интернете, часть выборки была собрана посредством распространения опросника онлайн, часть заполняла бумажную версию; различий между ними обнаружено не было.

Выборка. В итоговую выборку исследования вошли 187 респондентов из более чем 60 городов разных регионов Российской Федерации после того, как 11 человек были исключены из-за ошибок заполнения. Возраст респондентов варьировался от 15 до 62 лет (средний возраст $M=35,4$ года, $\sigma=10,5$ лет). В выборке больше представлены русские (85%), женщины (66% респондентов), люди с высшим образованием (70% респондентов), трудоустроенные (81,5% респондентов), не исповедующие никакой религии (67,1% респондентов). Выборка обладает достаточной разнородностью, а ее структура условно отражает тренды как общей структуры населения Российской Федерации [13], так и структуры аудитории интернет-пользователей [7], что важно для целей данного исследования, обращаемого как к онлайн-, так и офлайн-контекстам.

Процедура исследования. Сначала респондентам был представлен блок вопросов относительно их опыта просоциального поведения в офлайн- и онлайн-контекстах, далее следовали вопросы для оценки значимости для респондентов индивидуальных ценностей, последними шли вопросы о социально-демографических характеристиках респондентов. Опросник заполнялся индивидуально, без ограничений по времени и контроля со стороны исследователя. Среднее время заполнения опросника занимало 15 минут.

Инструментарий. Был разработан инструментарий для оценки просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. Опросник, направленный на измерение просоциального поведения в офлайн-контексте, был составлен на основании двух шкал, активно используемых в отечественных и зарубежных исследованиях: 1) шкала самооценки альтруизма (ШСА) (альтруистичной личности) [51], 2) шкала просоциальности [23], а также включал дополнительно разработанные вопросы. Проведенная серия когнитивных интервью (3 интервью) позволила отобрать наиболее релевантные для нашего исследования вопросы и адаптировать формулировки под российский контекст. В итоговую версию опросника вошел 21 пункт, которые были организованы по типу Лайкерта, в соответствии с 5-балльной шкалой, где нужно указать частоту, с которой индивиды совершали описанные действия — от «никогда» до «очень часто», например, «Я объяснял(а) дорогу заблудившемуся человеку». Получившаяся шкала имела высокую внутреннюю согласованность ($\alpha=0,88$).

Также был разработан опросник, направленный на измерение просоциального поведения в онлайн-контексте.

Опросник был составлен на основании шкал, использованных в зарубежных исследованиях и показавших высокую степень внутренней согласованности: 1) Просоциальное поведение онлайн [20], 2) Шкала онлайн-просоциальности [36]. Проведенная серия когнитивных интервью (3 интервью) позволила отобрать наиболее релевантные для нашего исследования вопросы. С помощью экспертных интервью (4 интервью) с сотрудниками организаций, занимающихся оказанием помощи разным группам населения, были выявлены виды деятельности, которые существуют в сфере помогающего поведения в сети Интернет (например, размещение информации о помощи другому человеку, подписание петиций и т.п.). Итоговая версия опросника включала 12 пунктов, организованных по типу Лайкерта, в соответствии с 5-балльной шкалой, где индивидам нужно указать частоту, с которой совершались описанные действия — от «никогда» до «очень часто», например, «Я бесплатно консультировал(а) кого-то в интернете по вопросам, в которых я разбираюсь». Получившаяся шкала имела высокую внутреннюю согласованность ($\alpha=0,89$).

Для измерения индивидуальных ценностей была использована сокращенная версия опросника Ш. Шварца, включенного в анкету Европейского социального исследования. Шкала включает в себя 21 пункт (ESS-21) и позволяет оценить 10 базовых ценностей: Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм. По каждой из четырех субшкал ценностей высшего порядка показатели внутренней согласованности были приемлемыми (ценности Открытости изменениям — $\alpha=0,74$, ценности

Сохранения – $\alpha=0,66$, ценности Самоутверждения – $\alpha=0,8$, ценности Самопреодоления – $\alpha=0,7$).

Обработка данных. Для обработки и анализа данных использовались анализ описательных статистик, тест для парных выборок и регрессионный анализ методом одновременного ввода переменных (Enter). В регрессионном анализе зависимой переменной являлось просоциальное поведение в онлайн- и офлайн-контекстах, а независимыми переменными – индивидуальные ценности. Статистический анализ проводился с помощью программы SPSS 22.0.

Результаты исследования

На первом этапе статистического анализа нами был произведен расчет дескриптивной статистики по изучаемым

переменным. Результаты приведены в табл. 1.

Сравнение выраженности просоциального поведения в разных контекстах методом t-теста для парных выборок показало, что существуют значимые различия между просоциальным поведением в онлайн- и офлайн-контекстах (см. табл. 2). Средние значения по просоциальному поведению в офлайн-контексте значимо выше средних значений просоциального поведения в онлайн-контексте.

Чтобы ответить на поставленный исследовательский вопрос о взаимосвязи индивидуальных ценностей с просоциальным поведением в онлайн- и офлайн-контекстах, были построены регрессионные модели. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Результаты регрессионного анализа взаимосвязи ценностей и просоциального поведения в офлайн-контексте по-

Таблица 1

Дескриптивные статистики по изучаемым переменным

Переменная	M	SD
Просоциальное поведение офлайн	2,84	0,61
Просоциальное поведение онлайн	2,39	0,78
Открытость изменениям	4,12	0,86
Самоутверждение	3,86	1,09
Сохранение	3,84	0,85
Самопреодоление	4,35	0,87

Таблица 2

Сравнение выраженности просоциального поведения в разных контекстах методом t-теста для парных выборок

Различия между выраженностью просоциального поведения офлайн и просоциального поведения онлайн	Парные разности				t-статистика
	Среднее значение разности	Станд. откл.	95% доверительный интервал для разности		
			Нижняя	Верхняя	
	0,45	0,7	0,35	0,55	8,71**

Условные обозначения: ** $p < 0,01$.

казывают, что ценностные мотивации объясняют 16% вариации просоциального поведения в офлайн-контексте. При этом была обнаружена статистически значимая довольно сильная связь ценностей Самопреодоления и просоциального поведения в офлайн-контексте. В онлайн-контексте модель объясняет чуть меньший процент вариации просоциального поведения – 12%. Однако при этом два вида ценностей (ценности Самопреодоления и ценности Самоутверждения) оказались позитивно и значимо связаны с просоциальным поведением онлайн.

Обсуждение результатов

В ходе исследования было выявлено, что респонденты в большей степени проявляют просоциальное поведение в офлайн-контексте, то есть оказание помощи в онлайн-контексте выражено в меньшей степени. Этот результат может иметь не-

сколько объяснений. Во-первых, просоциальное поведение в Сети имеет свою специфику, которая, возможно, оказывает влияние на распространенность данного типа поведения. Социальные нормы, которые имеют значительное влияние на просоциальность, в онлайн-пространстве плохо управляемы и малопредсказуемы [42], что может снижать просоциальные действия в Сети. Также, несмотря на то, что прошлые исследования предполагают, что онлайн-контекст позволяет инициировать просоциальное поведение с меньшими затратами [38], некоторые авторы предполагают, что в целом интернет оказывает негативное влияние на нравственность общества, в связи с чем падает значимость для россиян моральных ценностей, к которым относится в том числе и альтруизм [14]. Также мы не можем исключать, что просоциальное поведение в онлайн-среде зависит от степени вовлеченности в информационно-коммуникационные технологии, а также

Таблица 3

Регрессионные модели взаимосвязи индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах

Независимые переменные Зависимая переменная	Открытость изменениям	Самоутверждение	Сохранение	Самопреодоление
	β	β	β	β
Офлайн просоциальное поведение	-0,04	0,01	0,07	0,4**
R^2	0,16			
F	10,14**			
Cohen's f^2	0,22			
Онлайн просоциальное поведение	0,05	0,18*	0,04	0,19*
R^2	0,12			
F	5,97**			
Cohen's f^2	0,14			

Условные обозначения: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

от посещения конкретных интернет-площадок. Однако данный аспект не контролировался в исследовании.

Анализ результатов показал, что ценности Самопреодоления связаны с просоциальным поведением в офлайн-контексте. В недавнем исследовании факторов просоциального поведения продемонстрировано существование устойчивых паттернов взаимосвязи ценностей и просоциального поведения. Так, более выраженные предпочтения ценностей Самопреодоления и Сохранения перед ценностями Самоутверждения и Открытости изменениям соответствуют большей готовности помогать [53]. Данная связь подтвердилась в нескольких изучаемых культурах, что говорит о ее универсальности. Другое исследование, посвященное изучению типов беспокойства, выявило, что ценности Самоутверждения связаны с микробеспокойством (то есть волнениями, связанными с личным благополучием), в отличие от ценностей Самопреодоления, связь которых с микробеспокойством негативная. То есть люди, для которых важны ценности Самопреодоления, не испытывают такого высокого уровня тревоги и имеют свободные ресурсы для вовлечения в просоциальное поведение [55]. Таким образом, выраженность ценностей Универсализм и Доброжелательность, входящих в блок Самопреодоления, способствует просоциальному поведению.

Инициация конгруэнтного поведения основывается на активизации ценностей, важным элементом которой является возникновение чувства личной ответственности. И хотя роль выраженности определенных ценностей в возникновении чувства личной ответственности не была проверена эмпирически, в научном сообществе существует мнение

о том, что ценности Самопреодоления будут связаны с чувством ответственности и поведением, направленным на благо других людей, в то время как ценности Самоутверждения могут иметь обратный эффект и приводить к избеганию людей, нуждающихся в помощи [55]. Это предположение тесно связано с другими исследованиями, указывающими, что в основе просоциального поведения лежит чувство ответственности [9; 10; 25].

Анализ взаимосвязи индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн-контексте показал, что ценности Самопреодоления и Самоутверждения связаны с просоциальным поведением онлайн. Рассмотрим каждую из выявленных взаимосвязей.

Судя по результатам данного исследования, связь ценностей блока Самопреодоления с просоциальным поведением является универсальной и проявляется как в офлайн-, так и онлайн-контекстах. Относительно онлайн-контекста необходимо добавить, что данный результат соотносится с итогами исследования Е.А. Припоровой и Е.Р. Агадуллиной [12]. Авторы обнаружили, что можно выделить несколько профилей пользователей социальных сетей в зависимости от социальных мотивов их использования. При этом именно респонденты профиля «высокой социальной мотивации» были склонны больше реагировать на чужую активность в интернете и, например, «репостить» на свою страницу чужие записи, что может рассматриваться в разрезе просоциального поведения в онлайн-контексте.

Ценности блока Самоутверждения выражают внешнюю мотивацию. Так, достижение ценностей, входящих в данный блок (Власть, Достижение), направлено на получение социального одобрения и

материального вознаграждения [55; 56]. Полученный в нашем исследовании результат противоречит прошлым теоретическим и эмпирическим результатам, указывающим, что ценности Самоутверждения, ставя в приоритет в большей степени заботу о личных интересах, снижают восприятие потребностей других людей, сопереживание, участие и, как следствие, помощь [24; 27; 43]. Однако важно принимать во внимание мотивы оказания помощи в онлайн-контексте. Наряду с альтруистическими мотивами, лежащими в основе просоциального поведения, эгоистические побуждения выделяются как одна из мотивирующих причин для оказания помощи [31; 54]. Таким образом, можно предположить, что особенности онлайн-контекста, например, такие как демонстративность и видимость поведения в Сети, актуализируют мотивацию получить признание и одобрение, лежащие в основе эгоистичных мотивов. Разнообразие возможностей в онлайн-контексте может приводить к формированию эффекта культурного нарциссизма, когда у пользователей интернета в силу контекстуальных особенностей этой среды создается иллюзорное ощущение собственных неограниченных возможностей [5].

При этом, если рассматривать самоутверждение в более широком понимании, то самоутверждение как тенденция оценивать себя более благоприятно, чем других, позитивно связано с просоциальным поведением, в частности с участием в волонтерской деятельности и внесением пожертвований [58].

Сравнивая между собой модели взаимосвязи ценностей и просоциального поведения в разных контекстах, нельзя проигнорировать то, что в офлайн-контексте ценности обладают большей пред-

казательной силой. Так, связь ценностей Самопреодоления с просоциальным поведением почти в два раза сильнее в офлайн-контексте, чем в онлайн-контексте. Помимо уже упомянутых ранее особенностей интернет-среды, это может быть связано с динамичным взаимодействием самих ценностей. Ценности Самопреодоления и Самоутверждения находятся на противоположных полюсах континуума ценностей [56], и весьма вероятно, что одновременная активизация конфликтующих ценностей будет ослаблять их связь с поведением.

Ограничения данного исследования.

По итогам проведенного исследования необходимо также учитывать ряд методологических и теоретических ограничений, демонстрирующих, что результаты данного исследования нуждаются в уточнении и дополнительном объяснении.

Во-первых, в данном исследовании учитывались теоретически, но не измерялись эмпирически социальные нормы, которые могли бы расширить объяснение связи между ценностями и просоциальным поведением. Во-вторых, не принимались во внимание такие показатели, как: степень интенсивности использования интернета респондентами и тип интернет-активности, которые как индивидуально, так и в интеракции с индивидуальными ценностями могут быть связаны с просоциальным поведением в онлайн-контексте [см. 32; 34]. В-третьих, в данном исследовании не учитывались культурные особенности России. Например, влияние одного и того же вида деятельности в онлайн-контексте на просоциальное поведение может быть различным. Было обнаружено, что взаимосвязь размещения постов в интернете (как монологичной формы коммуникации) и склонности к просоциальному поведению онлайн в одних странах негативная,

а в других — позитивная [26; 35]. В связи с этим встает вопрос об универсальности и специфичности связи просоциального поведения и ценностей, конгруэнтных определенным видам деятельности.

Направления будущих исследований. Учитывая выводы и ограничения данного исследования, перспективными направлениями могут быть анализ факторов просоциального поведения в онлайн-контексте: выявление специфических типов социальных норм, формирующихся в интернете, и их влияния на просоциальное поведение и его детерминанты, изучение взаимосвязи видов деятельности в онлайн-контексте, вовлеченности в использование ИКТ-технологий с просоциальным поведением и его факторами. Интересным представляется также изучение влияния просоциального поведения в онлайн-контексте на просоциальное поведение в офлайн-контексте. Цель и дизайн данного исследования не предполагали выявления подобной связи, однако несколько зарубежных работ показывают возможную амбивалентность связи просоциального поведения в интернете и реальной жизни. С одной стороны, существует «гипотеза позитивной ассоциации» о том, что имеется позитивная связь между поведением в интернете и повседневным социальным поведением [44]. В пользу данной гипотезы говорят также предположения Р.М. Айсиной и А.А. Нестеровой [1] о том, что позитивная киберсоциализация будет способствовать трансляции позитивного опыта, полученного онлайн, на деятельность в офлайн-контексте, то есть повседневной жизни вне Сети. С другой стороны, киберсоциализация может быть негативной. И более того, не исключено возникновение «эффекта кликтивизма», который состоит в том, что после выполнения каких-либо относительно простых

действий в интернете (например, репост чьей-то просьбы о помощи) люди менее склонны вовлекаться в деятельность, направленную на реализацию тех же мотивов (например, просоциальное поведение) в офлайн-контексте [39].

Заключение

В данном исследовании было рассмотрено просоциальное поведение в двух различных контекстах. Изучалось просоциальное поведение преимущественно по отношению к незнакомцу. В ходе исследования был разработан и апробирован методический инструментарий, направленный на изучение просоциального поведения в онлайн-контексте и офлайн-контексте. Было выявлено, что российские респонденты в большей степени вовлечены в просоциальное поведение в реальной жизни, а не в интернет-среде. Исследование позволило изучить связь индивидуальных ценностей личности с просоциальным поведением в двух обозначенных контекстах. Выявлено, что ценности блока Самоутверждения связаны с просоциальным поведением как в онлайн-, так и в офлайн-контекстах. Вместе с тем ценность Самоутверждения связана с просоциальным поведением в онлайн-контексте.

Таким образом, полученные результаты способствуют лучшему пониманию контекстуальной обусловленности связи ценностей и поведения и могут послужить основой для будущих исследований просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. Также результаты возможно учитывать на практике, например, организациям, специализирующимся на оказании помощи, для выстраивания более эффективной коммуникации с интернет-аудиторией.

Литература

1. *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404
2. *Гриценко В.В., Ковалева Ю.В.* Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов // Психологический журнал. 2014. № 35 (4). С. 56–67.
3. *Гришунина Е.В., Пятакова Е.Н.* Особенности личности волонтеров // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 71–78.
4. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. № 1. С. 81–87.
5. *Жеребин В.М., Алексеева О.А., Вершинская О.Н.* Социально-психологические особенности пользователей Интернета // Народонаселение. 2017. № 1 (75). С. 116–124.
6. *Кухтова Н.В., Доморацкая Н.В.* Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. 49 с.
7. Медиаскоп (Mediascope). Рейтинги. Интернет 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 25.02.2020).
8. *Мишанкина Н.А.* Социальные нормы в интернет-коммуникации: социолингвистический аспект // Гуманитарная информатика. 2013. № 7. С. 72–78.
9. *Молчанов С.В.* Морально-ценностные ориентации как функция социальной ситуации развития // Культурно-историческая психология. 2007. Том 3. № 1. С. 73–79.
10. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. С. 125.
11. *Поддьяков А.Н.* Альтер-альтруизм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. № 4 (3). С. 98–107.
12. *Придорова Е.А., Агадуллина Е.Р.* Социальные мотивы использования социальных сетей: анализ групп пользователей // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 96–111. doi:10.17759/sps.2019100407
13. Статдата.ру (Statdata.ru). Население России: численность, динамика, статистика. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 25.02.2020).
14. *Сулакшин С.С.* Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. № 9. С. 1065–1081.
15. *Усачева А.В.* Психологические особенности интернет-коммуникаций // Вестник университета. 2014. № 1. С. 277–281.
16. *Vacchini D., Affuso G., Aquilar S.* Multiple forms and settings of exposure to violence and values unique and interactive relationships with antisocial behavior in adolescence // Journal of interpersonal violence. 2015. Vol. 30 (17). P. 3065–3088.
17. *Bardi A., Schwartz S.H.* Values and behavior: Strength and structure of relations // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29 (10). P. 1207–1220.

18. *Batson C.D., Ahmad N., Lishner D.A.* Empathy and Altruism // *The Oxford Handbook of Positive Psychology* / In Lopez S., Snyder C. (eds.). Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. P. 417–426.
19. *Bem D.J.* Self-perception: An alternative interpretation of cognitive dissonance phenomena // *Psychological review*. 1967. Vol. 74 (3). P. 183–200.
20. *Bosancianu C.M., Powell S., Bratović E.* Social Capital and Pro-Social Behavior Online and Offline // *International Journal of Internet Science*. 2013. Vol. 8 (1). P. 49–68.
21. *Brief A.P., Motowidlo S.J.* Prosocial organizational behaviors // *Academy of management Review*. 1986. Vol. 11 (4). P. 710–725.
22. CAF World Giving Index. 2019. [Electronic source]. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-publications/caf_wgi_10th_edition_report_2712a_web_101019.pdf (Accessed 25.02.2019).
23. *Caprara G.V., Steca P., Zelli A., Capanna C.* A new scale for measuring adults' prosocialness // *European Journal of psychological assessment*. 2005. Vol. 21 (2). P. 77–89.
24. *Caprara G.V., Steca P.* Prosocial Agency: The Contribution of Values and Self-Efficacy Beliefs to Prosocial Behavior Across Ages // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2007. Vol. 26 (2). P. 218–239.
25. *Cemalçular Z.* Understanding individual characteristics of adolescents who volunteer // *Personality and Individual Differences*. 2009. № 46. P. 432–436.
26. *Chiou W.B., Chen S.W., Liao D.C.* Does Facebook promote self-interest? Enactment of indiscriminate one-to-many communication on online social networking sites decreases prosocial behavior // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2014. Vol. 17 (2). P. 68–73.
27. *Daniel E., Bilgin A.S., Brezina I., Strohmeier C.E., Vainre M.* Values and helping behavior: A study in four cultures // *International Journal of Psychology*. 2015. Vol. 50 (3). P. 186–192.
28. *Dollinger S.J., Burke P.A., Gump N.W.* Creativity and values // *Creativity Research Journal*. 2007. Vol. 19 (2/3). P. 91–103.
29. *Dunn E.W., Aknin L.B., Norton M.I.* Spending money on others promotes happiness // *Science*. 2008. Vol. 319 (5870). P. 1687–1688.
30. *Eisenberg N., Miller P.A.* The relation of empathy to prosocial and related behaviors // *Psychological bulletin*. 1987. Vol. 101 (1). P. 91–119.
31. *Feigin S., Owens G., Goodyear-Smith F.* Theories of human altruism: A systematic review // *Annals of Neuroscience and Psychology*. 2014. Vol. 1 (1). P. 1–9.
32. *Gentile D.A., Anderson C.A., Yukawa S., Ihori N., Saleem M., Ming L.K., Rowell Huesmann L.* The effects of prosocial video games on prosocial behaviors: International evidence from correlational, longitudinal, and experimental studies // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Vol. 35 (6). P. 752–763.
33. *Graziano W.G., Habashi M.M., Sheese B.E., Tobin R.M.* Agreeableness, empathy, and helping: A person × situation perspective // *Journal of personality and social psychology*. 2007. Vol. 93 (4). P. 583–599.
34. *Greitemeyer T.* Effects of prosocial media on social behavior: When and why does media exposure affect helping and aggression? // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20 (4). P. 251–255.

35. *Khang H., Jeong I.* Perceived self and behavioral traits as antecedents of an online empathic experience and prosocial behavior: Evidence from South Korea // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 64. P. 888–897.
36. *Kinnunen S.P., Lindeman M., Verkasalo M.* Help-giving and moral courage on the Internet // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2016. Vol. 10 (4). Article 6.
37. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *The Quarterly journal of economics*. 1997. Vol. 112 (4). P. 1251–1288.
38. *Kogen L., Dilliplane S.* How media portrayals of suffering influence willingness to help: The role of solvability frames // *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*. 2019. Vol. 31 (2). P. 92–102.
39. *Lane D.S., Dal Cin S.* Sharing beyond Slacktivism: the effect of socially observable prosocial media sharing on subsequent offline helping behavior // *Information, Communication & Society*. 2018. Vol. 21 (11). P. 1523–1540.
40. *Latané B., Rodin J.* A lady in distress: Inhibiting effects of friends and strangers on bystander intervention // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1969. Vol. 5 (2). P. 189–202.
41. *Lay J.C., Hoppmann C.A.* Altruism and Prosocial Behavior // *Encyclopedia of Geropsychology*. 2015. P. 1–9.
42. *Levin D.B.* Building social norms on the Internet // *Yale Journal of Law and Technology*. 2002. Vol. 4 (1). Article 2.
43. *Lonnqvist J.E., Leikas S., Paunonen S., Nissinen V., Verkasalo M.* Conformism moderates the relations between values, anticipated regret, and behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32 (11). P. 1469–1481.
44. *Ma H.K., Li S.C., Pow J.W.* The relation of Internet use to prosocial and antisocial behavior in Chinese adolescents // *Cyberpsychology, behavior and social networking*. 2011. Vol. 14 (3). P. 123–130.
45. *McClintock C.G., Allison S.T.* Social value orientation and helping behavior 1 // *Journal of Applied Social Psychology*. 1989. Vol. 19 (4). P. 353–362.
46. *Penner L.A.* Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: An interactionist perspective // *Journal of social issues*. 2002. Vol. 58 (3). P. 447–467.
47. *Piliavin I.M., Rodin J., Piliavin J.A.* Good samaritanism: an underground phenomenon? // *Journal of personality and social psychology*. 1969. Vol. 13 (4). P. 289–299.
48. *Podsakoff P.M., Ahearne M., MacKenzie S.B.* Organizational citizenship behavior and the quantity and quality of work group performance // *Journal of applied psychology*. 1997. Vol. 82 (2). P. 262–270.
49. *Rokeach M.* The nature of human values. New York: Free press, 1973. 438 p.
50. *Runco M.* The Real Creativity Crisis [Electronic source] // *Creativity & Human Development*. 2015. URL: <https://creativityjournal.net/component/k2/item/286-the-real-creativity-crisis#.XjVsi2gzbIU>. (Accessed 25.02.2020).
51. *Rushton J.P., Chrisjohn R.D., Fekken G.C.* The altruistic personality and the self-report altruism scale // *Personality and individual differences*. 1981. Vol. 2 (4). P. 293–302.
52. *Sagiv L., Schwartz S.H.* Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruity effects // *European journal of social psychology*. 2000 Vol. 30 (2). P. 177–198.

53. Sanderson R., McQuilkin J. Many kinds of kindness: the relationship between values and prosocial behaviour // *Values and Behavior*. Springer, Cham. 2017. P. 75–96.
54. Schaller M., Cialdini R.B. The economics of empathic helping: Support for a mood management motive // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1988. Vol. 24 (2). P. 163–181.
55. Schwartz S.H. Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior. // *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature* / In M. Mikulincer, P.R. Shaver (eds.). 2010. P. 221–241.
56. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 1992. № 25. P. 1–65.
57. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103 (4). P. 663–688.
58. Seo Y.J., Scammon D.L. Does feeling holier than others predict good deeds? Self-construal, self-enhancement and helping behavior // *Journal of Consumer Marketing*. 2014. Vol. 31 (6/7). P. 441–451.
59. Smith B.M.M., Nelson L.D. Personality correlates of helping behavior // *Psychological reports*. 1975. Vol. 37 (1). P. 307–310.
60. Sproull L. Prosocial behavior on the net // *Daedalus*. 2011. Vol. 140 (4). P. 140–153.
61. Stern P.C., Dietz T. The value basis of environmental concern // *Journal of Social Issues*. 1994. № 50. P. 65–84.
62. Subrahmanyam K., Greenfield P., Kraut R., Gross E. The impact of computer use on children's and adolescents' development // *Applied Developmental Psychology*. 2001. № 22. P. 7–30.
63. Wispe L.G. Positive forms of social behavior: An overview // *Journal of social issues*. 1972. Vol. 28 (3). P. 1–19.

References

1. Aysina R.M., Nesterova A.A. Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Gritsenko V.V., Kovaleva YU.V. Svyaz' tsennostey kul'tury s normami i tipami prosotsial'nogo povedeniya russkikh i belorusov [Connection of cultural values with the norms and types of prosocial behavior of Russians and Belarusians]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2014, no. 35 (4), pp. 56–67.
3. Grishunina Ye.V., Pyatakova Ye.N. Osobennosti lichnosti volonterov [Features of the personality of volunteers]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2014, no. 5, pp. 71–78.
4. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Psikhologicheskiye posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [The psychological consequences of the

- development of information technology]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [*National Psychological Journal*], 2012, no. 1, pp. 81–87.
5. Zherebin V.M., Alekseyeva O.A., Vershinskaya O.N. Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti pol'zovateley Interneta [Socio-psychological characteristics of Internet users]. *Narodonaseleniye* [*Population*], 2017, no. 1 (75), pp. 116–124.
  6. Kukhtova N.V., Domoratskaya N.V. Prosotsial'noye povedeniye spetsialistov, oriyentirovannykh na okazaniye pomoshchi: teoreticheskiye osnovy i metodiki izucheniya [Prosocial behavior of assistance-oriented specialists: theoretical foundations and study methods]. Vitebsk: UO “VGU im. P. M. Masherova”, 2011. 49 p.
  7. Mediaskop. Reytingi. Internet [Electronic resource] [Mediascope. Ratings. Internet.]. 2019. URL: <https://mediascope.net/data/> (Accessed 25.02.2020).
  8. Mishankina N.A. Sotsial'nyye normy v internet-kommunikatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Social norms in Internet communication: sociolinguistic aspect]. *Gumanitarnaya informatika* [*Humanitarian informatics*], 2013, no. 7, pp. 72–78.
  9. Molchanov S.V. Moral and Value Orientations as Functions of Social Situation of Development in Early and Late Adolescence. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [*Cultural-Historical Psychology*], 2007. Vol. 3, no. 1, pp. 73–79. (In Russ., abstr. in Engl.)
  10. Muzdybayev K. Psikhologiya otvetstvennosti [Psychology of responsibility]. L.: Nauka, 1983. 125 p.
  11. Podd'yakov A.N. Al'ter-al'truizm [Alt-altruism]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Psychology. Journal of the Higher School of Economics*], 2007, no. 4 (3), pp. 98–107.
  12. Priporova E.A., Agadullina E.R. Social Motives for Using Social Networks: Analysis of User Groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 96–111. doi:10.17759/sps.2019100407. (In Russ., abstr. in Engl.)
  13. Statdata.ru (Statdata.ru). Naseleniye Rossii: chislennost', dinamika, statistika [Electronic resource] [Russian population: size, dynamics, statistics]. 2020. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (Accessed 25.02.2020).
  14. Sulakshin S.S. Nравstvennost' rossiyskogo obshchestva i faktory vliyaniya (internet, televideniye) [Morality of Russian society and factors of influence (Internet, television)]. *Politika i obshchestvo* [*Politics and society*], 2014, no. 9, pp. 1065–1081.
  15. Usacheva A.V. Psikhologicheskiye osobennosti internet-kommunikatsiy [Psychological features of Internet communications]. *Vestnik universiteta* [*University Bulletin*], 2014, no. 1, pp. 277–281.
  16. Bacchini D., Affuso G., Aquilar S. Multiple forms and settings of exposure to violence and values unique and interactive relationships with antisocial behavior in adolescence. *Journal of interpersonal violence*, 2015, no. 30 (17), pp. 3065–3088.
  17. Bardi A., Schwartz S.H. Values and behavior: Strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, no. 29 (10), pp. 1207–1220.
  18. Batson C.D., Ahmad N., Lishner D.A. Empathy and Altruism. In Be Lopez S., Snyder C. (eds.). *The Oxford Handbook of Positive Psychology*. Oxford University Press, Oxford, New York, 2009, pp. 417–426.
  19. Bem D.J. Self-perception: An alternative interpretation of cognitive dissonance phenomena. *Psychological review*, 1967, no. 74 (3), pp. 183–200.

20. Bosancianu C.M., Powell S., Bratović E. Social Capital and Pro-Social Behavior Online and Offline. *International Journal of Internet Science*, 2013, no. 8 (1), pp. 49–68.
21. Brief A.P., Motowidlo S.J. Prosocial organizational behaviors. *Academy of management Review*, 1986, no. 11 (4), pp. 710–725.
22. CAF World Giving Index. 2019. [Electronic source]. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-publications/caf_wgi_10th_edition_report_2712a_web_101019.pdf (Accessed 25.02.2020).
23. Caprara G.V., Steca P., Zelli A., Capanna C. A new scale for measuring adults' prosocialness. *European Journal of psychological assessment*, 2005, no. 21(2), 77–89.
24. Caprara G.V., Steca P. Prosocial Agency: The Contribution of Values and Self–Efficacy Beliefs to Prosocial Behavior Across Ages. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2007, no. 26(2), pp. 218–239.
25. Cemalcilar Z. Understanding individual characteristics of adolescents who volunteer. *Personality and Individual Differences*, 2009, no. 46, pp. 432–436.
26. Chiou W. B., Chen S. W., Liao D. C. Does Facebook promote self-interest? Enactment of indiscriminate one-to-many communication on online social networking sites decreases prosocial behavior. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2014, no. 17 (2), pp. 68–73.
27. Daniel E., Bilgin A.S., Brezina I., Strohmeier C.E., Vainre M. Values and helping behavior: A study in four cultures. *International Journal of Psychology*, 2015, no. 50 (3), pp. 186–192.
28. Dollinger S.J., Burke P.A., Gump N.W. Creativity and values. *Creativity Research Journal*, 2007, no. 19(2/3), pp. 91–103.
29. Dunn E.W., Aknin L.B., Norton M.I. Spending money on others promotes happiness. *Science*, 2008, no. 319 (5870), pp. 1687–1688.
30. Eisenberg N., Miller P.A. The relation of empathy to prosocial and related behaviors. *Psychological bulletin*, 1987, no. 101 (1), pp. 91–119.
31. Feigin S., Owens G., Goodyear-Smith F. Theories of human altruism: A systematic review. *Annals of Neuroscience and Psychology*, 2014, no. 1 (1), pp. 1–9.
32. Gentile D.A., Anderson C.A., Yukawa S., Ihori N., Saleem M., Ming L.K., Rowell Huesmann L. The effects of prosocial video games on prosocial behaviors: International evidence from correlational, longitudinal, and experimental studies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009, no. 35 (6), pp. 752–763.
33. Graziano W.G., Habashi M.M., Sheese B.E., Tobin R.M. Agreeableness, empathy, and helping: A person× situation perspective. *Journal of personality and social psychology*, 2007, no. 93 (4), pp. 583–599.
34. Greitemeyer T. Effects of prosocial media on social behavior: When and why does media exposure affect helping and aggression? *Current Directions in Psychological Science*, 2011, no. 20 (4), pp. 251–255.
35. Khang H., Jeong I. Perceived self and behavioral traits as antecedents of an online empathic experience and prosocial behavior: Evidence from South Korea. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 64, pp. 888–897.

36. Kinnunen S.P., Lindeman M., Verkasalo M. Help-giving and moral courage on the Internet. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2016, no. 10 (4), article 6.
37. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly journal of economics*, 1997, no. 112 (4), pp. 1251–1288.
38. Kogen L., Dilliplane S. How media portrayals of suffering influence willingness to help: The role of solvability frames. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 2019, no. 31(2), pp. 92–102.
39. Lane D.S., Dal Cin S. Sharing beyond Slacktivism: the effect of socially observable prosocial media sharing on subsequent offline helping behavior. *Information, Communication & Society*, 2018, no. 21(11), pp. 1523–1540.
40. Latané B., Rodin J. A lady in distress: Inhibiting effects of friends and strangers on bystander intervention. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1969, no. 5 (2), pp. 189–202.
41. Lay J.C., Hoppmann C.A. Altruism and Prosocial Behavior. *Encyclopedia of Geropsychology*, 2015, pp. 1–9.
42. Levin D.B. Building social norms on the Internet. *Yale Journal of Law and Technology*, 2002, no. 4 (1), article 2.
43. Lonnqvist J.E., Leikas S., Paunonen S., Nissinen V., Verkasalo M. Conformism moderates the relations between values, anticipated regret, and behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, no. 32 (11), pp. 1469–1481.
44. Ma H.K., Li S.C., Pow J.W. The relation of Internet use to prosocial and antisocial behavior in Chinese adolescents. *Cyberpsychology, behavior and social networking*, 2011, no. 14 (3), pp. 123–130.
45. McClintock C.G., Allison S.T. Social value orientation and helping behavior. *Journal of Applied Social Psychology*, 1989, no. 19 (4), pp. 353–362.
46. Penner L.A. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: An interactionist perspective. *Journal of social issues*, 2002, no. 58 (3), pp. 447–467.
47. Piliavin I.M., Rodin J., Piliavin J.A. Good samaritanism: an underground phenomenon? *Journal of personality and social psychology*, 1969, no. 13 (4), pp. 289–299.
48. Podsakoff P.M., Ahearne M., MacKenzie S.B. Organizational citizenship behavior and the quantity and quality of work group performance. *Journal of applied psychology*, 1997, no. 82 (2), pp. 262–270.
49. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free press. 1973. 438 p.
50. Runco M. The Real Creativity Crisis [Electronic source]. *Creativity & Human Development*, 2015. URL: <https://creativityjournal.net/component/k2/item/286-the-real-creativity-crisis#.XjVsi2gzbIU> (Accessed 25.02.2020).
51. Rushton J.P., Chrisjohn R.D., Fekken G.C. The altruistic personality and the self-report altruism scale. *Personality and individual differences*, 1981, no. 2 (4), pp. 293–302.
52. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruity effects. *European journal of social psychology*, 2000, no. 30 (2), pp. 177–198.
53. Sanderson R., McQuilkin J. Many kinds of kindness: the relationship between values and prosocial behaviour. *Values and Behavior, Springer, Cham*, 2017, pp. 75–96.

54. Schaller M., Cialdini R.B. The economics of empathic helping: Support for a mood management motive. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1988, no. 24 (2), pp. 163–181.
55. Schwartz S.H. Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior. In M. Mikulincer, P.R. Shaver (eds.). *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature*, 2010, pp. 221–241.
56. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 1992, no. 25, pp. 1–65.
57. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012, no. 103 (4), pp. 663–688.
58. Seo Y.J., Scammon D.L. Does feeling holier than others predict good deeds? Self-construal, self-enhancement and helping behavior. *Journal of Consumer Marketing*, 2014, no. 31 (6/7), pp. 441–451.
59. Smith B.M.M., Nelson L.D. Personality correlates of helping behavior. *Psychological reports*, 1975, no. 37 (1), pp. 307–310.
60. Sproull L. Prosocial behavior on the net. *Daedalus*, 2011, no. 140 (4), pp. 140–153.
61. Stern P.C., Dietz T. The value basis of environmental concern. *Journal of Social Issues*, 1994, no. 50, pp. 65–84.
62. Subrahmanyam K., Greenfield P., Kraut R., Gross E. The impact of computer use on children's and adolescents' development. *Applied Developmental Psychology*, 2001, no. 22, pp. 7–30.
63. Wispe L.G. Positive forms of social behavior: An overview. *Journal of social issues*, 1972, no. 28 (3), pp. 1–19.

Информация об авторах

Ефремова Мария Викторовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru

Бульцева Мария Александровна, младший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Information about the authors

Maria V. Efremova, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru

Maria A. Bultseva, Junior research fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Получена 02.02.2020

Принята в печать 21.02.2020

Received 02.02.2020

Accepted 21.02.2020

Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции)

Панферов В.Н.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3528-3122>, e-mail: v-panferov@mail.ru

Безгодова С.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Васильева С.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6052-3431>, e-mail: vivatov@mail.ru

Иванов А.С.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8377-309X>, e-mail: ivan0vartems@yandex.ru

Микляева А.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Цель исследования. Изучение взаимосвязей между оценками онлайн-лекции, качеством освоения учебного материала и академической мотивацией студентов.

Контекст и актуальность исследования. В условиях цифровизации образования возникает вопрос об эффективности онлайн-обучения, которая может снижаться в условиях сокращения социального присутствия преподавателя и студента в учебной ситуации. В таких условиях особую роль приобретает мотивация студентов.

Дизайн исследования. Студенты оценивали аудиторную лекцию и ее видеозапись по параметрам «интерес», «содержательность» и «полезность», после чего производилось сравнение оценок, а также объема воспроизведенного учебного материала.

Выборка. В исследовании участвовали 112 студентов (19,55±0,66 лет, 83,9% женщин).

Методы. Студенты оценивали лекции по предложенным параметрам с использованием 7-балльной шкалы и пересказывали их содержание. Мотивация студентов измерялась с помощью «Шкалы академической мотивации». Помимо этого, студенты сообщали о своих профессиональных планах и профессиональном опыте.

Результаты. Студенты ниже оценивали видеолекции по всем показателям и хуже воспроизводили их содержание, в сравнении с аудиторными лекциями. Оценки содержательности видеолекции оказались положительно связанными с познавательной мотивацией студентов, объем воспроизведенного содержания лекции был отрицательно связан с экстернальной мотивацией. Влияние познавательной и экстернальной мотивации студентов на оценки содержательности видеолекции и объема воспроизведенного содержания было подтверждено с помощью дисперсионного анализа.

Основные выводы. В условиях онлайн-взаимодействия снижаются субъективные оценки привлекательности лекции для студентов. Сформированная познавательная мотивация препятствует снижению субъективных оценок содержательности видеолекции. Выраженная экстернальная мотивация способствует снижению воспроизведенного содержания видеолекции.

Ключевые слова: онлайн-взаимодействие, преподаватель, студенты, академическая мотивация, онлайн-обучение, эффективность обучения, видеолекция.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00412.

Для цитаты: Панферов В.Н., Безгодова С.А., Васильева С.В., Иванов А.С., Микляева А.В. Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции) // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 127–143. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110108>

Efficiency of learning and academic motivation of students in conditions of online interaction with the teacher (on the example of video-lecture)

Vladimir N. Panferov

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3528-3122>, e-mail: v-panferov@mail.ru

Svetlana A. Bezgodova

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Svetlana V. Vasileva

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6052-3431>, e-mail: vivatov@mail.ru

Artem S. Ivanov

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8377-309X>, **e-mail:** ivan0vartems@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, **e-mail:** a.miklyaeva@gmail.com

The objective is to study the relationship between students' online lecture assessment, the quality of learning and academic motivation.

Background. Digitalization of education actualizes the problem of the online-learning effectiveness, which might decrease through reducing the social presence of the teacher and students in the educational situation. Due to these conditions, students' motivation might mean a great deal.

Study design. Students evaluated the classroom lecture and its video using the parameters "interest", "content" and "usefulness", and then the scores and the volume of the reproduced educational material were compared.

Participants. The study involved 112 students (19.55 ± 0.66 years, 83.9% of women).

Measurements. Students evaluated lectures on the proposed parameters using a 7-point scale and retold their content. Students' motivation was measured by "Academic Motivation Scale". In addition, students reported about their professional plans and professional experience.

Results. Students assessed video lectures lower and reproduced their content worse in comparison with classroom lectures. Assessments of the video lecture content were positively correlated with the students' intrinsic cognitive motivation, and the volume of the reproduced content of the lecture was negatively correlated with extrinsic motivation. The influence of intrinsic cognitive motivation and extrinsic motivation of students on the assessment of the video lecture content and the volume of the reproduced content was confirmed by a variance analysis.

Conclusions. In terms of online interaction, the students' subjective assessments of the classroom lectures are reduced. Intrinsic cognitive motivation prevents the reduction of subjective assessments of the video content. Extrinsic motivation helps to reduce the reproduced content of the video lecture.

Keywords: online interaction, teacher, students, academic motivation, online learning, efficiency of learning, video lecture

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00412.

For citation: Panferov V.N., Bezgodova S.A., Vasileva S.V., Ivanov A.S., Miklyaeva A.V. Efficiency of learning and academic motivation of students in conditions of online interaction with the teacher (on the example of video-lecture). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 127–143. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110108>. (In Russ.).

Введение

Один из современных трендов в системе высшего образования — это дистанционное обучение с использованием онлайн-технологий, однако вопрос об эффективности онлайн-обучения сегодня остается дискуссионным. Несмотря на такие его преимущества, как массовость, возможность обучаться в любом месте и в любое время, возможность выбора учебных курсов, доступность для людей с ограниченными возможностями здоровья и др. [4], онлайн-образование имеет ряд ограничений, связанных, в первую очередь, с изменением характера социального взаимодействия между субъектами образовательного процесса, в частности, между студентом и преподавателем.

Социально-психологическая специфика онлайн-обучения связана, прежде всего, с изменением характеристик социального присутствия преподавателя и студента в учебной ситуации. Социальное присутствие определяется как выраженность у субъектов чувства включенности в межличностное взаимодействие, позволяющего воспринимать партнера по онлайн-взаимодействию как реального человека [22]. В контексте взаимодействия между преподавателем и студентом социальное присутствие представляет собой ощущение общности субъектов образовательного процесса в условиях взаимодействия, опосредованного интернет-технологиями [23]. Исследования, выполненные в логике теории социального присутствия, показывают, что студенты, вовлеченные в дистанционные формы обучения, часто сталкиваются с отсутствием возможности взаимодействовать с преподавателем в режиме реального времени и получать своевременную обратную связь, констатируют недостаток контроля со стороны

преподавателя, испытывают чувство изолированности [16], что снижает удовлетворенность обучением в группах студентов, обучающихся в онлайн-формате [21]. В исследовании С. Янг и Х. Дункан студенты выше оценили формат занятий «лицом к лицу», чем онлайн-курсы, в том числе и по таким характеристикам, как коммуникация и взаимодействие между преподавателем и студентами [25]. В случае если онлайн-технологии интегрируются в учебный процесс, более высокую эффективность демонстрирует смешанный формат обучения, при котором у студентов есть возможность и непосредственно посещать занятия в университете, и смотреть их записи [12; 14; 15; 17]. Таким образом, можно констатировать, что ограничение социального присутствия преподавателя и студента в учебной ситуации в условиях онлайн-обучения является фактором риска снижения эффективности обучения.

В то же время результаты целого ряда исследований позволяют предполагать, что ограничения социального присутствия, приводящие к снижению эффективности обучения, могут быть компенсированы благодаря личностным особенностям студентов и, прежде всего, характеристикам их мотивационного потенциала [6; 8; 9; 18], что вполне ожидаемо и в целом соответствует закономерностям, хорошо изученным на материале анализа обучения в условиях непосредственного взаимодействия студентов и преподавателей. Однако на основании анализа исследований, посвященных мотивации к обучению с использованием онлайн-технологий, предполагающих ограничение социального присутствия субъектов в учебной ситуации, можно предполагать, что в этом случае взаимосвязь эффективности обучения и мотивации студентов имеет довольно выраженную специфику.

Во-первых, можно отметить, что характер мотивации студентов во многом определяет предпочтительность для студентов формата взаимодействия с преподавателями (непосредственного или опосредованного интернет-технологиями) и, следовательно, позволяет более или менее точно прогнозировать эффективность онлайн-обучения. Так, например, в исследовании Д. Баззили показано, что отношение студентов к онлайн-обучению положительно связано с их уровнем внешней мотивации, в то время как мотивационные стратегии контроля над собственным обучением и обучением во взаимодействии способствуют предпочтению занятий в формате непосредственного взаимодействия с преподавателем [5]. Опрос студентов, связанный с их причинами выбора очного формата обучения, показал, что студенты, предпочитающие контролировать свое обучение, готовы жертвовать своим комфортом, чтобы быть более вовлеченными в образовательный процесс и получать непосредственную помощь от преподавателей [20].

Во-вторых, имеются сведения о том, что мотивация студентов в условиях электронного обучения различается в зависимости от этапа обучения. Согласно результатам исследования К. Ким и коллег, в начале онлайн-обучения на курсе, предполагающем самостоятельное освоение учебных материалов, мотивация учащихся положительно связана с их технологической компетентностью и с тем, насколько они считают курс актуальным для себя. К середине курса мотивация определяется, прежде всего, пониманием значения изучаемого материала для собственного образования [13]. В исследовании, проведенном Ю. Ванг и коллегами, было обнаружено, что те студенты, которые заканчивают онлайн-курс, скорее интересуются

его содержанием, а те, кто его покидают, не завершив обучения, изначально ориентированы в большей степени на получение нового опыта и саморазвитие [24]. В целом студенты более склонны рассматривать онлайн-курсы как дополнение к своему основному образованию, в то время как профессионалы ориентированы на то, чтобы восполнить имеющиеся пробелы в знаниях и повысить уровень профессиональной компетентности [19].

В-третьих, исследователями отмечается, что мотивация обучения в ситуации применения онлайн-технологий является результатом сложного взаимодействия между личностью обучающегося и контекстом обучения. Исследовательская практика показывает, что для анализа мотивации учащихся в условиях применения онлайн-технологий продуктивным является подход, опирающийся на теорию самодетерминации, в рамках которой мотивация характеризуется в связи с возможностью удовлетворения потребности субъекта в автономии, проявляющейся в инициировании собственной деятельности и управлении ею. Продуктивность данного подхода определяется тем, что формат онлайн-обучения создает предпосылки для проявления студентами разной степени автономии в учебной деятельности. Так, например, в исследовании К. Чена и коллег, проведенном в логике теории самодетерминации [10], было подтверждено в условиях электронного обучения, что типы мотивации, выделяемые на основе теории самодетерминации, — познавательная мотивация, мотивация достижения, интроецированная мотивация и амотивация — являются различными конструктами [7]. Как отмечают М. Хартнетт и коллеги, в условиях онлайн-обучения ключевое значение приобретает баланс между внешней мотивацией и самодетерминированными типами мотивации [11].

Таким образом, исследования, посвященные влиянию ограничений социального присутствия преподавателей и студентов, неизбежных в условиях цифровизации образования, на эффективность обучения, должны учитывать характеристики мотивационного потенциала студентов, которые, вероятно, во многом определяют показатели эффективности обучения в условиях непосредственного взаимодействия преподавателей и студентов в учебной аудитории и опосредствованного взаимодействия в онлайн-обучении. Исходя из этого, в нашем эмпирическом исследовании решался следующий вопрос: каким образом изменяются оценки лекции в условиях просмотра ее видеозаписи, а также качество усвоения учебного материала, в сравнении с восприятием в условиях непосредственного взаимодействия с преподавателем в лекционной аудитории у студентов с разными характеристиками академической мотивации? Мы предположили, что: 1) студенты будут выше оценивать интересность, содержательность и полезность, а также лучше воспроизводить содержание лекции, прочитанной для них в аудитории, в сравнении с видеолекцией; 2) наличие планов работы по специальности и опыт работы будут положительно связаны с оценками видеолекций и с объемом воспроизведенного ими содержания видеолекции; 3) студенты с высоким уровнем внутренней мотивации выше оценивают видеолекции и лучше воспроизводят их содержание, чем студенты с низким уровнем внутренней мотивации.

Программа исследования

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязей между оценками онлайн-лекции, качеством освоения

учебного материала и академической мотивацией студентов.

Исследование носило экспериментальный характер и осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе студентам предлагалось оценить лекцию после знакомства с ней в условиях непосредственного взаимодействия с преподавателем. На втором этапе студентами оценивалась лекция, представленная в онлайн-формате (видеозапись мини-лекции). На последнем этапе изучалась академическая мотивация студентов, а также уточнялись их планы в отношении будущей профессиональной деятельности и наличие опыта профессиональной деятельности.

На первом этапе студенты оценивали 10–12-минутную мини-лекцию, прочитанную незнакомыми им ранее преподавателями в лекционной аудитории. Лекции читались в рамках профильного для студентов учебного курса «Решение психологических проблем в педагогической деятельности» преподавателями с ученой степенью кандидата психологических наук, имеющими не менее чем 10-летний опыт преподавания учебных дисциплин студентам, обучающимся по педагогическим специальностям. Параллельно осуществлялась видеозапись лекции. На втором этапе в качестве стимульного материала использовались видеозаписи мини-лекций, прочитанных на предыдущем этапе. Студентам предлагалось оценить видеозапись лекции ранее незнакомому им преподавателю (характеристики видео: фреймрейт 25 кадров/с., разрешение 1920×1080; характеристики звука: битрейт 117 килобит/с. и частота дискретизации 48.000 кГц, стерео).

В исследовании приняли участие 112 студентов — будущих педагогов (18 мужчин и 94 женщины в возрасте $19,55 \pm 0,66$ лет), которые были разделены на шесть экспериментальных групп

численностью 12–22 человека. Каждая группа оценивала одну лекцию по итогам непосредственного взаимодействия с преподавателем и вторую — по итогам просмотра видеозаписи (см. табл. 1).

Оценивая лекцию, студенты выражали свое отношение к ней по параметрам «интерес», «содержательность» и «полезность» с использованием 7-балльной шкалы, а также давали краткий письменный пересказ содержания лекции. Тексты пересказов были подвергнуты контент-анализу с подсчетом дидактических единиц, включенных преподавателем в содержание лекции и корректно воспроизведенных студентами. В результате в качестве показателей эффективности обучения использовались объективный показатель «объем усвоенного материала» и субъективные оценки интересности, содержательности и полезности лекции, сформулированные студентами. Учитывая, что разные группы студентов оценивали разные лекции, которые объективно различались между собой, для сопоставления результатов помимо описательных статистик, характеризующих номинальные оценки студентов, использовались относительные показатели, представляющие собой разности между оценками каждого студента и среднегрупповыми значениями, полученными для каждой лекции.

Для оценки направления и величины «сдвига» оценки лекции при знакомстве с ней в видеоформате (в сравнении с форматом непосредственного взаимодействия) использовалась разность между среднегрупповой оценкой лекции, сформулированной студентами в условиях непосредственного взаимодействия с преподавателем, и индивидуальными оценками той же самой лекции студентами, знакомившимися с ее видеозаписью.

Профессиональные планы и опыт профессиональной деятельности студентов фиксировались с помощью анкетирования. Анкета включала несколько вопросов, в том числе «Планируете ли Вы работать по специальности после окончания вуза?» (закрытый вопрос с вариантами ответов «да», «не знаю», «нет», которые оценивались в 2, 1 и 0 балла соответственно), а также «Работаете ли Вы сейчас в сферах, связанных с педагогикой (преподавание, волонтерство, репетиторство и т.д.)?» (закрытый вопрос с вариантами ответов «да» и «нет», 1 и 0 баллов соответственно).

Академическая мотивация студентов оценивалась с помощью краткой версии «Шкалы академической мотивации», которая включает шкалы «познавательная мотивация», «мотивация достижения» (эти шкалы относятся к внутренней мотивации), «интроецированная мотивация»

Таблица 1

Организация исследования

Студенты	Преподаватели					
	А	В	С	Д	Е	Ф
Группа 1	Аудитория	Видео				
Группа 2		Аудитория	Видео			
Группа 3			Аудитория	Видео		
Группа 4				Аудитория	Видео	
Группа 5					Аудитория	Видео
Группа 6	Видео					Аудитория

и «экстернальная мотивация» (относящиеся к внешней мотивации). Теоретическим основанием данной методики является теория самодетерминации [1].

Обработка результатов исследования осуществлялась посредством критериального (критерий Манна—Уитни, Z), корреляционного (коэффициент Спирмена, r_s) и дисперсионного (F) анализа. Дисперсионному анализу предшествовала оценка характера распределения, осуществленная с помощью критерия Колмогорова-Смирнова (d). Расчеты осуществлялись с применением пакета прикладных статистических программ Statistica 12.0.

Результаты исследования

Согласно результатам анкетирования, после окончания вуза планируют работать по специальности 35,4% студентов, в то время как 50,9% сомневаются, а 13,7% полностью отрицают такую возможность. 37,2% студентов к настоящему времени имеют опыт работы по специальности. Анализ академической мотивации студентов, принявших участие в исследовании, продемонстрировал, что для сту-

дентов, составивших экспериментальные группы, характерны, в первую очередь, познавательная мотивация и мотивация достижения. Дисперсионный анализ констатировал неоднородность экспериментальных групп, что сделало необходимым исключение результатов двух групп из последующего анализа для обеспечения сопоставимости данных. Оставшиеся четыре группы включали 72 студента. Дисперсионному анализу предшествовала проверка нормальности распределения, значения критерия Колмогорова-Смирнова удовлетворительны, $0,08 < d < 0,12$, $p > 0,20$ (см. табл. 2).

В результате были сопоставлены оценки трех лекций и их видеозаписей. Было показано, что студенты дают более низкие оценки видеозаписи лекции, в сравнении с оценками в условиях непосредственного взаимодействия с преподавателем, а также несколько хуже воспроизводят учебный материал (см. табл. 3).

Корреляционный анализ позволил отметить, что взаимосвязи между характеристиками мотивации студентов и восприятия лекции в форматах аудиторного занятия и видеопросмотра различаются. Значимыми коррелятами оценок лекции

Таблица 2

Академическая мотивация студентов, составивших экспериментальные группы

Экспериментальные группы	Познавательная мотивация	Мотивация достижения	Интроецированная мотивация	Экстернальная мотивация
Группа 1	16,72±2,57	15,09±4,46	10,91±3,72	7,64±2,42
Группа 2	14,73±4,38	12,18±4,62	12,72±4,19	9,18±4,45
Группа 3	16,93±2,58	14,36±3,89	13,42±4,38	9,07±3,38
Группа 4	15,73±4,08	13,82±3,82	11,82±4,00	8,55±3,27
Группа 5	16,27±3,34	14,14±4,47	11,24±4,84	10,07±4,20
Группа 6	15,12±4,11	12,75±4,83	9,85±3,97	6,63±3,03
F (для групп 1–6)	0,85	0,59	1,71	3,22**
F (для групп 2–5)	0,50	0,73	0,61	0,76

Условные обозначения: ** — $p < 0,01$.

и объема воспринятой информации в формате аудиторного занятия оказались характеристики мотивации достижения и интроецированной мотивации, тогда как для лекции, с которой студенты знакомились в формате видеопросмотра, в их число вошли характеристики актуального профессионального опыта, профессио-

нальных планов, а также познавательной мотивации и с отрицательным знаком – экстернальной мотивации (см. табл. 4).

Анализ направления и величины «сдвига» оценки лекции при знакомстве с ней в видеоформате, в сравнении с форматом непосредственного взаимодействия, подтвердил описанную ранее тенденцию к более

Таблица 3

Результаты сравнения оценок лекций, прочитанных в аудитории и просмотренных в видеоформате, по параметрам «интерес», «содержательность» и «полезность» и объему воспроизводимого учебного материала

Преподаватели	Интерес		Содержательность		Полезность		Объем информации	
	Аудитория	Видео	Аудитория	Видео	Аудитория	Видео	Аудитория	Видео
С	5,11	3,68**	4,44	4,18	4,42	3,94	1,78	1,52
D	5,92	5,00*	5,98	3,94*	5,03	3,89*	2,65	1,89
E	3,78	3,30	5,23	4,31	5,02	4,80	1,25	0,62
В целом	4,92	4,16*	4,92	4,21*	4,66	4,23	1,89	1,34

Условные обозначения: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 4

Взаимосвязи (r_s) характеристик восприятия лекции, академической мотивации, профессиональных планов и опыта профессиональной деятельности студентов (представлены переменные, коэффициенты корреляции для которых статистически значимы)

Мотивационные характеристики	Характеристики восприятия лекции			
	Интерес	Содержательность	Полезность	Объем информации
В формате аудиторного занятия				
Мотивация достижения	0,35*	0,12	-0,02	0,18
Интроецированная мотивация	0,14	0,20	0,34*	0,32*
В формате видеопросмотра				
План работать по специальности	0,11	0,07	-0,01	0,31*
Опыт работы по специальности	-0,00	0,14	0,20	0,32*
Познавательная мотивация	0,04	0,45**	0,13	0,13
Экстернальная мотивация	-0,12	-0,01	0,04	-0,30*

Условные обозначения: Использованы относительные показатели восприятия лекции студентами. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

низким оценкам видеолекции по параметрам «интерес» (величина «сдвига» оценки составила -0,97 балла), «содержательность» (-0,96 балла) и «полезность» (-0,52 балла), а также к снижению объема информации, воспроизводимого по завершении просмотра (-0,55 балла). Результаты дисперсионного анализа позволили установить позитивное влияние показателя познавательной мотивации на сдвиг оценки содержательности лекции и негативное влияние показателя «экстернальная мотивация» на показатель объема воспроизводимой информации (см. рисунки 1–2).

Обсуждение результатов

Проведенное нами эмпирическое исследование было направлено на анализ взаимосвязей между академической мотивацией студентов и объективными и субъективными показателями эффективности обучения в условиях взаимодействия с преподавателем, опосредованного применением онлайн-технологий в образовании (на примере видеолекций).

Результаты исследования показали, что студенты дают более высокие оценки интересности, содержательности и полезности лекции, которую они прослушали в условиях непосредственного взаимодействия с преподавателем в учебной аудитории, в сравнении с той же самой лекцией, предъявленной им в видеозаписи. Та же тенденция проявилась и при анализе объема учебного материала, воспроизведенного студентами после знакомства с содержанием лекции в форматах непосредственного и опосредованного взаимодействия с преподавателем: студенты в целом несколько лучше воспроизводят материал лекции, которую они прослушали в учебной аудитории в условиях непосредственного кон-

такта с преподавателем, в сравнении с восприятием видеолекции в онлайн-формате. Мы предполагаем, что данные результаты являются отражением тенденции менее критичного восприятия партнера в условиях непосредственного взаимодействия (в сравнении с опосредованными формами коммуникации), которая отмечается многими исследователями, в том числе и в контексте анализа закономерностей педагогического взаимодействия [2], и в большей степени свойственна женщинам, чем мужчинам [3], при том, что именно женщины составили основную часть выборки, принявшей участие в нашем исследовании. В целом можно отметить, что оценки студентов, сформулированные на основе просмотра видеозаписи лекции, как правило, ниже, чем оценки той же лекции, восприятие которой происходило в условиях непосредственного взаимодействия с преподавателем, причем наиболее яркую отрицательную динамику имеют оценки «интереса», что может интерпретироваться как проявление более слабого мотивирующего потенциала, связанного с перспективами дальнейшего обучения, видеолекции, в сравнении с лекцией, воспринятой в формате непосредственного взаимодействия «преподаватель—студенты».

Результаты исследования показали, что характер взаимосвязей между показателями эффективности обучения и академической мотивации студентов в условиях непосредственного и опосредованного онлайн-технологиями взаимодействия с преподавателем различается. Оценки лекции и показатель объема воспроизведенной информации по итогам знакомства с лекцией, воспринятой в условиях непосредственного взаимодействия студентов с преподавателем в учебной аудитории, оказались положительно взаимосвязанными с показателями мотивации достижения

и интроецированной мотивации. В число аналогичных коррелятов, полученных при анализе восприятия лекции, опосредованного применением онлайн-технологий,

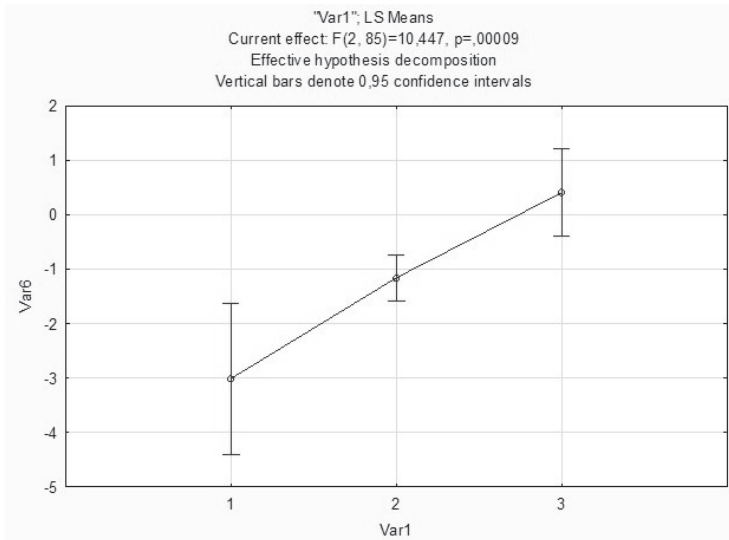

Рис. 1. «Сдвиг» оценки содержательности лекции (VAR 6; $d=0,13, p>0,20$) у студентов с разным уровнем познавательной мотивации (VAR 1; 1 – низкий уровень, 2 – средний уровень, 3 – высокий уровень)

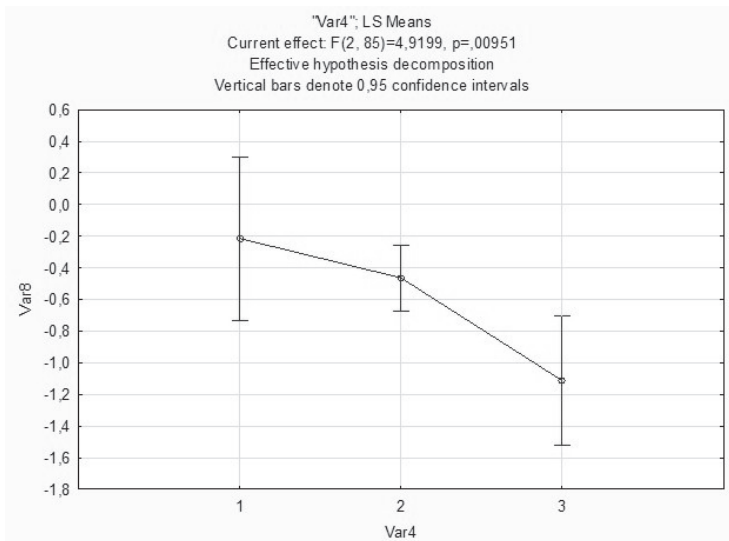

Рис. 2. «Сдвиг» показателя объема воспроизведенного материала (VAR 8; $d=0,12, p>0,20$) у студентов с разным уровнем экстеральной мотивации (VAR 4; 1 – низкий уровень, 2 – средний уровень, 3 – высокий уровень)

вошли показатели, характеризующие актуальный профессиональный опыт студентов, их профессиональные планы, а также познавательную мотивацию на фоне отрицательных взаимосвязей с показателем экстернальной мотивации. Эти выводы были подтверждены в ходе дисперсионного анализа, который показал, что наиболее яркое снижение объема воспроизводимого материала наблюдается у студентов с экстернальной академической мотивацией, в то время как наименьшая отрицательная динамика субъективных оценок лекции (в частности, по параметру «содержательность»), напротив, характерна для студентов с выраженной познавательной мотивацией. В ситуации взаимодействия с преподавателем, опосредованного онлайн-технологиями, в котором внешний контроль над учебной деятельностью студентов (со стороны преподавателя) отсутствует, на первое место, судя по всему, выходит способность студента самостоятельно выстраивать свою учебную активность на основе внутренних побуждений и интересов.

Согласно полученным в нашем исследовании результатам, мотивационные побуждения, обеспечивающие эффективность обучения в условиях онлайн-просмотра видеозаписей лекций, в наибольшей степени характерны для тех студентов, которые имеют сформированные профессиональные планы и некоторый опыт профессиональной деятельности. Эти данные в целом соответствуют сведениям о том, что эффективности обучения в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем способствует, в первую очередь, профессиональный интерес, основанный на понимании специфики профессиональной деятельности [13; 19; 24]. В условиях онлайн-взаимодействия сокращается количество внешних мотивирующих факторов, связанных с получением обратной связи

от преподавателя, что, вероятно, выступает своеобразным «амотивирующим фактором» (в терминах теории самодетерминации), поскольку не позволяет студентам в полной мере удовлетворять потребности в автономии и компетентности в силу отсутствия информации об успешности учебной деятельности. В такой ситуации на первый план выходит способность студента самостоятельно контролировать свою учебную активность, что возможно только при наличии более или менее четких представлений о роли получаемых знаний, умений и навыков для успешности будущей профессиональной деятельности.

С нашей точки зрения, описанные факты могут иметь значение для эффективного внедрения онлайн-технологий в высшее образование. Представляется, что онлайн-технологии могут иметь достаточно высокую эффективность в случае их применения при обучении студентов старших курсов, уже имеющих представление о содержании деятельности в соответствующей профилю их образования профессиональной сфере и в достаточной степени мотивированных к изучению конкретного учебного предмета, понимающих его значение для успешности будущей профессиональной деятельности (в идеальном варианте — в формате учебных курсов по выбору). Однако для студентов, не обладающих внутренней мотивацией к изучению данной профессиональной сферы, равно как и для студентов младших курсов, не имеющих на начальных этапах обучения сформированных представлений о содержании будущей профессиональной деятельности и, следовательно, не представляющих в полной мере роль того или иного учебного курса в структуре профессиональной подготовки, взаимодействие с преподавателем в онлайн-формате, судя по всему, менее эффективно, чем обучение

в условиях непосредственного контакта с преподавателем в учебной аудитории, несущее в себе потенциал поддержания мотивации к продолжению обучения, заложенный в системе взаимодействия «преподаватель—студенты» в условиях непосредственного контакта между ними.

Наше исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, следует отметить, что к исследованию были привлечены студенты педагогических специальностей, которые находятся в процессе профессионального становления и, в частности, активного формирования профессионально-важных качеств, проявляющихся, в том числе, в характеристиках взаимодействия с другими людьми, восприятия и оценки этого взаимодействия. Во-вторых, в качестве стимульного материала были использованы лекции по гуманитарно-ориентированной тематике, структура и способ предъявления которых во многом отличаются от лекций по естественнонаучным и техническим дисциплинам, что требует определенной осторожности при экстраполяции полученных результатов за пределы гуманитарно-педагогического образования. В-третьих, в нашем эксперименте использовался такой формат учебного занятия, как просмотр видеозаписи мини-лекции, в котором возможность получения обратной связи от преподавателя полностью отсутствовала. Представляется, что для уточнения полученных результатов целесообразно изучение роли мотивации студентов в эффективности обучения в

условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем в других форматах учебного занятия, в которых компонент обратной связи во взаимодействии выражен в большей степени (например, в формате семинара).

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что:

1. Внедрение дистанционного обучения в систему высшего образования требует учета специфики педагогического взаимодействия, опосредованного применением онлайн-технологий.

2. В условиях онлайн-взаимодействия сокращается мотивационный потенциал занятия как такового, что проявляется, прежде всего, в снижении субъективных оценок привлекательности занятия для студентов.

3. Сформированная познавательная мотивация является фактором, препятствующим снижению субъективных оценок содержательности онлайн-лекции.

4. Выраженная экстернатальная мотивация, в свою очередь, способствует снижению объема материала, который может быть воспроизведен студентом после завершения просмотра лекции.

В целом результаты исследования свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения психологических эффектов применения онлайн-технологий в высшем образовании.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 96–107.
2. Наследов А.Д. Психологические особенности обучения в условиях технически опосредованного педагогического общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1990. 16 с.
3. Орлова А.В. Особенности социальной перцепции лица человека, предъявляемого на экране монитора: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 24 с.

4. *Шамина Н.В.* Онлайн-обучение в образовательном процессе: сильные и слабые стороны // Казанский педагогический журнал. 2019. Т. 2. № 133. С. 20–24.
5. *Bassili J.N.* Motivation and Cognitive Strategies in the Choice to Attend Lectures or Watch Them Online // Journal of Distance Education. 2008. Vol. 22. № 3. P. 129–148.
6. *Brooker A. et al.* A tale of two MOOCs: How student motivation and participation predict learning outcomes in different MOOCs // Australasian Journal of Educational Technology. 2018. Vol. 34. № 1. P. 73–87. doi:10.14742/ajet.3237
7. *Chen K.C., Jang S.J.* Motivation in online learning: Testing a model of self-determination theory // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26 (4). P. 741–752. doi:10.1016/j.chb.2010.01.011
8. *Cho M.H., Heron M.L.* Self-regulated learning: the role of motivation, emotion, and use of learning strategies in students' learning experiences in a self-paced online mathematics course // Distance Education. 2015. Vol. 36 (1) P. 80–99. doi:10.1080/01587919.2015.1019963
9. *De Barba P.G., Kennedy G.E., Ainley M.D.* The role of students' motivation and participation in predicting performance in a MOOC // Journal of Computer Assisted Learning. 2016. Vol. 32. № 3. P. 218–231. doi:10.1111/jcal.12130
10. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. New York: Plenum, 1985. 372 p. doi:10.1007/978-1-4899-2271-7
11. *Hartnett M., George A.S., Dron J.* Examining motivation in online distance learning environments: Complex, multifaceted and situation-dependent // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2011. Vol. 12 (6). P. 20–38. doi:10.19173/irrodl.v12i6.1030
12. *Inglis M. et al.* Individual differences in students' use of optional learning resources // Journal of Computer Assisted Learning. 2011. Vol. 27. № 6. P. 490–502. doi:10.1111/j.1365-2729.2011.00417.x
13. *Kim K.J., Frick T.W.* Changes in student motivation during online learning // Journal of Educational Computing Research. 2011. Vol. 44. № 1. P. 1–23. doi:10.2190/EC.44.1.a
14. *Le A. et al.* Online lecture accessibility and its influence on performance in skills-based courses // Computers & Education. 2010. Vol. 55. № 1. P. 313–319. doi:10.1016/j.compedu.2010.01.017
15. *Liu Q. et al.* The effectiveness of blended learning in health professions: systematic review and meta-analysis // Journal of medical Internet research. 2016. Vol. 18 (1). URL: <https://www.jmir.org/2016/1/e2/> (дата обращения: 02.08.2019). doi:10.2196/jmir.4807
16. *Markova T., Glazkova I., Zaborova E.* Quality issues of online distance learning // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2017. Vol. 237. P. 685–691
17. *Means B. et al.* The effectiveness of online and blended learning: A meta-analysis of the empirical literature // Teachers College Record. 2013. Vol. 115 (3). P. 1–47.
18. *Muilenburg L.Y., Berge Z.L.* Student barriers to online learning: A factor analytic study // Distance Education. 2005. Vol. 26 (1). P. 29–48. doi:10.1080/01587910500081269
19. *Milligan C., Littlejohn A.* Why study on a MOOC? The motives of students and professionals // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2017. Vol. 18. № 2. URL: <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/3033> (дата обращения: 02.08.2019). doi:10.19173/irrodl.v18i2.3033

20. O'Neill D.K., Sai T.H. Why not? Examining college students' reasons for avoiding an online course // Higher Education. 2014. Vol. 68. № 1. P. 1–14. doi:10.1007/s10734-013-9663-3
21. Richardson J.C. et al. Social presence in relation to students' satisfaction and learning in the online environment: A meta-analysis // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 71. P. 402–417. doi:10.1016/j.chb.2017.02.001
22. Short J.A., Williams E., Christie B. The social psychology of telecommunications. London: Wiley, 1976. 195 p.
23. Tu C.H., McLissac M. The relationship of social presence and interaction in online classes // The American journal of distance education. 2002. № 16 (3). P. 131–150. doi:10.1207/S15389286AJDE1603_2
24. Wang Y., Baker R. Content or platform: Why do students complete MOOCs // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. 2015. Vol. 11. № 1. P. 17–30.
25. Young S., Duncan H.E. Online and face-to-face teaching: How do student ratings differ // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. 2014. Vol. 10. № 1. P. 70–79.

References

1. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Oprosnik "Shkaly akademicheskoi motivatsii" ["Academic motivation scales" questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2014, Vol. 35, no. 4, pp. 96–107. (In Russ., abstr in Engl.)
2. Nasledov A.D. Psikhologicheskie osobennosti obucheniya v usloviyakh tekhnicheskii oposredovannogo pedagogicheskogo obshcheniya : avtoreferat diss. k.ps.n. [Psychological features of training in the conditions of technically mediated pedagogical communication. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Leningrad, 1990. 16 p.
3. Orlova A.V. Osobennosti sotsial'noi pertseptsii litsa cheloveka, pred'yavlyаемого na ekrane monitora : avtoreferat dis. kand. ps. n. [Features of social perception of a person's face presented on a monitor screen. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2009. 24 p.
4. Shamina N.V. Onlain-obuchenie v obrazovatel'nom protsesse: sil'nye i slabye storony [Online learning in the educational process: strengths and weakness]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal [Kazan Pedagogical Journal]*, 2019. Vol. 2, no. 133, pp. 20–24.
5. Bassili J.N. Motivation and Cognitive Strategies in the Choice to Attend Lectures or Watch Them Online. *Journal of Distance Education*, 2008. Vol. 22, no. 3, pp. 129–148.
6. Brooker A. et al. A tale of two MOOCs: How student motivation and participation predict learning outcomes in different MOOCs. *Australasian Journal of Educational Technology*, 2018. Vol. 34, no. 1, pp. 73–87. doi:10.14742/ajet.3237
7. Chen K.C., Jang S.J. Motivation in online learning: Testing a model of self-determination theory. *Computers in Human Behavior*, 2010. Vol. 26, no. 4, pp. 741–752. doi:10.1016/j.chb.2010.01.011
8. Cho M.H., Heron M.L. Self-regulated learning: the role of motivation, emotion, and use of learning strategies in students' learning experiences in a self-paced online mathematics course. *Distance Education*, 2015. Vol. 36, no. 1, pp. 80–99. doi:10.1080/01587919.2015.1019963

9. De Barba P.G., Kennedy G.E., Ainley M.D. The role of students' motivation and participation in predicting performance in a MOOC. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2016. Vol. 32, no. 3, pp. 218-231. doi:10.1111/jcal.12130
10. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. New York: Plenum, 1985. 372 p. doi:10.1007/978-1-4899-2271-7
11. Hartnett M., George A.S., Dron J. Examining motivation in online distance learning environments: Complex, multifaceted and situation-dependent. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 2011. Vol. 12, no. 6, pp. 20–38, doi:10.19173/irrodl.v12i6.1030
12. Inglis M. et al. Individual differences in students' use of optional learning resources. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2011. Vol. 27, no. 6, pp. 490–502. doi:10.1111/j.1365-2729.2011.00417.x
13. Kim K.J., Frick T.W. Changes in student motivation during online learning. *Journal of Educational Computing Research*, 2011. Vol. 44, no. 1, pp. 1–23. doi:10.2190/EC.44.1.a
14. Le A. et al. Online lecture accessibility and its influence on performance in skills-based courses. *Computers & Education*, 2010. Vol. 55, no. 1, pp. 313–319. doi:10.1016/j.compedu.2010.01.017
15. Liu Q. et al. The effectiveness of blended learning in health professions: systematic review and meta-analysis. *Journal of medical Internet research*, 2016. Vol. 18, no. 1. doi:10.2196/jmir.4807
16. Markova T., Glazkova I., Zaborova E. Quality issues of online distance learning. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2017. Vol. 237, pp. 685–691.
17. Means B. et al. The effectiveness of online and blended learning: A meta-analysis of the empirical literature. *Teachers College Record*, 2013. Vol. 115(3), pp. 1–47.
18. Muilenburg L.Y., Berge Z.L. Student barriers to online learning: A factor analytic study. *Distance Education*, 2005. Vol. 26, no. 1, pp. 29–48. doi:10.1080/01587910500081269
19. Milligan C., Littlejohn A. Why study on a MOOC? The motives of students and professionals. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 2017. Vol. 18, no. 2, URL: <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/3033> (assessed: 02.08.2019). doi:10.19173/irrodl.v18i2.3033
20. O'Neill D.K., Sai T.H. Why not? Examining college students' reasons for avoiding an online course. *Higher Education*, 2014. Vol. 68, no. 1, pp. 1–14. doi:10.1007/s10734-013-9663-3
21. Richardson J.C. et al. Social presence in relation to students' satisfaction and learning in the online environment: A meta-analysis. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 71, pp. 402–417. doi:10.1016/j.chb.2017.02.001
22. Short J.A., Williams E., Christie B. The social psychology of telecommunications. London: Wiley, 1976. 195 p.
23. Tu C.H., McIssac M. The relationship of social presence and interaction in online classes. *The American journal of distance education*, 2002. Vol. 16, no. 3, pp. 131–150. doi:10.1207/S15389286AJDE1603_2
24. Wang Y., Baker R. Content or platform: Why do students complete MOOCs? *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 17–30.
25. Young S., Duncan H.E. Online and face-to-face teaching: How do student ratings differ? *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*, 2014. Vol. 10, no. 1, pp. 70–79.

Информация об авторах

Панферов Владимир Николаевич, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3528-3122>, e-mail: v-panferov@mail.ru

Безгодова Светлана Александровна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Васильева Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6052-3431>, e-mail: vivatvsv@mail.ru

Иванов Артем Сергеевич, магистрант Института Психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8377-309X>, e-mail: ivan0vartems@yandex.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Information about the authors

Vladimir N. Panferov, Doctor of Psychology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3528-3122>, e-mail: v-panferov@mail.ru

Svetlana A. Bezgodova, PhD in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Svetlana V. Vasileva, PhD in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6052-3431>, e-mail: vivatvsv@mail.ru

Artem S. Ivanov, Master Student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8377-309X>, e-mail: ivan0vartems@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Получена 31.08.2019

Принята в печать 21.02.2020

Received 31.08.2019

Accepted 21.02.2020

Взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое взаимодействие и креативностью у дошкольников

Красило Т.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ),*

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Цель исследования. *Изучение взаимосвязи между частотой использования электронных гаджетов, уровнем включенности во взаимодействие в игре и креативностью у дошкольников, а также выявление гендерной специфики в выраженности изучаемых феноменов.*

Контекст и актуальность исследования. *В связи с активным включением в жизнь современного человека технических средств и цифровых технологий существенно изменились социокультурная ситуация развития ребенка и процесс его социализации. Это, безусловно, приводит к изменениям в психическом и личностном развитии детей, поэтому очень важным является изучение психологических особенностей современно-го ребенка и их связи с новыми характеристиками ситуации развития.*

Дизайн исследования. *В работе изучались уровень креативности дошкольников, частота использования ими электронных гаджетов и уровень их включенности в игровое взаимодействие. Наличие взаимосвязи между данными параметрами устанавливалось через подсчет коэффициента корреляции Пирсона.*

Выборка. *48 детей в возрасте 6–7 лет: 24 мальчика и 24 девочки, а также их родители (48 человек).*

Методы. *Методика «Карта наблюдения за свободной ролевой игрой» – модификация методики «Нормативные карты развития» (авторы: Н.А. Короткова и П.Г. Нежнов); авторская анкета для родителей «Взаимодействие детей с электронными гаджетами»; тест креативности Э.П. Торренса.*

Результаты. *Установлена обратная взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов и уровнем включенности в игровое взаимодействие у дошкольников. Выявлена прямая взаимосвязь между уровнем креативности ребенка и его уровнем включенности во взаимодействие в игре. Описана гендерная специфика в выраженности изучаемых феноменов.*

Выводы. *Между частотой использования гаджетов, включенностью во взаимодействие в игре и креативностью у дошкольников имеется взаимосвязь. Существует гендерная специфика в проявлении изучаемых феноменов.*

Ключевые слова: *цифровая социализация, современная социокультурная ситуация развития, общество, технические средства, электронные гаджеты, сюжетно-ролевая игра, креативность.*

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Московского психолого-педагогического университета (проект «Специфика развития умственных способностей детей в эпоху цифровой социализации»).

Для цитаты: Красило Т.А. Взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое взаимодействие и креативностью у дошкольников // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 144–158. DOI:https://doi.org/10.17759/sps.2020110109

The relationship between the frequency of use of electronic gadgets, inclusion in game interaction and creativity among preschoolers

Tatyana A. Krasilo

Moscow State University of Psychology & Education,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Objectives. *The study of the relationship between the frequency of use of electronic gadgets, the level of involvement in the interaction in the game and creativity among preschoolers, as well as the identification of gender specificity in the severity of the studied phenomena.*

Background. *In connection with the active inclusion in the life of a modern person of technical means and digital technologies, the sociocultural situation of the development of the child and the process of his socialization have substantially changed. This, of course, leads to changes in the mental and personal development of children, therefore, it is very important to study the psychological characteristics of the modern child and their relationship with new characteristics of the situation of the development.*

Study design. *The study examined the level of creativity of preschoolers, the frequency of their use of electronic gadgets and the level of their involvement in game interaction. The presence of a relationship between these parameters was established by calculating the Pearson correlation coefficient.*

Participants. *48 children aged 6–7 years: 24 boys and 24 girls, as well as their parents (48 people).*

Measurements. *The method “Map for observing a spontaneous role-playing game” — a modification of the method “Normative development maps” (authors: Korotkova N.A. and Nezhnov P.G.); author’s questionnaire for parents “Interaction of children with electronic gadgets”; the Torrance Creativity Test.*

Results. *An inverse relationship has been established between the frequency of use of electronic gadgets and the level of involvement in game interaction among preschoolers. A direct relationship between the level of creativity of the child and his level of involvement in the interaction in the game is revealed. The gender specificity in the severity of the studied phenomena is described.*

Conclusions. *There is a correlation between the frequency of use of gadgets, inclusion in interaction in the game, and creativity among preschoolers. There is a gender specificity in the manifestation of the studied phenomena.*

Keywords: *digital socialization, modern socio-cultural situation of development, society, technical means, electronic gadgets, role-playing game, creativity.*

Funding: This work was financially supported by the Moscow University of Psychology and Education (project “Specificity of the Development of the Mental Capabilities of Children in the Age of Digital Socialization”).

For citation: Krasilov T.A. The relationship between the frequency of use of electronic gadgets, inclusion in game interaction and creativity among preschoolers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 144–158. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110109> (In Russ.).

В современном обществе наблюдаются большие перемены, которые охватывают взаимодействие людей практически во всех сферах их жизнедеятельности — в трудовой сфере, в семье, в системе дружеского общения, в системе обучения и т.п. Одними из наиболее значимых факторов, определяющих такие интенсивные изменения, являются высокий уровень развития современных технологий и широкое включение их в жизнь людей.

Результатам технического прогресса находят применение в самых разнообразных аспектах повседневной жизни человека, и, безусловно, они сказываются на преобразовании детско-родительских отношений и системы воспитания ребенка [8; 11; 17]. Уже с самых первых дней жизни дети вводятся родителями в мир, наполненный различными приборами и изобретениями, которые кардинально изменяют всю существовавшую еще до недавнего времени ситуацию развития ребенка. Технические средства настолько глубоко вошли в жизнь детей, что взаимодействие с ними начинает затмевать социальные контакты и заменять ведущие виды деятельности [8].

Предметная деятельность и игра уступают место новым занятиям, всецело увлекающим ребенка и полноправно овладевающим его вниманием. Первое по популярности место делят интернет и телевидение, которые становятся новыми важными факторами в процессе социализации ребенка [8; 11]. Эти информационные потоки предоставляют ребенку

возможность овладевать знаниями, информацией, социальными и культурными средствами в совершенно новом виде, новым своеобразным путем — без участия взрослого. Такой новый путь освоения социального опыта через взаимодействие с цифровыми технологиями получил название «цифровая социализация» [11].

Таким образом, процесс развития современного ребенка обретает новый специфический вид, имеющий ряд отличий от картины, характерной для прошлых поколений. Дети массово и со все более раннего возраста начинают овладевать техническими средствами, проводя огромное количество времени перед экраном телевизора, компьютера или электронного гаджета. Среди наиболее важных особенностей цифровой социализации можно выделить «наличие цифрового разрыва между поколениями детей и родителей, снижение универсальности фигуры взрослого и его роли в детско-родительских отношениях» [11, с.74]. Родители и учителя зачастую не успевают за детьми в процессе освоения цифровых технологий и демонстрируют недостаточную компетентность, чтобы выступать в качестве экспертов по их использованию [6; 11; 12; 13]. «...Взрослые перестают быть единственным и неоспоримым источником знаний..., опыт родителей теряет для детей ту ценность, которую имел ранее...» [16, с. 8]. Цифровая социализация получила настолько широкое распространение в современной жизни, что нередко не просто дополняет тра-

диционный процесс социализации или составляет ему конкуренцию, но и выходит на первый план, перекрывая возможности традиционной модели освоения культурного опыта [1; 11; 17]. Поэтому возникают вопросы о последствиях для развития ребенка и в конечном счете для развития всего общества, которые могут принести данные преобразования.

Опасения и беспокойство вызывают такие черты современной социализации, как неконтролируемый характер того пласта информации, который ребенок получает самостоятельно. Если раньше взрослый мог выбирать и дозировать информацию, предоставляемую ребенку, то теперь этот процесс становится во многом недоступным для вмешательства взрослого. Ребенок, еще не имеющий внутренних критериев оценки поступающей информации, обладает возможностью ее самостоятельного выбора, а иногда получает ее случайно и стихийно [11; 13]. Поэтому крайне важно изучать, какие последствия может иметь такая информационная свобода. Сам способ ее получения, когда взрослый утрачивает возможность организовать постепенную передачу ответственности за постановку целей, контроль действия и его оценку самому ребенку, также ставит новые задачи по изучению последствий такого процесса.

Еще одной важной характеристикой современной жизни детей в условиях плотного взаимодействия с техническими средствами является изменение в области самих средств общения. При взаимодействии с разного рода гаджетами нет ни необходимости, ни возможности обеспечения полноценного вербального общения. Еще не разговаривающий ребенок входит в эти современные системы взаимодействия и продолжает в них активно участвовать, не испытывая потреб-

ности в освоении вербальной речи, что, безусловно, оказывает влияние на весь ход его развития [8].

Также важным аспектом, характеризующим особенности современной ситуации развития с активным использованием технических средств, является недостаточность эмоционального компонента. В отличие от «живого» общения с людьми, занятия с гаджетами не могут содержать в себе эмоции [8]. Интернет и телевидение имеют возможность продемонстрировать образцы эмоционального реагирования, но они не могут предоставить ребенку теплоту человеческих эмоций, необходимую для формирования доверия к миру и чувства защищенности. Таким образом, и эта особенность будет иметь значимые последствия не только в области личностного развития ребенка, его самосознания, но и всех других сфер психики, включая когнитивные процессы и особенности поведения.

На сегодняшний день имеется достаточно большое количество исследований, посвященных изучению новой ситуации развития и тех изменений в психическом развитии ребенка, которые были вызваны новыми тенденциями [6; 8; 11; 17]. Результаты этих исследований свидетельствуют о следующих особенностях современных дошкольников: снижение уровня развития сюжетно-ролевой игры [9; 10], снижение уровня развития речи и уровня когнитивного развития в отдельных областях, дефицит самостоятельности и активности, снижение уровня любознательности и воображения, неразвитость тонкой моторики руки, низкий уровень социальной компетентности, экранная зависимость, неразвитость эмоциональной сферы и др. [8; 17].

То есть многие аспекты развития современных детей вызывают беспокойство,

но отставание по ряду областей от сверстников прошлых лет, наличие тенденций к недоразвитию ряда умений еще не дают возможности однозначно оценить влияние цифровой социализации (и современной социокультурной ситуации в целом) на будущие поколения. Ведь путь от первобытного до современного человека также включал в себя расширение границ детства и удлинение отдельных его подпериодов. Сдвиг в формировании некоторых функций на более поздние сроки, отмирание и потеря некоторых умений, важных для условий прежних времен, но теряющих смысл в современных обстоятельствах, — все это является нормальной и закономерной чертой прогрессивного хода развития человеческого общества.

Поэтому выявленная современная динамика развития ребенка не может получить однозначную оценку без понимания специфики новой реальности и диктуемых ею потребностей социума. Возможно, неразвитость некоторых психических функций у современных детей не несет в себе опасности для общества в целом, поскольку компенсируется формированием новых, более востребованных в современных обстоятельствах жизни. Но в любые времена для функционирования и развития общества необходимым условием являлось формирование личности, обладающей творческим потенциалом, без чего при любых условиях невозможно движение к прогрессу. Поэтому уровень развития творческих способностей, как никакой другой показатель, является наиболее подходящим для оценки преобразований, происходящих в современной ситуации развития детей.

В отечественной психологии, в отличие от работ зарубежных авторов, основополагающей является позиция, признающая социальную природу творческих

способностей [3; 4]. Их формирование тесно связано с развитием других сфер человеческой психики — мотивационной, эмоциональной, когнитивной сфер — и обуславливается специфической формой освоения культурного опыта и знаний, одновременно обеспечивающей все необходимые условия для развития творческого потенциала, но не создающей при этом барьеров творчества [4]. По мнению большинства отечественных исследователей, существенный вклад в развитие творческих способностей ребенка вносит игровая деятельность (в частности, посредством формирования в ней такого важного процесса, как воображение) [3; 18]. Поэтому установленные данные о снижении уровня развития игры у современных детей наряду с наблюдаемыми тенденциями снижения уровня развития указанных выше сфер [8; 17] дают основание предполагать, что будут наблюдаться аналогичные тенденции в области творческой деятельности ребенка и способностей к ней.

Однако сегодня разработчики разнообразных гаджетов, различных приложений и компьютерных игр утверждают, что их продукты способны увеличивать уровень творческих способностей ребенка.

Поэтому для решения практических задач в области воспитания детей и организации развивающей среды является важным решение вопроса о влиянии на уровень творческих способностей ребенка двух конкурирующих видов социализации — традиционной и цифровой. Это определяет актуальность исследования эффективности формирования креативности в условиях разных видов деятельности ребенка — взаимодействия с гаджетами и взаимодействия со сверстниками в игровой ситуации.

Отметим еще один момент, характеризующий актуальное состояние инте-

ресующей нас проблемы в психологии. В современном обществе, помимо активного включения новых технических средств в повседневную деятельность ребенка и его родителей, можно выделить и ряд иных перемен, обусловленных, в свою очередь, политической и социально-экономической ситуациями в стране и в мире, которые влияют на современную социокультурную ситуацию развития ребенка. Среди таких перемен можно назвать: изменение системы ценностей, изменение представлений о семье, изменение ее структуры и основных характеристик, перестройка взаимодействия между людьми, изменение отношения к детству, снижение готовности к родительству и компетентности в вопросах семейной жизни и др. [2; 7; 14; 16; 17]. Однако основной массив данных о наметившейся динамике сдвигов в развитии ребенка представляет собой фиксирование новых черт современных детей без выявления связей с отдельными аспектами новой ситуации развития. В большинстве имеющихся исследований не дифференцируется влияние собственно цифровой социализации от всего имеющегося множества преобразований современного общества. Поэтому на данный момент имеется нехватка эмпирических данных, выявляющих влияние на психические и личностные особенности детей именно использования технических средств в сравнении с традиционными путями развития, такими как общение и игровая деятельность, что обосновывает актуальность нашего исследования.

Программа эмпирического исследования¹

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи между частотой использования электронных гаджетов, уровнем включенности во взаимодействие со сверстниками в сюжетно-ролевой игре и креативностью у дошкольников, а также выявление гендерной специфики в выраженности изучаемых феноменов.

В исследовании изучались не уровни развития игровой деятельности, а активность включения ребенка в эту деятельность, интенсивность взаимодействия в игровой ситуации.

В качестве основной гипотезы мы выдвинули предположение о наличии взаимосвязи между частотой использования электронных гаджетов, уровнем включенности во взаимодействие со сверстниками в сюжетно-ролевой игре и уровнем развития креативности у детей дошкольного возраста, а также наличии гендерной специфики в проявлении изучаемых феноменов. Данная гипотеза была конкретизирована в частных гипотезах:

1) Уровень включенности во взаимодействие в игре имеет обратную взаимосвязь с частотой использования электронных гаджетов.

2) Уровень креативности имеет прямую взаимосвязь с уровнем включенности во взаимодействие в игре и обратно пропорционален частоте использования электронных гаджетов.

3) Существует гендерная специфика в выраженности показателей частоты использования электронных гаджетов,

¹ В статье использованы материалы магистерской диссертации В.И. Цайтлер, выполненной на тему «Особенности развития креативности и произвольности дошкольников с разным уровнем включенности в общение со сверстниками в игре» под руководством Т.А. Красилю в 2016 г.

включенности во взаимодействие со сверстниками в сюжетно-ролевой игре и креативности у детей дошкольного возраста.

В исследовании приняли участие воспитанники Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Лицей № 1158» (Дошкольное отделение № 686-1 и Дошкольное отделение № 1281).

Выборка состояла из 48 детей старшего дошкольного возраста (6–7 лет), посещающих подготовительные группы детских садов: 24 мальчика и 24 девочки, а также из 48 родителей, участвовавших в опросе.

Для определения частоты использования электронных гаджетов был проведен опрос родителей с помощью анкеты «Взаимодействие детей с электронными гаджетами». Этот опрос был направлен на получение информации о частоте использования детьми электронных гаджетов (смартфонов, планшетов, портативных приставок и др.) и степени увлеченности ими, выражающейся в предпочтении детей взаимодействия с гаджетами другим видам деятельности.

Степень включенности во взаимодействие со сверстниками в процессе сюжетно-ролевой игры изучалась при помощи методики «Карта наблюдения за свободной сюжетно-ролевой игрой», которая была составлена на базе методики «Нормативные карты развития» Н.А. Коротковой и П.Г. Нежнова [5]. Посредством данной методики выявлялись признаки коммуникативной инициативы, проявляемой в игровой ситуации. В качестве таких признаков выступали: возможность предложения ребенком исходного замысла-цели в развернутой словесной форме; инициирование и организация действий 2–3 сверстников; умение договориться о распределении действий; использование правил игры (придумывание, регуляция, отстаивание и др.);

отсутствие ущемления интересов и желаний других детей; самостоятельный поиск выхода из конфликтной ситуации; возможность встроиться в совместную деятельность других детей; легкость поддержания диалога в конкретной деятельности и т.п.

Исследование уровня креативности осуществлялось посредством проведения теста креативности Э.П. Торренса: краткий вариант – фигурная форма (субтест «Незаконченные фигуры») [15].

Для изучения наличия корреляционных связей использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования

По результатам опроса родителей, проведенного с использованием анкеты «Взаимодействие детей с электронными гаджетами», были выделены три группы детей – с высокой, средней и низкой частотой использования электронных гаджетов.

Установленное соотношение в частоте использования детьми гаджетов можно увидеть на рисунке 1.

Полученные результаты демонстрируют достаточно высокую ориентированность на использование электронных гаджетов среди современных дошкольников. Дети, не имеющие выраженной увлеченности гаджетами, занимают менее ¼ выборки, остальные (77%) имеют среднюю и высокую частоту использования. Эти данные подтверждают отмечаемую многими исследователями тенденцию масштабного перехода детей от традиционной социализации к цифровой.

Если рассматривать полученные результаты более детально и обратиться к анализу гендерных различий по показателю частоты использования гаджетов, то можно выявить следующие особенности в подгруппах

мальчиков и девочек (специфика каждой из подгрупп представлена на рисунке 2).

Различия в процентном выражении количества респондентов, имеющих среднюю частоту использования электронных гаджетов, между подгруппами мальчиков и девочек отсутствуют. Однако между вы-

раженностью высокого и низкого уровней (по изучаемому показателю) в группах, выделенных по гендерному признаку, имеются яркие отличия. Если более половины респондентов-мальчиков имеют высокий уровень взаимодействия с гаджетами, то среди девочек к этой категории

Частота использования электронных гаджетов

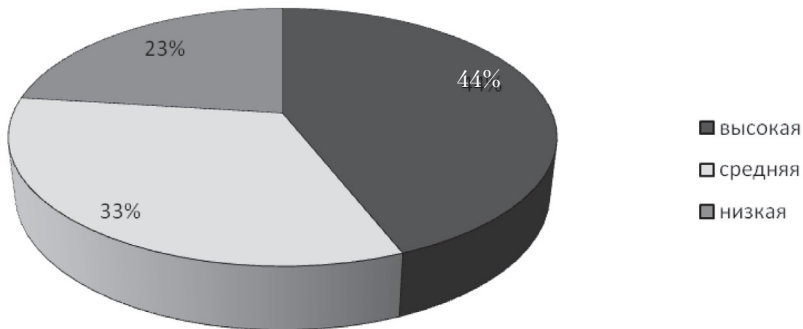

Рис. 1. Распределение выборки детей по частоте использования ими электронных гаджетов

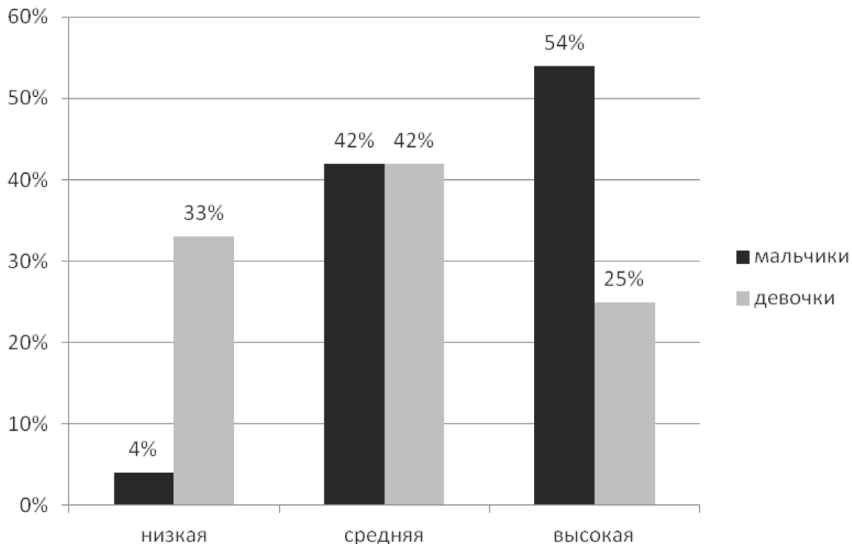

Рис. 2. Соотношение результатов в подгруппах мальчиков и девочек по показателю частоты использования электронных гаджетов

относится только четверть. И также существенные отличия по гендерному признаку можно видеть в категории с низкой частотой использования электронных гаджетов, к которой относится треть подгруппы девочек против всего лишь одного ребенка из подгруппы мальчиков.

Внутри каждой подгруппы было вычислено среднее значение параметра ориентированности на использование электронных гаджетов. В группе девочек среднее значение равно 9,5, а у мальчиков 14. Таким образом, можно говорить о том, что мальчики, по сравнению с девочками, демонстрируют тенденцию к более высокой увлеченности гаджетами.

По параметру включенности в игровое взаимодействие были получены следующие результаты.

Около 21% детей продемонстрировали высокий уровень включенности во взаимодействие в игровой ситуации. В процессе игры поведение этой группы детей отличалось высокой активностью и уровнем участия в разработке сюжетов игры, самостоятельностью, бесконфликтностью и слаженностью взаимодействия. Они показывали владение навыками сотрудничества, инициирования других детей на соблюдение правил игры и на новые виды игровой деятельности.

54% испытуемых продемонстрировали средний уровень включенности в игровое взаимодействие. В игровом процессе такие дети были достаточно пассивны и в основном выполняли заданные им кем-то роли. Специфика поведения этих детей характеризовалась нерегулярностью использования таких важных умений, как: способность вступать в диалог по собственной инициативе, навыки выходить из конфликтной ситуации без помощи взрослого, умение развернуто и доходчиво объяснить задуманное действие в игре.

25% детей из всей выборки оказались в группе с низким уровнем включенности во взаимодействие в игре. Эти дети отличались недостаточной развитостью коммуникативных навыков, у них зачастую отсутствовал интерес к игровому процессу.

При рассмотрении данных результатов с учетом гендерного фактора можно также обнаружить некоторые специфические особенности в распределении изучаемого параметра у мальчиков и девочек, отраженные на рисунке 3.

В ходе наблюдения за игрой было отмечено, что девочки более охотно вступали в игровое взаимодействие, чаще находили самостоятельные пути выхода из конфликтных ситуаций. Девочки продемонстрировали себя лучшими организаторами игрового процесса, они более четко и структурированно разрабатывали сюжет и правила игры, следили за их выполнением. В то же время большей части мальчиков было сложно длительное время взаимодействовать в рамках установленных правил, поэтому с определенного момента они начинали спонтанно изменять и перестраивать их. При возникновении конфликтных моментов ребята либо выступали агрессорами и пытались настоять на своем, либо полностью устранялись от самостоятельного решения проблемы.

Как видно на рисунке 4, в подгруппе девочек доля респондентов, имеющих высокий показатель включенности во взаимодействие со сверстниками, более чем в два раза превосходит долю из подгруппы мальчиков по соответствующему параметру. А в представленности низкого уровня включенности во взаимодействие, наоборот, доля мальчиков более чем в три раза превосходит соответствующую долю респондентов из подгруппы девочек. Таким образом, можно сделать вывод

о более высоком уровне включенности во взаимодействие со сверстниками в игре у девочек, по сравнению с мальчиками.

Результаты, полученные в ходе проведения методики Э.П. Торренса, выявили следующее распределение общей

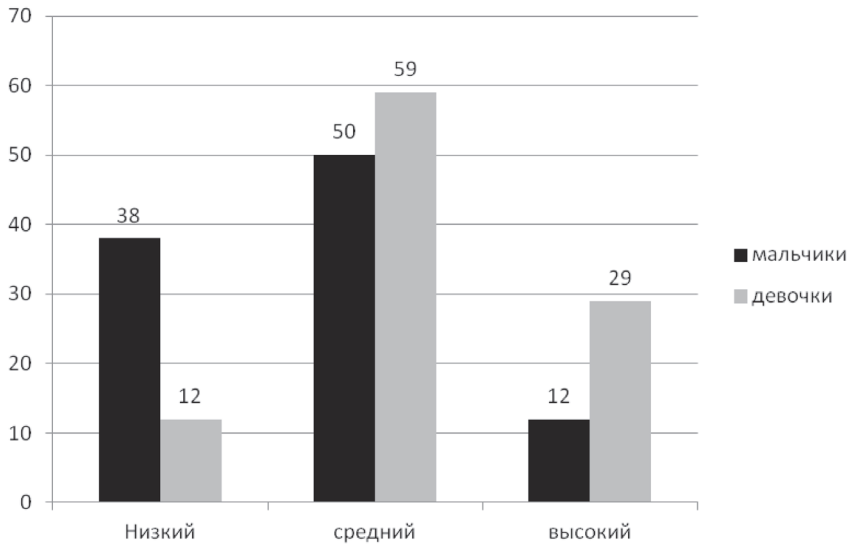

Рис. 3. Соотношение результатов в подгруппах мальчиков и девочек по уровню включенности во взаимодействие со сверстниками в игре

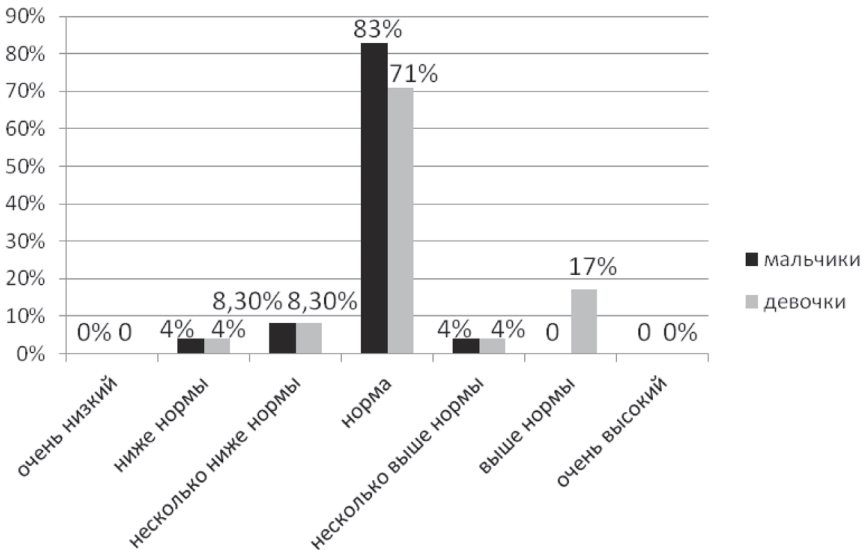

Рис. 4. Соотношение результатов в подгруппах мальчиков и девочек по уровню креативности

выборки детей по уровню сформированности образной креативности:

- Очень низкий уровень – 0%;
- Ниже нормы – 2%;
- Несколько ниже нормы – 8,3%;
- Норма – 77%;
- Несколько выше нормы – 4%;
- Выше нормы – 8,3%.

У большей части детей уровень креативности находится в пределах возрастной нормы.

Анализ результатов с учетом гендерного признака опять выявил некоторые отличия в подгруппах мальчиков и девочек. Эти отличия касаются двух уровней показателя креативности. Как видно на рисунке 4, 83% мальчиков имеют показатель «норма», в то время как у девочек к этому уровню креативности относятся 71% данной подгруппы. Но самые большие отличия касаются показателя креативности «выше нормы»: этот уровень представлен только в группе девочек (17% выборки девочек), в то время как аналогичных показателей в подгруппе мальчиков не наблюдается совсем (0% подгруппы). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в подгруппе девочек наблюдается тенденция к демонстрированию более высокого уровня образной креативности, по сравнению с результатами мальчиков в целом по их подгруппе.

Для изучения взаимосвязи между частотой использования электронных гаджетов и уровнем включенности во взаимодействие со сверстниками в процессе сюжетно-ролевой игры был использован коэффициент корреляции Пирсона. Подсчет данного коэффициента показал наличие значимой обратной взаимосвязи между исследуемыми показателями: $R=-0,76$ при $p<0,05$.

Между показателями креативности и частотой использования электронных гад-

жетов, между уровнем креативности и степенью включенности во взаимодействие в процессе игры также была подсчитана корреляция. Коэффициент корреляции Пирсона показал наличие значимой прямой взаимосвязи между уровнем включенности во взаимодействие ребенка в процессе сюжетно-ролевой игры и его уровнем креативности: $R=0,68$, при вероятности $p<0,05$. Между частотой использования электронных гаджетов и уровнем креативности значимой корреляционной связи выявлено не было.

Обсуждение результатов исследования

Установленное наличие значимой обратной взаимосвязи между частотой использования электронных гаджетов и уровнем включенности во взаимодействие со сверстниками в процессе сюжетно-ролевой игры является подтверждением первой частной гипотезы исследования. Это говорит о том, что дети, в большей степени увлекающиеся использованием электронных гаджетов, менее включены в процесс взаимодействия со сверстниками в сюжетно-ролевой игре.

Между уровнем креативности и степенью включенности во взаимодействие в процессе игры была получена прямая взаимосвязь, которая также является значимой. То есть при более высоком уровне включенности в общение с другими детьми в игровой ситуации наблюдается более высокий уровень способностей к творчеству, что соответствует второй частной гипотезе.

Между частотой использования электронных гаджетов и уровнем креативности значимой корреляционной связи получено не было, что входит в противо-

речие с предположением об обратной взаимосвязи между данными параметрами, которое было заявлено во второй частной гипотезе исследования. Таким образом, можно говорить лишь о частичном подтверждении второй гипотезы (в части наличия взаимосвязи между включенностью ребенка в игровое взаимодействие и его уровнем креативности).

Отсутствие взаимосвязи (как отрицательной, так и положительной) между частотой использования электронных гаджетов и креативностью говорит о том, что мнение о негативном влиянии взаимодействия с гаджетами на развитие креативности является неподтвержденным. При этом полученные результаты свидетельствуют и об отсутствии какого-либо положительного вклада использования гаджетов в процесс развития творческих способностей. Однако рассмотрение всей совокупности полученных данных позволяет предполагать возможность опосредованного влияния чрезмерной увлеченности использованием гаджетов на креативность — через сокращение активности в игровой ситуации. Но остается также возможным вариант интерпретации, при котором сформированные творческие способности можно рассматривать как повышающие включенность ребенка во взаимодействие в игре, но никак не связанные с активностью использования им гаджетов. Поэтому для уточнения вопросов о возможных причинно-следственных связях между рассматриваемыми явлениями требуется проведение дополнительных исследований.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что в подгруппе девочек, по сравнению с подгруппой мальчиков, наблюдается большая степень включенности во взаимодействие со сверстниками в процессе игры, более низкая частота

использования электронных гаджетов и более высокий уровень креативности. Выявленные гендерные особенности в проявлении трех измеряемых параметров являются подтверждением третьей частной гипотезы.

Отмеченная специфика в результатах двух подгрупп, выделенных по гендерному признаку, может иметь следующее объяснение. Различия в воспитании мальчиков и девочек базируются на имеющихся представлениях о социальных ролях мужчин и женщин. Поэтому можно предположить, что родители и общество в целом более активно включают мальчиков во взаимодействие с электронными гаджетами как предметами техническими и достаточно полно соответствующими социальной мужской роли, в то время как от девочек ожидают более эмоционально насыщенных (рисование, игра и т.п.) и связанных с общением видов деятельности. Таким образом, можно говорить о том, что переход к цифровой социализации в большей мере наблюдается именно у мальчиков, а девочки в большей степени, по сравнению с ними, сохраняют элементы традиционной социализации.

Выводы

1. Первая частная гипотеза о наличии обратной взаимосвязи между уровнем включенности ребенка в игровое взаимодействие с частотой использования им электронных гаджетов подтвердилась.

2. Частично была подтверждена вторая частная гипотеза: получена прямая взаимосвязь уровня креативности ребенка с его уровнем включенности во взаимодействие в игре. Предположение о наличии взаимосвязи между уровнем

креативности и частотой использования электронных гаджетов не нашло эмпирического подтверждения.

3. Выявлена гендерная специфика в проявлении изучаемых нами параметров: в подгруппе девочек, по сравнению с подгруппой мальчиков, наблюдаются более высокие показатели креативности и включенности в игровое взаимодействие и более низкая частота использования электронных гаджетов, что свидетельствует о верности третьей частной гипотезы.

4. На основании подтверждения частных гипотез можно говорить, что в целом основная гипотеза исследования верна — между частотой использования электронных гаджетов, уровнем включенности во взаимодействие со сверстниками в сюжетно-ролевой игре и уровнем развития креативности у детей дошкольного возраста существует взаимосвязь, а также присутствует гендерная специфика в проявлении данных параметров.

Литература

1. Денисенкова Н.С., Красило Т.А. Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. 2019. № 6. С. 22–29.
2. Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 1. С. 44–49. doi:10.17759/chp.2015110106
3. Красило Т.А. К проблеме критериев творческой деятельности // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 3. С. 3–13.
4. Красило Т.А. Социально-психологические аспекты развития творческих способностей человека в процессе образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Том 5. № 2. С. 265–276. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61380.shtml (дата обращения: 08.05.2019).
5. Нормативные карты развития, разработанные Н.А. Коротковой и П.Г. Нежновым [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/60951067-Normativnye-karty-razvitiya-razrabotannye-n-a-korotkovoy-i-p-g-nezhnovym.html> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10. doi:10.17759/jmfp.2016050201
7. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. № 3. С. 1–11. doi:10.17759/psyedu.2015070301
8. Смирнова Е.О. Современная детская субкультура // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 25–35. doi:10.17759/cpp.2015230403
9. Смирнова Е.О., Гударева О.В. Игра и произвольность у современных дошкольников // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 91–103.
10. Смирнова Е.О., Рябкова И.А. Состояние игровой деятельности современных дошкольников // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 15–23.
11. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308.

12. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития интернет, 2013. 144 с.
13. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
14. Социальная психология развития: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Н.Н. Толстых. М.: Юрайт, 2014. 603 с.
15. Тест креативности Торренса. Диагностика творческого мышления [Электронный ресурс]. URL: <https://psycabi.net/testy/577-test-kreativnosti-torrensa-dagnostika-tvorcheskogo-myshleniya> (дата обращения: 04.02.2020).
16. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 7–24. doi:10.17759/cpp.2015230402
17. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 98–104.
18. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

References

1. Denisenkova N.S., Krasilo T.A. Razvitie doshkol'nikov v epokhu tsifrovoy sotsializatsii. [The development of preschool children in the era of digital socialization]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie [Modern preschool education]*, 2019, no. 6, pp. 22–29.
2. Zakharova E.I. Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 44–49. doi:10.17759/chp.2015110106. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Krasilo T.A. K probleme kriteriev tvorcheskoi deyatel'nosti. [To the problem of criteria for creative activity]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]*, 2010, no. 3, pp. 3–13.
4. Krasilo T.A. Social and psychological aspects of human creativity development in educational process [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2013. Vol. 5, no. 2, pp. 265–276 (Accessed: 08.05.2019) (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Normativnye karty razvitiya, razrabotannye N.A. Korotkovo i P.G. Nezhnovym [Elektronnyi resurs] [Regulatory development maps developed by N.A. Korotkova and P.G. Nezhnov]. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61380.shtml (Accessed: 04.02.2020).
6. Polivanova K.N. Childhood in a changing world [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 5–10. doi:10.17759/jmfp.2016050201. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Polivanova K.N. Parenting and Parenthoodas Research Domains [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2015. Vol. 7, no. 3, pp. 1–11. doi:10.17759/psyedu.2015070301. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Smirnova E.O. Modern children's sub-culture. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 25–35. doi:10.17759/cpp.2015230403. (In Russ., abstr. in Engl.)

9. Smirnova E.O., Gudareva O.V. Igra i proizvol'nost' u sovremennykh doshkol'nikov [Game and randomness in modern preschoolers]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2004, no. 1, pp. 91–103.
10. Smirnova E.O., Ryabkova I.A. Sostoyanie igrovoi deyatelnosti sovremennykh doshkol'nikov. [The state of game activity of modern preschoolers]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2013, no. 2, pp. 15–23.
11. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Yu. Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditel'ei. Rezul'taty vs Rossiiskogo issledovaniya. [Digital competence of adolescents and parents. The results of an all-Russian study]. Moscow: Fond razvitiya internet, 2013. 144 p.
13. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [The digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p.
14. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Social developmental psychology]. In Tolstykh N.N. (eds). Moscow: Yurait, 2014. 603 p. Seriya: Bakalavr i magistr. Akademicheskii kurs.
15. Test kreativnosti Torrensa. Diagnostika tvorcheskogo myshleniya [Elektronnyi resurs] [Torrens creativity test. Diagnosis of creative thinking]. URL: <https://psycabi.net/testy/577-test-kreativnosti-torrensa-diagnostika-tvorcheskogo-myshleniya> (Accessed: 04.02.2020).
16. Tolstykh N.N. Modern maturation. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7–24. doi:10.17759/cpp.2015230402. (In Russ., abstr. in Engl.)
17. Fel'dshtein D.I. The psychological and pedagogical problems of development of a new school in the context of significant changes of a child and his/her situation of development]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. [Cultural-historical psychology], 2010, no. 2, pp. 98–104.
18. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p.

Информация об авторах

Красило Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии развития, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Information about the authors

Tatyana A. Krassilo, PhD in Psychology, assistant professor at the Chair of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Получена 08.01.2020

Принята в печать 21.02.2020

Received 08.01.2020

Accepted 21.02.2020

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий

Татарко А.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: catatarko@hse.ru*

Макласова Е.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4857-9261>, e-mail: emaklasova@hse.ru*

Лепшокова З.Х.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: zlepshokova@hse.ru*

Галяпина В.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru*

Ефремова В.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: nefremova@hse.ru*

Дубров В.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru*

Бульцева М.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru*

Бушина Е.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru*

Миронова Е.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: amironova@hse.ru*

Цель исследования. Разработка и апробация методики, позволяющей оценить степень вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в различных сферах жизни.

Контекст и актуальность исследования. Современные социальная и физическая среды насыщены цифровыми стимулами, побуждающими человека вовлекаться во взаимодействие с этими средами посредством ИКТ. Тем не менее к настоящему моменту не существует психологических методик, которые бы всесторонне оценивали вовлеченность личности в использование ИКТ.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Для измерения вовлеченности в использование ИКТ была разработана и валидизирована авторская методика.

Выборка. Исследование включало две выборки. В первую выборку вошли 859 респондентов (средний возраст 36,1 лет; 32% мужчины). Во вторую – 171 респондент (возрастной диапазон от 25 до 44 лет; 35% мужчины).

Методы. Для обработки и анализа данных были использованы эксплораторный и конфирматорный факторные анализы, коэффициент альфа Кронбаха и корреляционный анализ. Для обработки данных использовались программы SPSS 19.0 и AMOS 20.

Результаты. Хорошие результаты конфирматорного факторного анализа указывают на наличие надежности-согласованности методики. Финальный вариант методики включает 4 шкалы: «Экономические действия в интернете», «Коммуникация в социальных сетях», «Использование смартфона», «Разнообразие сфер использования ИКТ». Также была проведена оценка эмпирической и внешней валидности данной методики, в результате которой мы получили подтверждение данных видов валидности у разработанной методики.

Основные выводы. Разработанная авторами методика является надежной и валидной и может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях.

Ключевые слова: общение, информационно-коммуникационные технологии, интернет, социальные сети.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00169.

Для цитаты: Татарко А.Н., Макласова Е.В., Лепшикова З.Х., Галятина В.Н., Ефремова М.В., Дубров Д.И., Бульцева М.А., Бушина Е.В., Миронова А.А. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 159–179. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110110>

Assessment methodology of involvement in information and communication technology using

Alexander N. Tatarko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Ekaterina V. Maklasova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4857-9261>, e-mail: emaklasova@hse.ru*

Zarina K. Lepshokova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: zlepshokova@hse.ru*

Victoria N. Galyapina

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru*

Mariya V. Efremova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru*

Dmitrii I. Dubrov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru*

Maria A. Bultseva

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru*

Ekaterina V. Bushina

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru*

Anna A. Mironova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: amironova@hse.ru*

Objective of the study is to develop and test a methodology for assessing the degree of involvement in the use of ICT in various areas of life.

Background. Modern social and physical environments are saturated with digital incentives that encourage people to get involved in interacting with these environments through information and communication technologies (ICT). However, to this date, there are no psychological instruments that comprehensively assess the involvement of individuals in the use of ICTs.

Study design. The study was conducted using a socio-psychological survey. To measure involvement in the use of ICT, an authoring methodology was developed and validated.

Participants. The study included two samples. The first sample included 859 respondents (average age 36.1 years; 32% of males). The second — 171 respondents (35% of males; age range from 25 to 44 years).

Measurements. For data processing, exploratory and confirmatory factor analyses, Cronbach coefficient alpha, and correlation analysis were applied in the SPSS 19.0 and AMOS 20 programs.

Results. Good results of confirmatory factor analysis indicate the presence of reliability-consistency of the methodology. The final version of the methodology includes 4 scales: “Economic actions on the Internet”, “Communication on social networks”, “Using a smartphone”, “A variety of areas of ICT use”. The empirical and external validity of this methodology was also evaluated, as a result of which we received confirmation of these types of validity from the developed methodology.

Conclusions. The technique developed by the authors is reliable and valid and can be used both for research and for applied purposes.

Keywords: *communication, information and communication technologies, internet, social networks.*

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 19-18-00169.

For citation: Tatarko A.N., Maklasova E.V., Lepshokova Z.K., Galyapina V.N., Efremova M.V., Dubrov D.I., Bultseva M.A., Bushina E.V., Mironova A.A. Assessment methodology of involvement in information and communication technology using. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 159–179. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110110> (In Russ.).

Введение

В современном мире для того, чтобы успешно отвечать на социально-экономические и образовательные вызовы, каждый человек должен быть компетентным, в частности, в области информационно-коммуникационных технологий [6; 10]. К данного рода компетентности, как правило, относится широкий спектр выполняемых человеком видов деятельности с применением информационно-коммуникационных технологий. Чаще всего этот спектр определяется через следующие понятия: «ИКТ-компетентности» (ICT competences), «ИКТ-навыки» (ICT skills) или «ИКТ-грамотность» (ICT-literacy), которые являются взаимозаменяемыми [5; 6; 14].

Данные термины начали активно использоваться с 1960-х годов и прошли три стадии своего становления [5; 6; 15]. «Специальная стадия» (mastery stage) длилась до середины 1980-х годов и была связана с пониманием компетентностей в области информационно-коммуникационных технологий через призму специального знания, а именно освоения простой информатики и компьютерного программирования. «Прикладная стадия» (application stage) длилась до конца 1990-х годов. На данной стадии фокус внимания сместился со специальных знаний на знания прикладного характера, позволив применять информационно-коммуникационные технологии в

качестве инструмента, пригодного для образования, работы и отдыха. И, наконец, с конца 1990-х годов наступила «мета-стадия» (reflective stage), которая позволила обнаружить недостаточность исключительно технических знаний в области ИКТ для адекватного реагирования на вызовы современного общества и подчеркнула важность их дополнения мета-навыками [15]. Так, компетентность в области информационно-коммуникационных технологий становится одной из восьми наиболее важных компетентностей двадцать первого века и предполагает уверенное и критическое применение данных технологий в следующих сферах жизнедеятельности человека: 1) креативность и инновации, 2) коммуникация и сотрудничество, 3) исследовательская и информационная беглость, 4) критическое мышление, решение проблем и принятие решений, 5) цифровое гражданство и 6) технологические операции и концепции [5; 6; 10; 12], что предполагает со стороны человека в том числе и активную, созидательную позицию.

Современные социальная и физическая среды насыщены цифровыми стимулами, побуждающими человека вовлекаться во взаимодействие с этими средами посредством информационно-коммуникационных технологий. Степень вовлеченности человека в эти среды отражает как его умение обращаться с данного рода технологиями, так и его психологическую

действительность, в которой он пребывает, и которая опосредована этими технологиями. Так, например, чем больше число сотрудников контактирует друг с другом посредством социальной сети, тем большую организационную и информационную выгоду получает отдельно взятый сотрудник от взаимодействия со своими коллегами и, следовательно, тем выше его социальный онлайн-капитал [11].

Тем не менее к настоящему моменту не существует психологических методик, которые бы всесторонне оценивали вовлеченность личности в использование информационно-коммуникативных технологий. Такая методика важна не только с прикладной точки зрения, но и с научной, поскольку позволила бы изучить, как вовлеченность в использование ИКТ в целом и отдельные ее аспекты могут быть связаны с индивидуально-психологическими особенностями людей и влиять на отдельные стороны жизни.

В литературе можно встретить исследования, в которых используются авторские шкалы и методики, затрагивающие отдельные аспекты использования ИКТ, чаще всего это использование интернета и социальных сетей. В целом социально-психологических исследований по обозначенной выше тематике, в которых используются опросники, довольно мало. Вопрос системного измерения вовлеченности людей в использование информационно-коммуникационных технологий продолжает оставаться открытым.

Одним из примеров исследований, призванных ответить на вопрос об измерении вовлеченности людей в использование ИКТ, является исследование А. Саеда и его коллег [16], которое посвящено изучению взаимосвязи мотивов и интенсивности использования социальных сетей с формированием социального

капитала у респондентов. Для оценки мотивов использования социальных сетей авторами исследования была разработана методика, позволяющая оценить три мотива. Мотив «общение и обмен информацией» позволяет понять, использует ли респондент социальные сети для общения с родственниками и друзьями, для обмена аудио- и видеоматериалами и для обмена информацией. Мотив «ориентация на внешние связи» позволяет понять, ориентирован ли участник исследования на потребление информации о новинках в сфере моды, на общение с людьми по интересам и на то, чтобы ощущать себя вовлеченным в происходящее с другими людьми или миром в целом. Мотив «самоактуализация» связан со способами самовыражения в социальных сетях [16].

Другим примером метода измерения вовлеченности в использование ИКТ является исследование, посвященное изучению влияния различных видов применения мобильных средств социального общения на развитие социального капитала у респондентов и поддержание их психологического благополучия [8]. Авторами исследования была разработана методика, позволяющая измерить частоту использования мобильных средств социального общения для осуществления коммуникации между пользователями социальных сетей. Данная методика представлена четырьмя пунктами, ответы на которые варьируются от 1 — «никогда» до 4 — «часто», и которые позволяют оценить частоту использования мобильных средств социального общения для того, чтобы оставаться на связи с семьей, друзьями, людьми по интересам, с местным сообществом и людьми, с которыми респондент не пожелал бы встречаться лично [8]. Подобная шкала была разработана авторами исследования и для изме-

рения частоты использования мобильных средств социального общения с целью выстраивания и поддержания дружеских отношений в социальных сетях. Данная шкала представлена двумя пунктами, ответы на которые варьируются от 1 — «никогда» до 4 — «часто», и которые позволяют оценить, насколько часто респондент отправляет запрос на добавление в друзья другим людям и сам принимает их [8]. Авторами также была разработана методика для оценки степени открытости респондентов в социальных сетях, транслируемой через используемые мобильные средства социального общения. Данная методика ($\alpha=0,91$) представлена шестью пунктами, степень согласия на которые представлена шкалой от 1 — «совсем не согласен» до 7 — «абсолютно согласен». Методика оценивает, насколько часто пользователь обновляет данные о себе в социальной сети, делится ли он своими переживаниями с другими пользователями, указывает ли свое географическое местоположение и т.д.

Интересным примером является исследование, направленное на изучение полезности социальных сетей в трудовых отношениях [11]. Цель данного исследования заключалась в изучении взаимосвязи между степенью вовлеченности сотрудников компании в использование такой социальной сети, как Facebook, их социальным онлайн-капиталом и результатами на работе [11].

Исследователями также были адаптированы соответствующие методики измерения социального капитала в интернете (связывающего и соединяющего) [18], удовлетворенности от выполняемой работы [7], производительности труда [19] и полезности Facebook в работе (коммуникационная, информационная и организационная) [9]. Также в рамках исследова-

ния учитывалось общее число контактов и число коллег среди этих контактов в Facebook, на основе чего рассчитывалось процентное соотношение коллег от общего числа контактов в Facebook [11].

Согласно результатам исследования, чем большее число сотрудников контактирует друг с другом посредством социальной сети, тем с большей вероятностью будут удовлетворены их коммуникационные, информационные и организационные запросы [11]. Более того, большая представленность коллег в социальной сети по сравнению с другими контактами будет повышать извлекаемую сотрудником коммуникационную и организационную полезность сети, а также повышать их связывающий и соединяющий социальный онлайн-капитал [11]. Чем большую организационную и информационную выгоду получает сотрудник от взаимодействия с коллегами, используя социальную сеть, тем выше его соединяющий социальный капитал, а в случае информационной выгоды — еще и его связывающий социальный капитал [11].

Еще одним примером изучения вовлеченности людей в использование ИКТ с использованием авторской методики является исследование, посвященное тому, как пол и возраст респондентов, а также время, потраченное ими на пребывание в социальных сетях, определяют степень доверия, испытываемого пользователями по отношению к платформам социального общения и субъектам, действующим в их пространстве, как к новостному источнику [17]. Для измерения воспринимаемого доверия в контексте использования средств социального общения для получения новостей авторами исследования была разработана методика. Данная методика содержит пять шкал, каждая из которых представлена пятью утверждениями, ответы на которые

варьируются от 1 — «совсем не согласен» до 5 — «абсолютно согласен». Так, шкала «Доброжелательность» призвана оценить, насколько, по мнению респондента, другие пользователи средств социального общения являются заботливыми, вежливыми по отношению к нему и готовыми оказать ему помощь; шкала «Компетентность» — насколько, по мнению респондента, другие пользователи средств социального общения надежны, и насколько респондент готов доверять их советам и руководствоваться ими; шкала «Целостность» — насколько, по мнению респондента, другие пользователи средств социального общения склонны сдерживать данные ими обещания и быть честными и правдивыми по отношению к людям в целом и к нему в частности; шкала «Идентификация» — насколько, по мнению респондента, его ценности и ценности других пользователей средств социального общения совпадают; шкала «Заинтересованность» — насколько, по мнению респондента, другие люди как в социальных сетях, так и вне их искренни по отношению к нему и обеспокоены его благополучием, и насколько сам респондент искренен и обеспокоен благополучием окружающих его людей как в социальных сетях, так и вне их.

В отечественной социальной психологии также существуют работы, посвященные взаимодействию личности с информационно-коммуникационными технологиями [1; 2; 3; 4], в рамках которых разрабатывались оригинальные методики. В частности, разработана методика оценки цифровой компетентности родителей и подростков. Тем не менее компетентность в ИКТ и вовлеченность в использование ИКТ — это разные характеристики индивида.

Таким образом, мы видим, что существующие методики сводятся к рассмотрению вовлеченности в использование ИКТ как определенной активности людей

в социальных сетях, в то время как информационно-коммуникационные технологии уже применяются и в других сферах жизни людей, например, продажа и приобретение товаров, получение образовательных услуг и др., что требует большего внимания со стороны исследователей.

Соответственно, мы поставили перед собой задачу разработать теоретическую структуру концепта «вовлеченность личности в использование информационно-коммуникационных технологий», которая бы охватывала максимально возможное количество сторон данного процесса. А также разработать стандартизированную психологическую методику, позволяющую оценить данный конструкт.

Опираясь на существующие исследования, мы выделили 4 важных параметра, с которыми может быть связано взаимодействие с ИКТ у современного человека.

1. Разнообразие сфер использования ИКТ (в работе, учебе, для развлечений). Данный параметр оценивает, насколько часто в течение дня индивид взаимодействует с техническими устройствами — компьютером, ноутбуком, планшетом и др. Одни люди взаимодействуют с техническими устройствами только на работе, другие — на работе и дома, третьи постоянно носят с собой ноутбук или планшет. Также цели такого взаимодействия могут быть различными, но в данном случае важно оценить, насколько само по себе взаимодействие с различными информационными техническими устройствами заполняет жизнь конкретного человека.

2. Экономические действия в интернете — покупка, продажа при помощи интернета, оплата штрафов, налогов и т.д. В настоящее время наличные деньги играют все меньшую роль в нашей жизни, а наши экономические действия, которые

чрезвычайно важны и являются важной частью нашей жизни, все более уходят в виртуальное пространство. Соответственно, важно оценить, насколько экономические действия того или иного человека ушли в виртуальное пространство. Совершает ли он все покупки за наличные деньги или даже заказ одежды для примерки осуществляет в интернете?

3. Общение с использованием ИКТ, прежде всего, смартфона. Общение — это одна из основных деятельности взрослого индивида, поэтому важно оценивать, насколько оно становится виртуальным у конкретного человека, насколько полно средства ИКТ используются им в данной деятельности. Средства ИКТ все больше замещают общение лицом к лицу. Люди реже встречаются, но чаще связываются с помощью интернета. В последнее время люди начинают предпочитать мессенджеры общению по телефону. В то же время использование видеосвязи позволяет чаще видиться родным. То есть общение становится все более виртуальным, но в то же время более полным. Качество и частота коммуникаций меняются благодаря ИКТ.

4. Коммуникация в социальных сетях. Социальные сети сами по себе начинают играть в нашей жизни важную роль — в них люди общаются, узнают новости, знакомятся, работают, используют их для отдыха и мн. др. Проведенный выше обзор показал, что практически все методики оценки вовлеченности в использование ИКТ касаются использования социальных сетей. Поэтому мы отдельно включаем данный индикатор в структуру индекса оценки вовлеченности в использование ИКТ.

Эти теоретически выделенные области легли в основу измеряемых конструкций, или шкал.

Программа исследования

Выборка. Поскольку опрос проводился в два этапа, исследование включало две выборки. В первую, основную выборку вошли 859 респондентов (из них 32% мужчины), средний возраст которых $M=36,1$ ($\sigma=11,5$). Около 66% респондентов имели высшее образование, остальные — либо средне-специальное, либо незаконченное высшее (студенты). Также важно отметить, что 77% респондентов работали. Во вторую выборку, с опорой на которую оценивалась внешняя валидность, вошел 171 респондент (из них 35% мужчины), каждый из которых входил в возрастной диапазон от 25 до 44 лет. Около 70% второй выборки имели высшее образование, остальные респонденты — либо средне-специальное, либо незаконченное высшее (студенты).

Процедура. Опираясь на описанное выше теоретическое представление о структуре вовлеченности в использование ИКТ, авторами было разработано избыточное количество утверждений для каждого из 4-х вышеуказанных параметров (25 утверждений). Далее после обсуждения количество утверждений в опроснике было сокращено до 16-и. Затем был проведен опрос на выборке, включающей 859 респондентов. С опорой на данную выборку мы верифицировали теоретически предложенную структуру вовлеченности в использование ИКТ, а также оценили надежность-согласованность как всего индекса оценки вовлеченности в использование ИКТ, так и отдельных его компонентов (шкал методики).

Затем на выборке, в которую вошел 171 респондент, мы оценили внешнюю валидность методики. При оценке эмпирической валидности оценивалась связь

индекса вовлеченности в использование ИКТ с вопросами из Европейского социального исследования (ESS), измеряющими активность использования интернета. Оценка проводилась при помощи корреляционного анализа.

Инструментарий.

Инструментарий первого этапа (оценка внешней структуры и надежности) включал только авторскую методику оценки вовлеченности в использование ИКТ. Данная методика включала 16 вопросов, направленных на оценку вовлеченности личности в использование ИКТ.

Инструментарий второго этапа (оценка эмпирической валидности).

а) Использовалась та же самая авторская методика оценки вовлеченности в использование ИКТ, которая применялась на первом этапе исследования.

б) Для оценки внешней валидности нами использовались 2 вопроса из Европейского социального исследования (ESS). Данные вопросы оценивают активность использования интернета.

«Как часто Вы заходите в Интернет — по работе или с личными целями — не важно, с какого устройства — компьютера, планшета, через смартфон или любое другое устройство?» Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — «никогда» до 5 — «каждый день»).

«В обычный день примерно сколько времени Вы проводите в Интернете — по работе или с личными целями — не важно, через какое устройство — компьютер, планшет, смартфон или любое другое? Пожалуйста, дайте ответ в часах и минутах». Затем интервьюер записывал количество часов и минут. Далее при вводе данных в компьютер часы переводились в минуты, и для каждого респондента указывалось определенное число минут,

которые он ежедневно проводит в интернете в среднем.

На обоих этапах исследования опросник также включал вопросы, направленные на оценку социально-демографических характеристик респондентов: пол, возраст, уровень религиозности и уровень дохода респондентов.

Обработка данных. При обработке данных на первом этапе анализа мы использовали эксплораторный факторный анализ (метод выделения факторов: анализ методом главных компонент; метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера), конфирматорный факторный анализ для оценки структуры разрабатываемого нами индекса вовлеченности в использование ИКТ, а также коэффициент альфа Кронбаха для оценки надежности-согласованности шкал.

На втором этапе анализа оценивалась внешняя валидность разрабатываемого нами индекса. Для этого был проведен корреляционный анализ связи индекса вовлеченности в использование ИКТ с показателями активности использования интернета (на основе вопросов из ESS). Предполагалось, что разрабатываемый авторами индекс вовлеченности в использование ИКТ должен быть позитивно связан с фактической активностью использования индивидом интернета. Для обработки данных использовались программы SPSS 19.0 и AMOS 20.

Результаты исследования

1. Результаты эксплораторного факторного анализа.

Цель данного этапа анализа состояла в определении числа факторов, на которые раскладываются вопросы разработанной нами методики, и того, насколько

ко предложенная нами теоретическая и заложенная в методику структура вовлеченности в использование ИКТ подтверждается результатами эксплораторного факторного анализа.

Для определения оптимального числа факторов был построен график нормализованного простого стресса (рис. 1). Как видно на графике, четырехфакторная структура соответствует нашим данным.

Далее был проведен эксплораторный факторный анализ. Четырехфакторная структура показала приемлемые показатели пригодности: КМО=0,788; тест сферичности Бартлетта составил 2620,1, $p < 0,001$. Четырехфакторная структура объясняет 50,5% дисперсии данных (табл. 1).

Таким образом, теоретическая четырехфакторная структура является вполне подходящей к полученным данным. Если посмотреть на содержание четырех выделенных факторов, то их можно интерпретировать следующим образом.

Первый фактор (F1) представлен 6-ю утверждениями опросника и может быть интерпретирован как «Экономические действия в интернете». На долю данного фактора приходится 14,97% объясненной дисперсии.

Второй фактор (F2) представлен 4-мя утверждениями опросника и может быть интерпретирован как «Коммуникация в социальных сетях». На долю данного фактора приходится 13,78% объясненной дисперсии.

Третий фактор (F3) представлен 2-мя утверждениями опросника и может быть интерпретирован как «Использование смартфона». На долю данного фактора пришлось 11,0% объясненной дисперсии.

Четвертый фактор (F4) представлен 4-мя утверждениями опросника и может быть интерпретирован как «Разнообразие сфер использования ИКТ». На долю данного фактора пришлось 10,7% объясненной дисперсии.

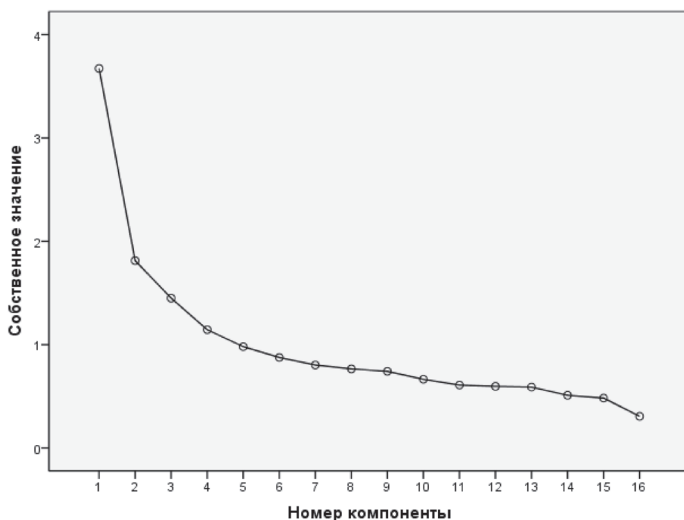

Рис. 1. График критерия отсеивания факторов

Таблица 1

Результаты эксплораторного факторного анализа методики оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий

№	Формулировки утверждений	Факторы			
		F1	F2	F3	F4
14	Как часто Вы совершаете коммунальные и иные платежи через интернет (оплата квитанций, интернета, телефона и др.)?	0,733	-0,031	0,077	0,077
13	Как часто Вы пользуетесь электронными порталами для получения государственных услуг (медицина, образование, штрафы, налоги, документы и др.)?	0,723	0,072	-0,012	0,072
12	Пользуетесь ли Вы интернетом для совершения продаж чего-либо, например, через сайты Юла, Авито и др. или каким-либо другим способом?	0,683	0,183	-0,037	-0,038
11	Насколько часто Вы оплачиваете услуги и/или покупки в интернет-магазинах, на интернет-сервисах и/или интернет-платформах, используя пластиковую карту?	0,550	0,034	0,196	0,247
15	Как часто Вы пользуетесь онлайн-приложениями для получения разных видов услуг (такси, онлайн-бронирования, заказ еды, запись в салон и др.)?	0,444	0,083	0,352	0,283
10	Насколько часто Вы оплачиваете услуги и/или покупки в интернет-магазинах, на интернет-сервисах или интернет-платформах, используя электронные денежные системы (Веб-Мани, Яндекс Деньги, КиВи-кошелек и др.)?	0,420	0,258	-0,262	0,259
8	Насколько часто Вы используете социальные сети (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники) для общения с друзьями?	0,005	0,820	0,284	-0,053
7	Насколько часто Вы используете социальные сети (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники) для просмотра новостей или отдыха (прослушивания музыки)?	-0,006	0,721	0,420	-0,049
9	Насколько часто Вы используете социальные сети (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники) для работы?	0,147	0,692	-0,086	0,241
5	Ведете ли Вы свой блог (дневник) в интернете?	0,195	0,511	-0,154	0,231
4	Насколько часто Вы используете смартфон (сенсорный телефон) для выхода в интернет?	-0,007	0,076	0,774	0,091
6	Насколько часто Вы пользуетесь для общения или работы специальными мессенджерами (Вайбер, Ватсап, Телеграм, Фейсбук Мессенджер и др.), которые есть на смартфонах или планшетных компьютерах?	0,158	0,083	0,770	0,122
3	Насколько часто Вы берете с собой ноутбук или планшетный компьютер для работы или развлечений?	0,065	0,159	0,026	0,748

№	Формулировки утверждений	Факторы			
		F1	F2	F3	F4
1	Насколько часто Вы пользуетесь компьютером, планшетным компьютером или ноутбуком в повседневной жизни?	0,050	-0,073	0,172	0,656
16	Используете ли Вы какие-либо обучающие онлайн-ресурсы интернета (например, видеокурсы, образовательные онлайн-платформы и т.п.)?	0,198	0,337	-0,027	0,539
2	Используете ли Вы smart-часы или фитнес-браслет?	0,249	0,049	0,103	0,277

Примечание: Полужирным выделены нагрузки по утверждениям, которые были включены в соответствующие факторы.

Примечательно, что, несмотря на разное количество вопросов в каждом факторе, процент объясненной ими дисперсии не различается существенно.

2. Результаты конфирматорного факторного анализа.

Цель второго этапа исследования состояла в том, чтобы при помощи конфирматорного факторного анализа уточнить содержание шкал. Для достижения данной цели при по-

мощи конфирматорного факторного анализа мы протестировали модель, полученную на первом этапе при помощи эксплораторного факторного анализа. Первоначально статистические характеристики данной модели были ниже приемлемых значений, и мы, опираясь на индексы модификации, внесли изменения в содержание факторов.

На рис. 2 представлен окончательный вариант модели, иллюстрирующей содержание шкал.

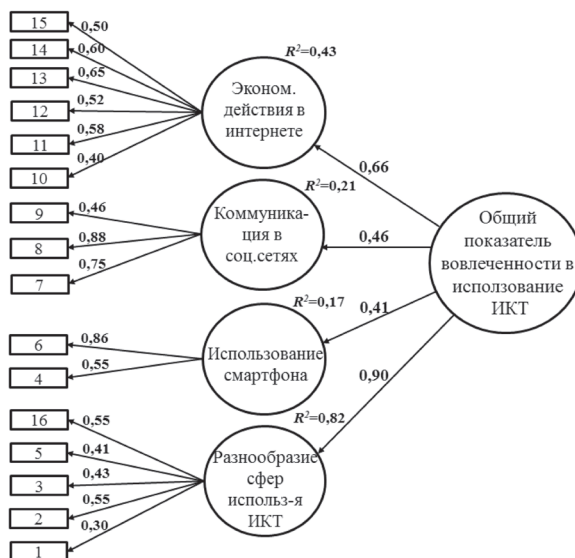

Рис. 2. Графическое представление результатов конфирматорного факторного анализа методики оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий

Модель, представленная на рис. 2, имеет хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df=2,9$; CFI=0,93; RMSEA=0,047; PCLOSE=0,722.

Как следует из модели, первый фактор (Экономические действия в интернете) полностью воспроизвелся также и при конфирматорном факторном анализе. Один из вопросов (Ведете ли Вы свой блог (дневник) в интернете?) из второго фактора (Коммуникация в социальных сетях) перешел в четвертый фактор (Разнообразие сфер использования ИКТ). По всей видимости, ведение дневника в интернете говорит о частоте и постоянстве использования ИКТ, поэтому в СФА этот вопрос оказался наиболее тесно связанным именно с четвертым фактором. Третий фактор (Использование смартфона) остался неизменным.

3. Результаты оценки валидности.

При оценке эмпирической валидности мы оценивали взаимосвязь результатов, полученных по четырем шкалам разработанной нами методики, с результатами, полученными при помощи близких и широко используемых шкал (шкалы из ESS для оценки частоты ис-

пользования интернета и ежедневной продолжительности использования интернета). Предполагалось, что результаты, полученные с помощью авторской методики, будут положительно коррелировать с результатами, полученными при помощи двух вышеуказанных шкал.

Также мы оценили внешнюю валидность путем оценки связи всего показателя вовлеченности в использование ИКТ с социально-демографическими характеристиками респондентов: возраст, доход, уровень образования, уровень религиозности. Предполагалось, что показатель продемонстрирует отрицательную связь с возрастом, поскольку молодежь больше вовлечена в использование ИКТ. Также мы ожидали положительную связь с доходом, поскольку покупка и активное использование технических устройств требует денег, и, скорее всего, люди с более высоким доходом будут активнее их использовать. Кроме того, мы ожидали отсутствие связи с религиозностью и, скорее, положительную связь с образованием.

а) *Взаимосвязь шкал авторской методики со шкалами из ESS для оценки частоты использования и ежедневной продолжительности использования интернета.*

Таблица 2

Взаимосвязь шкал авторской методики со шкалами из ESS по оценке частоты использования и ежедневной продолжительности использования интернета

Шкалы	1	2	3	4	5	6
1. Частота использования интернета	1	0,19*	0,13	0,18*	0,14	0,13
2. Продолжительность использования интернета, в минутах	0,19*	1	0,17*	0,05	0,02	0,16*
3. Экономические действия в интернете	0,13	0,17*	1	0,24**	0,11	0,34***
4. Коммуникация в социальных сетях	0,18*	0,15	0,24**	1	- 0,06	0,29***
5. Использование смартфона	0,14	0,02	0,11	- 0,06	1	0,09
6. Разнообразие сфер использования ИКТ	0,13	0,16*	0,34***	0,29***	0,09	1

Условные обозначения: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Из табл. 2 видно, что шкала «Экономические действия в интернете» позитивно коррелирует с ежедневной продолжительностью использования интернета (в минутах). Шкала «Коммуникация в социальных сетях» позитивно связана с частотой использования интернета. Шкала «Использование смартфона» статистически значимо не связана ни с одной из шкал опросника из ESS, что вполне ожидаемо, поскольку в вопросах методики из ESS нет акцента на использование смартфона. Шкала «Разнообразие сфер использования ИКТ» позитивно связана с ежедневной продолжительностью использования интернета (в минутах). Шкалы авторского опросника оценки вовлеченности в использование ИКТ вполне ожидаемо и логично позитивно коррелируют с вопросами оценки использования интернета. Таким образом, мы получаем подтверждение эмпирической валидности нашего опросника.

б) Взаимосвязь ИВЛ-ИКТ с социально-демографическими характеристиками респондентов.

При оценке внешней валидности в целом результаты подтвердили изначальные предположения. Данные, полученные при помощи авторской методики, были отрицательно связаны с возрастом респондентов, положительно — с уровнем дохода, а

также не связаны с уровнем религиозности. Мы ожидали получить позитивную связь с уровнем образования, однако статистически значимой связи выявлено не было. Видимо, ИКТ настолько широко распространены, что вовлеченность в их использование растет независимо от уровня образования людей. В целом мы можем сказать, что внешняя валидность нашей методики также подтверждается (табл. 3).

Обсуждение результатов

В данной статье представлена авторская методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий. Данная методика включает в себя 4 фактора. Первый фактор — «Экономические действия в интернете» — позволяет оценить использование ИКТ для покупок, продаж, разных услуг, например, государственных услуг и пр. Второй фактор — «Коммуникация в социальных сетях» — предполагает оценку использования социальных сетей для работы, общения с друзьями, просмотра новостей и пр. Третий фактор — «Использование смартфона» — связан с активностью использования смартфона и его приложений. Четвертый фактор — «Разнообразие

Таблица 3

Взаимосвязь общего показателя вовлеченности в использование ИКТ с социально-демографическими характеристиками респондентов

Переменные	1	2	3	4	5
1. Общий показатель вовлеченности в использование ИКТ	1	- 0,30***	0,05	- 0,01	0,17*
2. Возраст	- 0,30***	1	- 0,07	- 0,02	- 0,01
3. Религиозность	0,05	- 0,07	1	- 0,06	- 0,22**
4. Уровень образования	- 0,01	- 0,02	- 0,06	1	0,21**
5. Уровень дохода	0,17*	- 0,01	- 0,22**	0,21**	1

Условные обозначения: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

сфер использования ИКТ» — оценивает широту сфер, в которых индивид использует информационно-коммуникационные технологии, например, для работы, отдыха, здоровья, образования и др. Окончательный вариант методики вместе с ключами представлен в Приложении.

Использование подобной методики открывает широкие возможности для ее применения в исследовательских целях — для изучения связи вовлеченности в использование ИКТ с особенностями личности, личностными расстройствами, ценностями, какими-либо навыками и т.д. Например, с помощью данной методики можно протестировать так называемую «гипотезу позитивной ассоциации», которая предполагает наличие позитивной связи между поведением в интернете и повседневным социальным поведением [13]. Одним из таких примеров социального поведения можно рассматривать просоциальное поведение.

Также возможно использование данной методики в практических, диагностических целях. Например, можно оценить уровень общей вовлеченности индивида в использование ИКТ или оценить, в какой из сфер он преимущественно использует ИКТ. Результаты, полученные с помощью данной методики, могут косвенно указывать на уровень цифровой компетентности личности. Однако исследование того, как шкалы авторской методики связаны с цифровой компетентностью личности [4], еще предстоит провести.

Стоит заметить, что разработанная методика оценивает общий уровень коммуникации в социальных сетях без оценки такого вида активности, как участие в тематических онлайн-группах (группы взаимопомощи, дискуссионные площадки, локальные городские интернет-сообщества и т.п.), поскольку членство в данных груп-

пах может уже потенциально быть связано с зависимыми переменными (например, идентичностью, социальным капиталом и т.д.). Данный вид активности в социальных сетях важен, и, возможно, внесение его в методику наряду с другими видами активности в интернете может быть возможным направлением совершенствования данного инструментария в будущем.

Выводы

1. Разработана концептуальная структура для оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий. Данная структура включает четыре измерения: «Экономические действия в интернете», «Коммуникация в социальных сетях», «Использование смартфона», «Разнообразие сфер использования ИКТ».

2. С опорой на разработанный подход к структуре вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий была разработана и валидизирована авторская методика для оценки данной вовлеченности.

3. Разработанная авторами методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий является надежной и валидной. Четырехфакторная структура данного конструкта была подтверждена при помощи эксплораторного факторного анализа, а затем с небольшими уточнениями — при помощи конфирматорного факторного анализа.

4. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях, в частности, в профотборе или диагностике.

Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий

1. Сейчас Вам будет задано несколько вопросов, касающихся использования компьютера и интернета. Пожалуйста, внимательно прочитайте вопросы. Для каждого вопроса выберите только один вариант ответа.

№	Вопросы	Никогда	Реже 1 раза в месяц	1 раз в месяц	Несколько раз в неделю	Ежедневно
1	Насколько часто Вы пользуетесь компьютером, планшетным компьютером или ноутбуком в повседневной жизни?					
2	Используете ли Вы смарт-часы или фитнес-браслет?					
3	Насколько часто Вы берете с собой ноутбук или планшетный компьютер для работы или развлечений?					
4	Насколько часто Вы используете смартфон (сенсорный телефон) для выхода в интернет?					
5	Ведете ли Вы свой блог (дневник) в интернете?					
6	Насколько часто Вы пользуетесь для общения или работы специальными мессенджерами (Вайбер, Ватсап, Телеграм, Фейсбук Мессенджер и др.), которые есть на смартфонах или планшетных компьютерах?					
7	Насколько часто Вы используете социальные сети (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники) для просмотра новостей или отдыха (прослушивания музыки)?					
8	Насколько часто Вы используете социальные сети (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники) для общения с друзьями?					
9	Насколько часто Вы используете социальные сети (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники) для работы?					
10	Насколько часто Вы оплачиваете услуги и/или покупки в интернет-магазинах, на интернет-сервисах или интернет-платформах, используя электронные денежные системы (Веб-Мани, Яндекс Деньги, КиВи-кошелек и др.)?					
11	Насколько часто Вы оплачиваете услуги и/или покупки в интернет-магазинах, на интернет-сервисах и/или интернет-платформах, используя пластиковую карту?					
12	Пользуетесь ли Вы интернетом для совершения продаж чего-либо, например, через сайты Юла, Авито и др. или каким-либо другим способом?					

№	Вопросы	Никогда	Реже 1 раза в месяц	1 раз в месяц	Несколько раз в неделю	Ежедневно
13	Как часто Вы пользуетесь электронными порталами для получения государственных услуг (медицина, образование, штрафы, налоги, документы и др.)?					
14	Как часто Вы совершаете коммунальные и иные платежи через интернет (оплата квитанций, интернета, телефон и др.)?					
15	Как часто Вы пользуетесь онлайн-приложениями для получения разных видов услуг (такси, онлайн-бронирования, заказ еды, запись в салон и др.)?					
16	Используете ли Вы какие-либо обучающие онлайн-ресурсы интернета (например, видеокурсы, образовательные онлайн-платформы и т.п.)?					

Ключи:

- «Разнообразие сфер использования ИКТ» — 1, 2, 3, 5, 16;
- «Использование смартфона» — 4, 6;
- «Коммуникация в социальных сетях» — 7, 8, 9;
- «Экономические действия в интернете» — 10, 11, 12, 13, 14, 15.

По каждой шкале подсчитывается среднее значение. Общий показатель вовлеченности в использование индивидом ИКТ рассчитывается как среднее значение всех вопросов методики.

Литература

1. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 27–35.
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
3. Солдатова Г.У., Шляпников В.Н. Цифровая компетентность российских педагогов // Психологическая наука и образование. 2015. № 20 (4). С. 5–18. doi: 10.17759/pse.2015200401
4. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
5. Aesaert K., van Braak J. Gender and socioeconomic related differences in performance based ICT competences // Computer and Education. 2015. № 84. P. 8–25.
6. Aesaert K., van Nijlen D., Vanderlinde R., van Braak J. Direct measures of digital information processing and communication skills in primary education: Using item

- response theory for the development and validation of an ICT competence scale // *Computer and Education*. 2014. № 76. P. 168–181.
7. *Brayfield A.H., Rothe H.F.* An index of job satisfaction // *Journal of Applied Psychology*. 1951. № 35 (5). P. 307–311.
8. *Chen H.-T., Li X.* The contribution of mobile social media to social capital and psychological well-being: Examining the role of communicative use, friending and self-disclosure // *Computer in Human Behavior*. 2017. № 75. P. 958–965.
9. *Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* Connection strategies: Social capital implications of Facebook-enabled communication practices // *New Media and Society*. 2011. № 13 (6). P. 873–892.
10. European Commission. Key competences for lifelong learning. European reference framework. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. 16 p.
11. *Huang L.V., Liu P.L.* Ties that work: Investigating the relationships among coworker connections, work-related Facebook utility, online social capital, and employee outcomes // *Computers in Human Behavior*. 2017. № 72. P. 512–524.
12. International Society for Technology in Education. National educational technology standards for students (2nd ed.) [Electronic resource]. Washington: ISTE, 2007. URL: http://www.iste.org/Content/NavigationMenu/NETS/ForStudents/2007Standards/NETS_for_Students_2007_Standards.pdf (Accessed 10.01.2020).
13. *Ma H.K., Li S.C., Pow J.W.* The relation of Internet use to prosocial and antisocial behavior in Chinese adolescents // *Cyberpsychology, behavior and social networking*. 2011. № 14 (3). P. 123–130.
14. *Markauskaite L.* Exploring the structure of trainee teachers' ICT literacy: the main components and relationships between general cognitive and technical capabilities // *Educational Technology Research and Development*. 2007. № 55 (6). P. 547–572.
15. *Martin A.* Literacies for the digital age: preview of part 1 // *Digital literacies for learning* / In A. Martin, D. Madigan (ed.). London: Facet Publishing, 2006, pp. 3–25.
16. *Saeed A., Mudasir M., Ahsan U.* Association of demographics, motives and intensity of using Social Networking Sites with the formation of bonding and bridging social capital in Pakistan // *Computer in Human Behavior*. 2016. № 57. P. 107–114.
17. *Warner-Söderholm G., Bertsch A., Sawe E., Lee D., Wolfe T., Meyer J., Engel J., Fatilua U.N.* Who trusts social media? // *Computers in Human Behavior*. 2018. № 81. P. 303–315.
18. *Williams D.* On and off the 'net: scales for social capital in an online era // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2006. № 11. P. 593–628.
19. *Williams L.J., Anderson S.E.* Job satisfaction and organizational commitment as predictors of organizational citizenship and in-role behaviors // *Journal of Management*. 1991. № 17 (3). P. 601–617.

References

1. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Psikhologicheskie modeli tsifrovoy kompetentnosti rossiiskikh podrostkov i roditelei [Psychological models of digital competence of Russian

- teenagers and parents]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*, 2014, no. 2 (14), pp. 27–35. (In Russ.).
2. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Russia's digital generation: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p. (In Russ.).
  3. Soldatova G.U., Shlyapnikov V.N. Tsifrovaya kompetentnost' rossiiskikh pedagogov [Digital competence of Russian school teachers.]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2015. Vol. 20, no. 4, pp. 5–18 (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/pse.2015200401.
  4. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Yu. Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditelei [Digital competence of teenagers and parents]. *Rezultaty vserossiiskogo issledovaniya [Results of the all-Russian research]*. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2013. 144 p. (In Russ.).
  5. Aesaerat K., van Braak J. Gender and socioeconomic related differences in performance based ICT competences. *Computers and Education*, 2015, no. 84, pp. 8–25.
  6. Aesaert K., van Nijlen D., Vanderlinde R., van Braak J. Direct measures of digital information processing and communication skills in primary education: Using item response theory for the development and validation of an ICT competence scale. *Computers and Education*, 2014, no. 76, pp. 168–181.
  7. Brayfield A.H., Rothe H.F. An index of job satisfaction. *Journal of Applied Psychology*, 1951, no. 35 (5), pp. 307–311.
  8. Chen H.-T., Li X. The contribution of mobile social media to social capital and psychological well-being: Examining the role of communicative use, friending and self-disclosure. *Computers in Human Behavior*, 2017, no. 75, pp. 958–965.
  9. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. Connection strategies: Social capital implications of Facebook-enabled communication practices. *New Media and Society*, 2011, no. 13 (6), pp. 873–892.
  10. European Commission. Key competences for lifelong learning. European reference framework. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. 16 p.
  11. Huang L.V., Liu P.L. Ties that work: Investigating the relationships among coworker connections, work-related Facebook utility, online social capital, and employee outcomes. *Computers in Human Behavior*, 2017, no. 72, pp. 512–524.
  12. International Society for Technology in Education. National educational technology standards for students (2nd ed.) [Electronic resource]. Washington: ISTE, 2007. URL: http://www.iste.org/Content/NavigationMenu/NETS/ForStudents/2007Standards/NETS_for_Students_2007_Standards.pdf (Accessed 10.01.2020).
  13. Ma H.K., Li S.C., Pow J.W. The relation of Internet use to prosocial and antisocial behavior in Chinese adolescents. *Cyberpsychology, behavior and social networking*, 2011, no. 14 (3), pp. 123–130.
  14. Markauskaite L. Exploring the structure of trainee teachers' ICT literacy: the main components and relationships between general cognitive and technical capabilities. *Educational Technology Research and Development*, 2007, no. 55 (6), pp. 547–572.
  15. Martin A. Literacies for the digital age: preview of part 1. In A. Martin, D. Madigan (ed.) *Digital literacies for learning*. London: Facet Publishing, 2006, pp. 3–25.

16. Saeed A., Mudasir M., Ahsan U. Association of demographics, motives and intensity of using Social Networking Sites with the formation of bonding and bridging social capital in Pakistan. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 57, pp. 107–114.
17. Warner-Söderholm G., Bertsch A., Sawe E., Lee D., Wolfe T., Meyer J., Engel J., Fatilua U.N. Who trusts social media? *Computers in Human Behavior*, 2018, no. 81, pp. 303–315.
18. Williams D. On and off the 'net: scales for social capital in an online era. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2006, no. 11, pp. 593–628.
19. Williams L.J., Anderson S.E. Job satisfaction and organizational commitment as predictors of organizational citizenship and in-role behaviors. *Journal of Management*, 1991, no. 17 (3), pp. 601–617.

Информация об авторах

Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Макласова Екатерина Владимировна, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4857-9261>, e-mail: emaklasova@hse.ru

Лешокова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: zlepshokova@hse.ru

Галыпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Ефремова Мария Викторовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru

Дубров Дмитрий Игоревич, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Бульцева Мария Александровна, младший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Бушина Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Миронова Анна Алексеевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: amironova@hse.ru

Information about the authors

Alexander N. Tatarko, Doctor of Psychology, Chief Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Ekaterina V. Maklasova, Postgraduate Student, Research Intern, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4857-9261>, e-mail: emaklasova@hse.ru

Zarina K. Lepshokova, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: zlepshokova@hse.ru

Victoria N. Galyapina, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Mariya V. Efremova, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-1451>, e-mail: mefremova@hse.ru

Dmitrii I. Dubrov, PhD in Psychology, Junior research fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Maria A. Bultseva, Junior research fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Ekaterina V. Bushina, PhD in Psychology, Senior research fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Anna A. Mironova, PhD in Sociology, Research Fellow, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>, e-mail: amironova@hse.ru

Получена 30.01.2020

Received 30.01.2020

Принята в печать 21.02.2020

Accepted 21.02.2020

Структура самопрезентации подростков в реальном общении и социальных сетях

Федоров В.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ),*

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8289-3775>, e-mail: val.vl.fed@yandex.ru

Цели исследования состоят в разработке опросников, позволяющих оценить выраженность характеристик самопрезентации подростков в реальном и цифровом коммуникативных пространствах, а также в сравнении основных структурных компонентов самопрезентации.

Контекст и актуальность исследования. Современные подростки являются активными пользователями социальных сетей. На данный момент не так много исследований, посвященных изучению характеристик самопрезентации подростков и их сравнению в реальном и цифровом коммуникативных пространствах. Существует недостаток в исследовательском инструментарии, позволяющем оценивать выраженность характеристик самопрезентации подростков.

Дизайн исследования. Исследование включало 6 основных этапов: 1) выявление содержательных характеристик подростков, свойственных им в реальном и цифровом коммуникативных пространствах; 2) составление двух опросников для выявления выраженности характеристик самопрезентации в реальном и цифровом коммуникативных пространствах; 3) проведение исследования с использованием двух опросников для выявления выраженности характеристик самопрезентации подростков; 4) поиск факторных структур компонентов самопрезентации подростков; 5) экспертный анализ содержания выявленных компонентов и присвоение им названий; 6) сопоставление выявленных компонентов самопрезентации подростков в реальном общении и общении в социальной сети.

Выборка состояла из 290 учащихся подросткового возраста (44% мужского пола, 56% — женского) с 6 по 9 классы общеобразовательной школы г. Москвы.

Методы. Для определения характеристик подростков, свойственных им в реальном и цифровом коммуникативных пространствах, использовалась авторская модификация методики М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?». Для определения выраженности характеристик самопрезентации подростков были разработаны два авторских опросника. Для поиска факторных структур компонентов самопрезентации применялся эксплораторный факторный анализ, метод главных компонент. Вычисления проводились в программе SPSS 23.0.

Результаты. Выявлены наиболее сильные и устойчивые компоненты самопрезентации подростков в реальном коммуникативном пространстве и коммуникативном пространстве социальной сети — «Дружелюбность», «Враждебность», «Талантлив-СС ВУ-NC

вость и оригинальность», «Популярность» и «Робость». Эти компоненты имеют содержательные сходства с известными типами самопрезентаций в отечественных и зарубежных классификациях, что подтверждает их содержательную валидность.

Основные выводы. Частные акты самопрезентации подростков в реальном коммуникативном пространстве и коммуникативном пространстве социальной сети могут быть объединены в группы, образующие структурные компоненты самопрезентации. Устойчивые структурные компоненты самопрезентации подростков в реальном и цифровом коммуникативных пространствах совпадают по смыслу, но имеют внутренние содержательные отличия.

Ключевые слова: подростковый возраст, цифровая коммуникация, самопрезентация, структура самопрезентации, социальная сеть, реальное коммуникативное пространство, цифровое коммуникативное пространство.

Для цитаты: Федоров В.В. Структура самопрезентации подростков в реальном общении и социальных сетях // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 180–192. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110111>

The structure of self-presentation of adolescents in real communication and social networks

Valery V. Fyodorov

*Moscow State University of Psychology & Education,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8289-3775>, e-mail: val.vl.fed@yandex.ru

Research objectives are to develop questionnaires to assess the severity of the characteristics of self-presentation of adolescents in real and digital communication spaces, as well as to compare the main structural components of self-presentation of adolescents in real and digital communication spaces.

The context and relevance of the study. Modern teens are active users of social networks. At the moment there are not so many scientific works devoted to the study of the characteristics of self-presentation of adolescents and their comparison in real and digital communication spaces. There is a lack of research tools to assess the severity of the characteristics of self-presentation of adolescents.

Study design. The study included 6 main stages: 1) the identification of the substantial characteristics of adolescents inherent in real and digital communicative spaces; 2) compilation of two questionnaires to identify the severity of the characteristics of self-presentation in real and digital communicative spaces; 3) a study using these two questionnaires to identify the severity of the characteristics of self-presentation of adolescents; 4) the search for factor structures of components of self-presentation of adolescents; 5) expert analysis of the contents of the identified components and their assignment of names; 6) a comparison of the identified components of the self-presentation of adolescents in real communication and social networking.

The sample consisted of 290 teenage students (44% male, 56% female) from grades 6 to 9 of a comprehensive school in Moscow.

Methods. *To the characteristics of adolescents that are characteristic of them in real and digital communication spaces, we used the author's modification of the method of M. Kuhn and T. MacPartland "Who Am I?". To determine the severity of the characteristics of self-presentation of adolescents, two author questionnaires were developed. To search for the factor structures of self-presentation components, an exploratory factor analysis, the principal component method, was used. The calculations were carried out in the SPSS 23.0 program.*

Results. *The strongest and most stable components of the self-presentation of adolescents in the real communicative space and in the communicative space of a social network were revealed – "Friendliness", "Hostility", "Talent and Originality", "Popularity" and "Shyness". These components have substantial similarities with the known types of self-presentations in domestic and foreign classifications, which confirms their substantial validity.*

Main conclusions. *Private acts of self-presentation of adolescents in the real communicative space and in the communicative space of a social network can be combined into groups that form the structural components of self-presentation. The stable structural components of the self-presentation of adolescents in the real and digital communicative space coincide in meaning, but have internal substantive differences.*

Keywords: *adolescence, digital communication, self-presentation, structure of self-presentation, social network, real communication space, digital communication space.*

For citation: Fyodorov V.V. The structure of self-presentation of adolescents in real communication and social networks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 180–192. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110111> (In Russ.).

Введение

Современные подростки, имея выраженную потребность в интимно-личностном общении (Д.Б. Эльконин), получили возможность ее удовлетворения не только в реальном общении, но и в цифровом коммуникативном пространстве, частным случаем которого являются социальные сети — ВКонтакте, Facebook, Instagram и др. По результатам нашего исследования [8], основным видом деятельности подростков в социальной сети является общение со знакомыми и друзьями.

Неотъемлемым атрибутом человеческого общения является самопрезентация, имеющая важное значение на

протяжении всей жизни, определяя его успешность. Первые фундаментальные исследования самопрезентации появились на рубеже 50–60-х годов прошлого столетия, в число которых вошла работа Ирвина Гоффмана «Представление себя другим в повседневной жизни» («Presentation of Self in Everyday Life», 1959) [12]. Количество исследований, связанных с самопрезентацией личности, продолжает расти и в настоящее время. Одна из вероятных причин этого — появление компьютерных социальных сетей, в которых процесс самопрезентации личности играет важную роль и требует изучения.

Вслед за О.А. Пикулёвой под самопрезентацией мы понимаем в различ-

ной степени осознаваемый и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления Я-информации в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации с учетом специфики социальной ситуации [6].

Самопрезентация играет особую роль в подростковом возрасте, помогая решать основные задачи развития этого периода. Центральным системным новообразованием подросткового возраста, по мнению Л.И. Божович, является новый уровень самосознания, который предполагает способность подростка познавать себя как личность, как неповторимую индивидуальность. В результате у подростка возникает необходимость в самовоспитании, самовыражении и самоутверждении среди сверстников [1; 7]. Наряду с формированием самосознания в подростковом возрасте ряд авторов отмечают значимую роль самопрезентации в формировании, подтверждении и уточнении Я-концепции, идентичности, Я-образа и т.д. [6; 16]. С точки зрения А.В. Петровского, под влиянием потребности в персонализации на этапе индивидуализации подростки склонны к демонстрации своей индивидуальности в референтной группе сверстников (быть самими собой) в противовес более раннему периоду — периоду адаптации, когда детям присуще быть такими, как все, растворяясь в общей массе [5]. Одним из важных, свойственных подростковому возрасту феноменов, который был обнаружен Д.Б. Элькониным, является «чувство взрослости», ощущение подростком, что он уже не ребенок, и его требование от окружающих отношения к себе как ко взрослому человеку [11]. Чувство взрослости побуждает подростка к изменению своих норм поведения,

ценностей, отношений к себе и действительности так, чтобы, по своему мнению, соответствовать образу взрослого человека. Основным психологическим механизмом, способствующим перевоплощению подростка, является присвоение образцов [7]. Нередко подросток выбирает себе в роли кумира героя фильма или художественного произведения, известного телеведущего, музыканта, артиста, а иной раз даже компьютерного персонажа, у которых перенимает, в первую очередь, внешние атрибуты взрослости — внешний вид и манеру поведения. Удовлетворение основных потребностей в общении, принятии, признании и самовыражении повышает актуальность самопрезентации человека как способа формирования благоприятного впечатления о себе, что, несомненно, влияет на социальную успешность подростка [6].

Как правило, самопрезентация человека очень разнообразна и заметно отличается у разных людей по способам, видам и содержанию. Ряд исследователей предлагают различать самопрезентацию по нескольким основаниям. Например:

- по осознанности действий субъекта — осознаваемая (контролируемая) и неосознаваемая («автоматическая») самопрезентации (И. Гоффман и др.) [12];
- по способу предъявления информации — прямая и косвенная (Р. Чалдини и др.) [10];
- по критерию опосредованности — непосредственная и опосредованная (О.А. Пиккулёва);
- по стремлению получить социальное одобрение («восприимчивая») и избежать потерь в социальном одобрении («защитная») (С. Берглас и И. Джонс);
- по времени осуществления самопрезентационных действий — тактиче-

ская и стратегическая самопрезентации (Дж. Тедеш и В. Мельбург) [6].

В зарубежной литературе выделяют различные стратегии и тактики самопрезентации. Одной из известных классификаций является модель С. Ли, Б. Куигли, М. Неслер, А. Корбетт, Дж. Тедеш, состоящая из 12 тактик самопрезентации. Семь из них направлены на создание определенных новых идентичностей в глазах окружающих (ассертивный тип) — это «желание понравиться» (ingratiation), «примероносительство» (exemplification), «приписывание себе достижений» (entitlement), «преувеличение своих достижений» (enhancement), «просьба/мольба» (supplication), «запугивание» (intimidation), «негативная оценка других» (blasting). Остальные пять тактик направлены на воссоздание утраченной положительной идентичности или на изменение существующей негативной идентичности (защитный тип). Среди них — «извинение» (apology), «отречение» (disclaimer), «оправдание с принятием ответственности» (justification), «оправдание с отрицанием ответственности» (excuse), «препятствование самому себе» (self-handicapping) [14].

При непосредственном наблюдении самопрезентация подростков обычно воспринимается в виде разорванных отдельных элементов, что затрудняет дальнейшие исследования по причине трудности охвата большого количества элементов или принятия решения об исключении каких-либо из них. На наш взгляд, является чрезвычайно важным обобщение отдельных многочисленных актов самопрезентации человека в содержательно осмысленные устойчивые структурные компоненты самопрезентации, что позволит не только более

эффективно формировать необходимое впечатление субъекту самопрезентации, но и разработать психологам соответствующие методики по диагностике самопрезентации.

Несмотря на достаточно продолжительную историю изучения самопрезентации, большинство исследований посвящено изучению юношеского и более старшего возрастов. На данный момент существует не так много современных исследований, посвященных самопрезентации подростков, для которых эта составляющая общения является чрезвычайно важной. Существуют точки зрения, что поведение людей в социальной сети отличается от поведения в реальном общении, что объясняется, в частности, особыми возможностями, которые предоставляет человеку социальная сеть для самопрезентации [2]. С другой стороны, ряд авторов упоминают о том, что в современных социальных сетях стирается анонимность, которая была еще так распространена ранее, и предъявление себя со стороны пользователей социальных сетей становится более правдивым.

Обобщая сказанное, можно отметить нескольких причин, влияющих на необходимость проведения данного исследования. Во-первых, это наличие противоречивых предпосылок относительно сходства самопрезентации людей в реальном и цифровом коммуникативных пространствах; во-вторых, недостаточная изученность самопрезентации в подростковом возрасте; в-третьих, нехватка исследовательского инструментария для изучения самопрезентации подростков. Исследование посвящено изучению структурных компонентов самопрезентации подростков в реальном и цифровом коммуникативных пространствах.

Программа исследования

В данном исследовании проверялась гипотеза, согласно которой существуют различия в основных структурных компонентах самопрезентации подростков, характерных для реального и цифрового коммуникативных пространств.

Для проверки гипотезы мы разбили наше исследование на шесть основных этапов. На первом этапе исследования выявили содержательные характеристики подростков, свойственные им в реальном общении и общении с использованием социальных сетей. Для этих целей мы использовали модифицированную методику М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я? Какой Я?» и авторский вариант модификации этой методики «Кто Я? Какой Я в социальной сети?» с ограничениями ответов до 20.

На втором этапе исследования на основании выявленных ранее характеристик мы составили два опросника «Самопрезентация подростка в реальном общении» и «Самопрезентация подростка в социальной сети», позволяющих определить выраженность качеств самопрезентации подростков в реальном общении со сверстниками и общении в социальной сети.

На третьем этапе было проведено исследование с использованием этих двух опросников на учащихся 6–9 классов в количестве 199 человек (41% мужского пола, 59% — женского). С целью увеличения достоверности получаемых данных опросник «Самопрезентация подростка в социальной сети» проводился только на подростках, у которых опыт использования социальной сети был больше или равен 1,5 годам, периодичность посещения социальной сети — не реже 1 раза в неделю, проводимое в сети время в день посещения — не менее 0,5 часа.

На четвертом этапе с целью определения двух структур самопрезентации подростков результаты измерения отдельных характеристик самопрезентации, полученные на третьем этапе, были проанализированы с помощью эксплораторного факторного анализа методом главных компонент [3; 4].

На пятом этапе проводилась процедура экспертных оценок для анализа содержания и поиска наилучшего названия для выявленных компонентов.

На шестом этапе проводились описание и сопоставление выявленных компонентов самопрезентации подростков в реальном общении и общении в социальной сети.

Результаты исследования

Результатом проведения первого этапа исследования являлось выявление 2829 характеристик подростков, свойственных им в ситуации реального общения. Наиболее встречаемыми после унификации схожих из них оказались следующие характеристики — *добрый, веселый, независимая личность, дружелюбный, ленивый, спортивный, заботливый, смешной, отзывчивый* и др. (всего 81 характеристика).

Также было собрано 1480 характеристик подростков, которыми они себя описывали при общении в социальной сети. После унификации схожих определений выяснилось, что наиболее часто встречаемыми оказались 118 качеств, такие как — *общительный, добрый, веселый, умный, геймер, дружелюбный, внешне привлекательный, любитель музыки, интересный, смешной, спортивный* и др.

Выявленные характеристики для реального и цифрового коммуникативных

пространств были схожими, но имели и различия. На их базе были разработаны два опросника, определяющие степень выраженности характеристик самопрезентации подростков в реальном и цифровом коммуникативных пространствах. Каждый из опросников включал в себя соответствующий набор качеств для оценки демонстрации их подростками в реальном общении и в социальной сети. Каждую характеристику самопрезентации необходимо было оценить по степени ее демонстрации от 0 до 5 баллов, где 0 — данная характеристика не демонстрируется, 5 — демонстрируется очень ярко.

Данные, полученные в результате применения этих двух опросников, были проверены с помощью критерия адекватности выборки КМО и критерия сферичности Барлетта и использованы для проведения эксплораторного факторного анализа [3]. Количество компонентов в факторной структуре определялось с применением сразу нескольких способов: критерия Кайзера, метода «каменистой осыпи», наличия в факторах минимум двух шкал с высокими факторными нагрузками и понятности факторной структуры в целом. В итоге были выявлены две структуры компонентов самопрезентации подростков — для реального и цифрового коммуникативных пространств.

Сгруппированные характеристики были предложены экспертам для оценки с целью определения смыслового содержания и названия каждого компонента — фактора структуры самопрезентации.

В структуру самопрезентации подростков для реального коммуникативного пространства вошли 13 компонентов, объясняющих 60,8% общей дисперсии, а для цифрового коммуникативного пространства — 14 компонентов, объясняющих 56,2% общей дисперсии.

Ниже мы рассмотрим не все, а только самые устойчивые и сильные компоненты выделенных факторных структур. Было обнаружено, что 5 самых сильных компонентов совпадают друг с другом. А именно: «Дружелюбность», «Враждебность», «Талантливость и оригинальность», «Популярность», «Робость».

Обсуждение результатов

Анализируя порядок следования компонентов в факторных структурах для реального и цифрового коммуникативных пространств (см. таблицу), который является показателем значимости этих компонентов, можно отметить, что порядок следования компонентов «Дружелюбность», «Враждебность» и «Робость» одинаковый. Различия наблюдаются только в порядке компонентов «Талантливость и оригинальность» и «Популярность». В структуре реального общения компонент «Талантливость и оригинальность» идет на третьем месте, «Популярность» — на четвертом, а для общения в социальной сети — наоборот.

Разница в порядке следования компонентов «Талантливость и оригинальность» и «Популярность» в разных факторных структурах минимальная, но все же можно предположить, что для подростков является более важным отразить свою популярность в социальной сети, чем продемонстрировать таланты. А для реального общения наоборот — таланты занимают более значимую позицию, чем популярность. Возможно, это связано со сложностью для большинства подростков демонстрации своей популярности в реальном общении.

Порядок компонентов факторных структур в реальном и цифровом коммуникативных пространствах подростков

№	Реальное общение	Общение в социальной сети
1	Дружелюбность	Дружелюбность
2	Враждебность	Враждебность
3	Талантливость и оригинальность	Популярность
4	Популярность	Талантливость и оригинальность
5	Робость	Робость

Несмотря на сходство по смыслу и названию этих компонентов в различных коммуникативных пространствах, они имеют свою внутреннюю специфику.

Компонент «Дружелюбность» в пространстве социальной сети содержит характеристики, отражающие, в первую очередь, конструктивную деятельность направленность подростков на других людей («отзывчивый», «заботливый», «помогающий другим», «защищающий других», «улаживающий конфликты», «патриотичный»). Вместе с ними содержатся характеристики, отражающие расположенность к коммуникации («понимающий», «вежливый», «внимательный к собеседнику», «дружелюбный», «добрый», «общительный», «милый», «открытый для общения», «доверчивый», «интересный», «любящий животных»), воспитанность («ответственный», «благодарный», «воспитанный», «честный»), умственные способности («хороший ученик», «любопытный», «грамотно пишущий слова», «умный»). В пространстве реального общения этот компонент содержит характеристики, отражающие, в первую очередь, воспитанность («честный», «культурный и порядочный», «аккуратный», «спокойный») и расположенность к коммуникации («открытый/искренний», «добрый», «дружелюбный», «вежливый», «доверчивый», «общитель-

ный», «делающий комплименты»). Также присутствуют характеристики, отражающие конструктивную деятельность направленность подростков на других людей («щедрый», «помогающий», «заботливый», «справедливый», «трудолюбивый»).

Компонент «Враждебность» в пространстве социальной сети содержит характеристики, отражающие деструктивную направленность на других («грубый», «конфликтный», «агрессивный», «враждебный», «приносящий вред другим», «злой», «негативно оценивающий других», «опасный для других», «угрожающий другим»), невоспитанность («лживый», «безответственный»), эгоистическую направленность («не уважающий других», «безразличный к другим», «эгоистичный», «аморальный и безнравственный»). В пространстве реального общения этот компонент содержит характеристики, отражающие также деструктивную направленность на других («агрессивный», «злой и враждебный», «оскорбляющий других», «грубый», «запугивающий других», «опасный»), невоспитанность («аморальный и невоспитанный»), эгоистичную направленность («самовлюбленный», «восхваляющий себя перед другими», «преувеличивающий свои достижения», «показывающий превосходство над другими»).

Компонент «Талантливость и оригинальность» в пространстве социальной сети содержит характеристики, отражающие интересы и увлечения подростков («имеющий увлечения», «интересующийся наукой», «интересующийся чем-то», «разносторонне развитый»), способности («способный в чем-то», «эксперт в чем-то», «творческий»), оригинальность («не такой, как все»), намерение получить и делиться своими знаниями и опытом («участник обсуждений», «делится информацией с другими»). В пространстве реального общения этот компонент содержит характеристики, отражающие интересы и увлечения подростков («демонстрирующий свои увлечения и хобби», «разносторонний»), способности («талантливый»), познавательные способности («любопытный»), оригинальность («оригинальный, отличный от других»), результативность («хороший ученик», «целеустремленный», «успешный»), намерение получить и делиться своими знаниями и опытом («участник многих сообществ»). Видно, что в реальном общении, в отличие от общения в социальной сети, появился блок характеристик — результативность.

Компонент «Популярность» в пространстве социальной сети содержит характеристики, отражающие привлекательную внешность («красивый/привлекательный», «модный»), признание окружающих («популярный», «человек, которого уважают», «лидер»), физическую силу («сильный», «спортивный»), ресурсные состояния («уверенный», «хорошо к себе относится», «смелый», «отдыхающий»), признаки взрослости («взрослый», «старше, чем на самом деле», «финансово обеспеченный»), гендерную принадлежность («подчеркивающий, что я парень/девушка»), от-

личительные черты («человек, имеющий собственное мнение», «яркая личность», «превосходящий над другими», «загадочный», «независимый от других»). В пространстве реального общения этот компонент содержит характеристики, отражающие преимущественно позитивный образ подростка («классный», «шутник», «веселый», «смешной», «любящий животных»). Вместе с этим присутствуют характеристики, отражающие отличительные черты («крутой», «интересный», «показывающий пример окружающим»), внешнюю привлекательность («модный»), признание окружающих («стремящийся понравиться другим», «популярный среди сверстников»).

Компонент «Робость» в пространстве социальной сети содержит характеристики, отражающие общую пассивность личности («пассивный», «спокойный») и ситуативную пассивность — когда нужно действовать («нерешительный», «стеснительный», «скромный», «скучный» и «ленивый»). В пространстве реального общения этот компонент является биполярным. На одном полюсе содержатся характеристики, отражающие избегание контактов и неразглашение информации о себе настоящем («необщительный», «скрытный», «обычный — как все»), ситуативную пассивность («скромный», «скучный»), состояние «грустный», показывающее фрустрированность, возникающую от робости. На другом полюсе располагается отражающая решительность характеристика «позитивный», которая является противоположностью состояния грусти.

Выявленные нами основные компоненты самопрезентации подростков пересекаются с некоторыми классификациями типов самопрезентации, обнаруженными другими авторами.

В компоненте самопрезентации подростков «Дружелюбность» содержатся характеристики, которые согласуются с такими тактиками самопрезентации, как «возвышение целевой персоны в форме лести, комплиментов или других позитивных подкреплений», «оказание каких-либо услуг», «оказание помощи» (классификация И. Джонса) [13], «примероносительство» (классификация С. Ли и др.) [14], «открытость», «коммуникативная привлекательность» (В.В. Хороших) [9].

В компоненте самопрезентации подростков «Враждебность» содержатся характеристики, которые согласуются с такими тактиками самопрезентации, как «запугивание», «преувеличение своих достижений», «негативная оценка других» (классификация С. Ли и др.) [14], «самовосхваление», «запугивание» (классификация И. Джонса) [13], «умаление значения соперников», «критические оценки третьей (не присутствующей) стороны» (классификация А. Шутца). Люди, использующие данный тип самопрезентации, стремятся доминировать для того, чтобы выглядеть благоприятным образом («стремление казаться хорошим, заставляя других выглядеть плохими») [17].

В компоненте самопрезентации подростков «Талантливость и оригинальность» содержатся характеристики, которые согласуются с такими тактиками самопрезентации, как «демонстрация силы и власти» как способности выполнить задачу (классификация А. Шутца) [17], «самопродвижение» (классификация П. Розенфельда и др.) [15], «демонстрация включенности в разные стороны жизни» (В.В. Хороших, И.А. Широкая) [9].

В компоненте самопрезентации подростков «Популярность» содержатся

характеристики, которые согласуются с такими тактиками самопрезентации, как «позитивные высказывания субъекта о самом себе» (классификация И. Джонса) [13], «образцовое поведение» (классификация А. Шутца) [17].

В компоненте самопрезентации подростков «Робость» содержатся характеристики, которые согласуются с такими тактиками самопрезентации, как «избегание публичного внимания», «минимальное самораскрытие», «осторожное самописание», «доведение до минимума социального взаимодействия», «стремление сохранять молчание», «пассивное, но дружелюбное взаимодействие» (классификация А. Шутца) [17]. По мнению А. Шутца, люди, вовлеченные в подобного рода самопрезентацию, часто избегают тревожащих, неприятных для них ситуаций, вследствие чего отказываются от возможности сформировать благоприятное впечатление и усилить самооценку.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось обнаружить следующее.

1. Частные акты самопрезентации подростков в реальном коммуникативном пространстве и коммуникативном пространстве социальной сети могут быть объединены в группы, образующие структурные компоненты самопрезентации.

2. Наиболее сильными и устойчивыми компонентами самопрезентации в реальном коммуникативном пространстве и коммуникативном пространстве социальной сети являются «Дружелюбность», «Враждебность», «Талантливость и оригинальность», «Популярность» и «Робость».

3. Выявленные компоненты самопрезентации подростков «Дружелюбность», «Враждебность», «Талантливость и оригинальность», «Популярность» и «Робость» имеют содержательные сходства с известными типами самопрезентаций в отечественных и зарубежных классификациях, что подтверждает валидность разработанных методических приемов.

4. Устойчивые структурные компоненты самопрезентации подростков в реальном и цифровом коммуникативных пространствах совпадают по смыслу, имея при этом внутренние содержательные отличия.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что есть различия в основных структурных компонентах са-

мопрезентации подростков, характерных для реального и цифрового коммуникативных пространств, подтвердилась частично.

Ограничения и перспективы исследования

В данном исследовании были рассмотрены только самые сильные и устойчивые компоненты структуры самопрезентации подростков. Особый интерес представляет сопоставление менее устойчивых компонентов в различных коммуникативных пространствах. Также остается неизученным вопрос о сравнении выраженности компонентов самопрезентации в реальном и цифровом коммуникативных пространствах.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
2. *Жичкина А.Е.* Особенности социальной перцепции в Интернете // Мир психологии. 1999. № 3. С. 72–80.
3. *Наследов А.Д.* IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
4. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
5. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44–53.
6. *Пикулёва О.А.* Психология самопрезентации личности: Монография. М.: ИНФА-М, 2015. 320 с.
7. *Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата. Серия: Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2016. 408 с.
8. *Фёдоров В.В., Милеев И.Д.* О мотивации подростков — пользователей социальных сетей // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 3. С. 98–108. doi:10.17759/sps.2015060307
9. *Хороших В.В.* Особенности самопрезентации пользователей социального сайта «ВКонтакте» // Материалы научной конференции «Ананьевские чтения — 2011. Социальная психология и жизнь» (г. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2011 г.) / Отв. ред. А.Л. Свенцицкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 44–45.
10. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб.: Питер Ком, 1999. 272 с.
11. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

12. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. NY.: Doubleday Anchor, 1959. 259 p.
13. Jones E.E. Interpersonal perception. NY, 1990. 256 p.
14. Lee S.J., Quigley B.M., Nesler M.S., Corbett A.B., Tedeschi J. Development of a self-presentation tactics scale // Personality and Individual Differences. 1999. 26. P. 701–722.
15. Rosenfeld P., Giacalone R., Riordan C. Impression management: building and enhancing reputations at work. London: Thomson Learning, 2002. 244 p.
16. Schlenker B. Self-presentation // Handbook of self and identify / M.R. Leary, J.P. Tangney (eds.), 2003. P. 488–518.
17. Schutz A. Self-presentational tactics of talk-show guests: a comparison of politicians, experts and entertainers // Journal of Psychology. 1998. Vol. 132 (6). P. 611–628.

References

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint-Peterburg: Piter, 2008. 398 p.
2. Zhichkina A.E. Osobennosti sotsial'noi pertseptsii v Internete [Features of social perception on the Internet]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 1999, no. 3. pp. 72–80. (In Russ.).
3. Nasledov A.D. IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional Statistical Data Analysis]. Saint-Peterburg: Piter, 2013. 416 p.: il.
4. Petrenko V.F. Osnovy psikhosemantiki [The Basics of Psychosemantics]. 3-e izd. Moscow: Eksmo, 2010. 480 p.
5. Petrovskii A.V., Petrovskii V.A. Individ i ego potrebnost' byt' lichnost'yu [The individual and his need to be a person]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1982, no 3, pp. 44–53. (In Russ.).
6. Pikuleva O.A. Psikhologiya samoprezentatsii lichnosti: Monografiya [Psychology of Personality Self-Presentation: Monograph]. Moscow: INFA-M, 2015. 320 p.
7. Tolstykh N.N., Prikhozhan A. M. Psikhologiya podrostkovogo vozrasta : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Psychology of adolescence: a textbook and workshop for academic undergraduate]. Moscow: Publ. Yurait, 2016. 408 p.
8. Fyodorov V.V., Mileev I.D. Motivation in Teenage Users of Social Media . *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015. Vol. 6, no. 3, pp. 98–108. doi: 10.17759/sps.2015060307 (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Khoroshikh V.V. Osobennosti samoprezentatsii pol'zovatelei sotsial'nogo сайта «Vkontakte» [Features of self-presentation of users of the social site “Vkontakte”]. In Svetsitskii A.L. (ed.) Materialy nauchnoi konferentsii “Anan'evskie chteniya – 2011. Sotsial'naya psikhologiya i zhizn'” (g. Sankt-Peterburg, 18–20 oktyabrya 2011 g.) [Proceedings of Scientific Conference “Ananiev Readings – 2011. Social Psychology and Life”]. Saint-Peterburg: Publ. S.-Peterb. un-ta, 2011, pp. 44–45.
10. Chaldini R. Psikhologiya vliyaniya [Psychology of influence]. Saint-Peterburg: Piter Kom, 1999. 272 p.
11. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected Psychological Works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p.

12. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. N.Y.: Doubleday Anchor, 1959, 259 p.
13. Jones E.E. *Interpersonal perception*, NY, 1990, 256 p.
14. Lee S.J., Quigley B.M., Nesler M.S., Corbett A.B., Tedeschi J. Development of a self-presentation tactics scale. *Personality and Individual Differences*, 1999, 26, pp. 701–722.
15. Rosenfeld P., Giacalone R., Riordan C. *Impression management: building and enhancing reputations at work*. London, Thomson Learning, 2002, 244 p.
16. Schlenker B. Self-presentation. In M.R. Leary, J.P. Tangney (eds.), *Handbook of self and identity*. The Guilford Press, 2003, pp.488–518.
17. Schutz A. Self-presentational tactics of talk-show guests: a comparison of politicians, experts and entertainers. *Journal of Psychology*, 1998, 132(6), pp. 611–628.

Информация об авторах

Федоров Валерий Владимирович, старший преподаватель, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8289-3775>, e-mail: val.vl.fed@yandex.ru

Information about the authors

Valery V. Fyodorov, Senior lecturer at the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8289-3775>, e-mail: val.vl.fed@yandex.ru

Получена 02.02.2020

Received 02.02.2020

Принята в печать 21.02.2020

Accepted 21.02.2020

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА NON-THEMATIC ARTICLES

Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия

Нартова-Бочавер С.К.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),*

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: s-nartova@yandex.ru

Адамян А.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),*

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9769-877X>, e-mail: adamyan.anya@gmail.com

Цель. Исследовать способность личности к прощению в связи с характеристиками дружественной домашней среды.

Контекст и актуальность исследования. Статья продолжает цикл работ, посвященных роли домашней среды в межличностном взаимодействии. Повседневное общение связано с распределением разных ресурсов; этот процесс требует личностных качеств, обеспечивающих толерантное отношение к нарушениям справедливости.

Дизайн исследования. На первом этапе исследования была осуществлена психометрическая подготовка русскоязычной Шкалы прощения Хартланд; на втором этапе в корреляционном исследовании устанавливалась связь качеств дружественного дома и способности его обитателей к прощению.

Выборка. 590 студентов ($M=18,7$, $SD=1,1$, 477 девушек и 113 юношей).

Методы. Многошкальные опросники *Функциональность домашней среды*, *Релевантность домашней среды* и *Привязанность к дому*.

Результаты. Русскоязычная версия Шкалы прощения Хартланд включает две субшкалы — *Готовность к прощению* и *Отсутствие руминаций* — и обладает хорошей надежностью. Результаты основного исследования оказались гендерно сензитивны. В группе девушек характеристики дружественного дома положительно связаны со способностью прощать, а в группе юношей — отрицательно. Наибольшее количество связей образовано функциональными характеристиками дома; в группе юношей — также привязанностью к дому.

Выводы. В отношении юношей дом реализует усиливающую функцию, а в отношении девушек — облагораживающую; для развития способности прощать юношам показана сепарация от дома. Вклад домашней среды в развитие способности прощать обусловлен контекстом развития человека: и прощение, и непрощение представляют

собой адаптивные феномены, важные для решения социальных задач, содержание которых задано полом респондентов.

Ключевые слова: способность прощать, домашняя среда, межличностные отношения, юношество.

Финансирование: Участие Нартовой-Бочавер С.К. реализовано при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 14-18-02163.

Благодарность: Авторы выражают признательность проф. Лоре Томпсон и д-ру Лесе Хоффман за любезное разрешение использовать шкалу, а также за помощь в ее адаптации

Для цитаты: Нартова-Бочавер С.К., Адамян А.А. Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 193–210. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110112>

Forgiveness and home environment as aspects of interpersonal interaction

Sofya K. Nartova-Bochaver

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: s-nartova@yandex.ru

Anna A. Adamyan

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9769-877X>, e-mail: adamyan.anya@gmail.com

Objectives. *Investigate the individual's ability to forgive concerning the characteristics of a friendly home environment.*

Background. *The article continues the series of works devoted to the role of the home environment in the interpersonal interaction. Everyday communication involves the distribution of different resources; this process requires personal qualities that ensure a tolerant attitude to violations of justice.*

Study design. *At the first stage of the study, psychometric examination of the Russian-language Heartland Forgiveness Scale was carried out; at the second stage, a correlation study established the relationship between the qualities of a friendly home and the ability of the inhabitants to forgive.*

Participants. *Five hundred ninety students ($M=18,7$, $SD=1,1$, 477 females, and 113 males).*

Measurements. *Multi-scale questionnaires: Home Environment Functionality, Home Environment Relevance, and Home Attachment.*

Results. *The Russian version of Heartland Forgiveness Scale includes two sub-scales Readiness to forgive and Lack of ruminations and has good reliability. The results of the main study were gender-sensitive. In females, the characteristics of a friendly home are positively related to the ability to forgive, while in males, they are negatively related. The highest number of connections is formed by functionality of home; in males — also by the home attachment.*

Conclusions. *Against males, home implements amplifying function, and concerning girls — is ennobling; to develop the ability to forgive the young men need separation from home. The contribution of the home environment to the development of the ability to forgive is determined by the context of human development: both forgiveness and non-forgiveness are adaptive phenomena that are important for solving social problems, the content of which is set by the respondents' gender.*

Keywords: *forgiveness, home environment, interpersonal relations, youth.*

Funding: The participation of S.K. Nartova-Bochaver was supported by RSF, project number 14-18-02163.

Acknowledgement: The authors are very grateful to Prof. Laura Thompson and Dr. Lesa Hoffmann for their kind permission to use the Heartland Forgiveness Scale as well as for their help in its adaptation.

For citation: Nartova-Bochaver S.K., Adamyan A.A. Forgiveness and home environment as aspects of interpersonal interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 193–210. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110112>. (In Russ.).

Введение

Взаимодействие людей неразрывно связано с обменом ресурсами или их распределением; при этом ресурсы имеют самую различную природу — это могут быть деньги, территория, знания или любовь. В близких отношениях, в отличие от ролевых, правила распределения ресурсов часто иррациональны и заданы имплицитно, представляя собой итог взаимодействия многих факторов — лояльности семье, интуиции или окраски личных отношений. И если в ролевых отношениях достаточно быть справедливым, то для конструктивного деликатного разрешения перманентно возникающих повседневных проблем между близкими людьми соблюдения справедливости недостаточно. Пролонгированный характер близких отношений, сохранение семейных традиций и атмосферы часто требуют толерантности к происходящим несправедливостям и подразумевают известную асимметрию. «Возврат» эмоциональных, социальных или материальных инвестиций может приходиться с неожиданной стороны и в непредсказуемый момент, а может не произойти никогда.

Сложность внутрисемейных взаимодействий подразумевает качества личности, допускающие неоднозначность и непредзаданность человеческого поведения. На наш взгляд, одним из подобных качеств является способность к прощению. Как отмечают исследователи семейных систем, именно способность прощать благотворна для семейного микроклимата, поддерживая верность человека своей семье и в то же время уберегая от разрушительного самоутверждения [15].

Способность к прощению не только проявляет себя в межличностном общении, но и формируется благодаря опыту разрешения повседневных противоречий и конфликтов, в рутинной совместной деятельности членов семьи [17]. В наших исследованиях дом понимается как базовая рукотворная среда обитания человека, сочетающая в себе физические, социальные и экзистенциальные параметры бытия. Как справедливо отмечал М. Хайдеггер, бытие — это всегда бытие-в-мире, это формирование стиля мышления: $\text{being} \Rightarrow \text{building} \Rightarrow \text{dwelling} \Rightarrow \text{thinking}$ [23]. Бытие предполагает создание и обживание подходящего пространства, в ходе чего и складывается мироотношение человека.

Оседлость и укорененность — важные условия развития моральных качеств, стимулируемых необходимостью выстраивать не только сиюминутные, но и стратегические планы взаимодействия [18]. Исследования говорят о том, что место обитания существенно определяет социальный облик человека, а привязанность к месту сочетается с привязанностью к тем людям, которые там живут [31]. Показано, что дом в жизни обитателей выполняет множество функций [8], имеющих взаимодополняющий характер и представленных как оппозиции: это стабилизирующая и стимулирующая, поддерживающая и превентивная, усиливающая и облагораживающая (одухотворяющая) функции.

Очевидно, что именно повседневные домашние практики предоставляют живущим вместе людям имплицитные образцы того, как нужно себя вести: настаивать на жестком соблюдении справедливости или проявлять терпимость к близким. Исследования показывают также, что правила распределения ресурсов меняются в зависимости от их количества: если в условиях дефицита ресурсов при их распределении действует принцип равенства, то в условиях достатка или избытка принимаются во внимание контекстуальные переменные, например, соответствие результатов вложениям субъекта — его усилиям, способностям, достижениям [25]. Таким образом, при отсутствии острого дефицита правила распределения становятся более гибкими и мягкими. Это также дает косвенные аргументы в пользу того, что в дружественном доме могут действовать иные, кроме жесткого соблюдения правил справедливости, правила взаимодействия.

Дружественным мы называем дом, который: а) предоставляет обитателям

множество возможностей (*функциональность*), б) способен удовлетворять широкий спектр потребностей обитателей (*релевантность*) и в) вызывает чувство *привязанности*, желания возвращаться домой, проводить там время и совершенствовать его.

Все вышесказанное позволяет предположить наличие связей между способностью человека к прощению и качествами его домашней среды.

Краткая история исследований психологии прощения

Исследования способности к прощению берут свое начало из работ, посвященных психологии справедливости, как результат некоторого разочарования в благотворности справедливости для личности и ее окружения [12; 14]. Прощение понимается как намеренное и осознанное преодоление субъектом чувства обиды на человека, совершившего преступление или несправедливый поступок, причинивший вред. Прощение не синонимично примирению или оправданию, и это не просто принятие произошедшего или исчезновение гнева и обиды; скорее, это добровольное изменение своих чувств, установок и поведения, так что обида перестает доминировать, и, более того, может появиться сострадание и даже великодушие по отношению к обидчику. Прощение считается важным феноменом восстановления пациента в психотерапии и необходимым моментом повседневного общения [26], способствующим миру в себе, в своей семье и сообществе в целом. Избыточно говорить о том, что прощение — это социальный феномен, существующий только в диалоге с другим или другими [35]. И хотя исследова-

ния не дают однозначных доказательств того, что близость другого человека положительно влияет на вероятность прощения, есть свидетельство обратной зависимости: способность прощать укрепляет или восстанавливает близость отношений [30].

Л. Томпсон и др. [32] определяют прощение как способ осмысления (framing) ситуаций, в которых нарушаются ожидания человека относительно того, как он сам и другие люди должны себя вести или как должны развиваться события жизни. Благодаря способности прощения ответ на такие ситуации трансформируется из негативного в нейтральный или позитивный. Согласно концепции авторов, прощая, люди признают факт нарушения своих ожиданий от реальности, а затем проделывают работу по осознанию, переживанию или изменению своего поведения, в результате чего начинают отвечать на ситуацию обиды иначе. В ходе этого диалектического процесса осуществляется синтез изначальных ожиданий и не соответствующей им реальности в новое понимание произошедшего, тех людей или обстоятельств, которые были источником несоответствия. Часто говорят о «новом нарративе» ситуации несоответствия ожиданиям [32; 33]; прощающий человек становится способным увидеть обидчика более многомерно, тем самым повышая свою социальную сензитивность [28]. Отсутствие способности прощать ассоциируется как с неистребимым желанием восстановить справедливость, так и с мстительностью, стремлением взять реванш, т.е. влечет неоднозначные последствия.

Более дифференцированно, исследователи иногда различают прощение на эмоциональном уровне (emotional) и как принятие решения (decisional), проводя параллели с когнитивными и эмоцио-

нальными процессами [24]. Разводят также прощение и непростение; обсуждая их возможные психологические механизмы, иногда прощение соотносят с решением и эмоциональной реакцией, а непростение — исключительно с эмоциями [34].

В то же самое время существует точка зрения на прощение как признак слабости или неспособности человека защитить себя [21]; как отдельный феномен исследуется страх прощать других и быть прощенным. Поскольку и способность прощать, и чувствительность к справедливости — это качества морального содержания, связанные с процессом распределения ресурсов, они могут быть соотнесены между собой. Чувствительность к справедливости предполагает верность правилам, присутствие момента принятия решения, она сопровождается отрицательными чувствами гнева или обиды, мобилизующими человека к действиям по восстановлению справедливости [1; 7]. Прощение проявляется контекстуально и более эмоционально, причем сопряжено с изменением эмоций от отрицательных к нейтральным или позитивным; оно не предполагает совершения каких-либо специальных действий, более того, скорее, удерживает от активности, направленной на месть. Таким образом, феноменологически склонность к справедливости, скорее, сочетается с непростением, а способность прощать — с отсутствием чувствительности к справедливости. Если же вспомнить две наиболее авторитетные системы морального сознания — justice moral Л. Кольберга [27] и care moral К. Гиллиган [3], — можно ожидать, что полученные в нашем исследовании связи будут обладать выраженными гендерными различиями.

Зарубежные эмпирические исследования практически однозначно свиде-

тельствуют, что способность прощать исключительно важна для социальной жизни человека и связана с меньшим нарциссизмом и склонностью эксплуатировать других, слабой вероятностью гнева и агрессии и в то же время — с большей эмпатией и социальной желательностью. И хотя способность прощать имеет не прямое влияние на развитие отношений, все же большинство работ отмечает важность этой способности для социальной безопасности и успешности субъекта [19; 20; 22; 29; 30]. Поэтому исследование возможных коррелятов или предикторов развития этой характеристики обладает для психологии межличностных отношений исключительной актуальностью [20].

В отечественной науке феномен прощения также в последние десятилетия обращает на себя внимание исследователей: прощение рассматривается в рамках социальной философии, где оно понимается как событие, дифференцирующее и конструирующее социальность [10], в психологии исследователи описывают феноменологию прощения, рассматривают возможности применения результатов исследования в психотерапевтической практике [5], в социальной психологии прощение рассматривается как феномен межличностного общения [11], в последнее время внимание уделяется также вопросу адаптации методик исследования прощения [4]. Наша работа направлена на развитие линии исследования прощения в отечественной школе, в первую очередь, в контексте адаптивного потенциала этого качества в процессе взаимодействия человека с миром. Мы обратились к авторитетной модели прощения как психологического феномена, разработанной в университете Канзаса, где также был создан диа-

гностический инструмент для измерения способности к прощению — *Шкала прощения Хартланд* [2; 32].

Программа исследования

Наше исследование реализовано в концептуальном пространстве следующих оппозиций: справедливость—прощение; усиление—облагораживание; мужское—женское. Центральный исследовательский вопрос нашей работы состоит в том, чтобы изучить, есть ли связь между дружественностью домашней среды и развитием способности к прощению. В отсутствие предварительных данных мы сформулировали следующие альтернативные гипотезы:

1) чем выше уровень дружественности домашней среды, тем слабее выражена у обитателей способность прощать (проявление *усиливающей* функции дома);

2) чем выше уровень дружественности домашней среды, тем сильнее выражена у обитателей способность прощать (проявление *облагораживающей* функции дома).

Выборку составили 590 студентов младших курсов московских университетов в возрасте 17–29 лет ($M=18,7$, $SD=1,1$), среди них 477 девушек и 113 юношей. Исследование осуществлялось в два этапа. Первый (вспомогательный) этап был посвящен подготовке Шкалы прощения Хартланд, т.к. к настоящему моменту в России подобного инструмента не было, второй (основной) этап посвящен собственно проверке гипотез.

Основные переменные и методы исследования. Функциональность, релевантность и привязанность к дому в совокупности описывают уровень друже-

ственности дома, для изучения которой использовались ранее созданные опросники [9]. Опросник *Функциональность домашней среды (ФДС)* включает 55 утверждений и четыре шкалы: *Прагматичность* (базовые функции дома), *Развитие* (саморазвитие и снабжение информацией), *Стабильность* (постоянство, чувство комфорта, предсказуемость дома) и *Защищенность* (безопасное взаимодействие с внешним миром). Опросник *Релевантность домашней среды (РДС-к)* включает 35 пунктов и семь шкал: это *Приватность* (способность закрыться от избыточной информации и контактов), *Ресурсность* (обеспечение поддержки и стабильности), *Самопрезентация* (возможность экспозиции достижений, интересов и идей обитателя), *Эргономичность* (удобство проживания и уют), *Отчужденность* (неприятие дома, отрицательная шкала), *Пластичность* (гибкость и динамичность дома) и *Историчность* (связь обитателя с семьей через историю дома). Опросник *Привязанность к дому (ПД)* отражает общий уровень привязанности человека к дому и содержит одну шкалу из 14 утверждений.

Для измерения другой переменной, а именно способности к прощению, нами была проведена специальная работа по адаптации на русскоязычной выборке одного из наиболее авторитетных опросников — *Шкалы прощения Хартланд* [32] (приложение А).

Результаты исследования

Психометрическая подготовка Шкалы прощения Хартланд

После осуществления обратного перевода утверждений экспертом-психологом со свободным знанием английского

языка и редактирования полученных утверждений была осуществлена проверка структуры опросника. В оригинале он включал 18 пунктов и три шкалы — *Прощение себя, Прощение других и Прощение жизненных ситуаций*, по 6 утверждений в каждой из шкал. Однако проверка опросника на русскоязычной выборке, к сожалению, не позволила сохранить изначальную структуру опросника. Останемся подробнее на этапах адаптации инструмента.

Изначально для исследования структуры русскоязычной версии опросника был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) методом главных компонент с варимакс-вращением. С помощью метода скалистой осыпи были выделены три фактора, в сумме объясняющие 44,7% дисперсии. Первые два фактора, в сумме объясняющие 36,5% дисперсии, можно хорошо содержательно интерпретировать как общую *Готовность к прощению* и *Отсутствие руминаций* (бесплодных размышлений) на тему обиды. Что касается третьего фактора, то проводимый в дальнейшем конфирматорный факторный анализ и проверка надежности-согласованности показали нецелесообразность его выделения; в двухфакторной модели три из четырех пунктов, изначально выделенных в отдельный фактор, оказались неинформативными — несущими близкие нагрузки по двум факторам, один пункт был отнесен к шкале *Готовности к прощению*.

При проверке соответствия построенной концептуальной модели эмпирическим данным с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) использовались показатели CFI (Comparative Fit Index) и RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation), в качестве пороговых значений мы ори-

ентировались на 0,9 для CFI и 0,08 для RMSEA [13]. Для нашей модели CFI составил 0,901, RMSEA — 0,065. При проведении КФА дисперсия ответов на пункт, не вошедший в соответствующий фактор, приписывалась влиянию побочных переменных — «ошибке». Мы допускали корреляцию между факторами, а также корреляцию между ошибками, вносящими вклад в дисперсию ответов по пунктам, относящимся к одному фактору — в силу сходства формулировок соответствующих пунктов [16]. Полученные значения свидетельствуют о достаточной точности модели в отношении данных. Модель с показателями факторных нагрузок приведена в приложении Б.

Показатели шкал значимо положительно коррелируют ($r=0,13$, $p=0,001$), однако корреляция ниже уровня 0,8, что свидетельствует о том, что шкалы не противоречат друг друга.

Проверка надежности-согласованности выделенных новых шкал и опросника в целом показала удовлетворительные значения α -Кронбаха (0,77, 0,74 и 0,74 соответственно), демонстрируя достаточную внутреннюю согласованность русскоязычной методики, в то время как сохранение изначальной структуры опросника на русском языке видится нецелесообразным и с точки зрения показателей надежности-согласованности (значения α -Кронбаха составляют соответственно 0,62, 0,54 и 0,61).

Таким образом, в результате осуществленной адаптации опросник стал включать 15 пунктов, распределенных по двум шкалам. Первая шкала *Готовность прощать* включает восемь пунктов и отражает (в соответствии с концептуальной моделью) готовность человека изменить свои чувства и поведение по отношению к обиде

или свершившейся несправедливости, вторая шкала *Отсутствие руминаций* включает семь пунктов, отражая перестройку когнитивных схем субъекта и подразумеваемая исчезновение бесплодных навязчивых размышлений об обиде или несправедливости. Суммарный показатель отражает *Общую способность прощать*. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии гендерных различий (показатель *Отсутствия руминаций* в тенденции ниже в женской группе), а проверка возрастного тренда была невозможна в силу возрастной однородности выборки.

**Основное исследование:
связь способности прощать
с дружественностью
домашней среды**

Результаты показывают, что ожидаемые положительные связи между дружественностью дома и способностью обитателей прощать себя, других людей и отдельные жизненные события действительно существуют (см. таблицу). Примечательно, что если при сравнении средних показателей способности прощать гендерных различий обнаружено не было, содержание полученных связей гендерно сензитивно; в мужской группе их обнаружено одиннадцать, и они отрицательные, в то время как в женской — всего семь, и они положительные.

Также следует отметить, что восприимчивой к домашней среде оказалась лишь аффективно-поведенческая составляющая способности прощать/не прощать. Наличие/отсутствие руминаций практически не образовало значимых связей, за одним исключением: у девушек отсутствие руминаций положительно связано с пластичностью домашней среды. Можно предположить, что в моменты обид и разочарований девушек «вырывают» психоте-

рапевтические рутинные практики: передвигая мебель или меняя занавески, они останавливают свои бесплодные размышления и завершают травматичный гештальт. Если дома нечего изменить, такого не происходит. Весьма вероятно также, что у юношей размышления и представления о необходимости прощать/мстить обусловлены иными, кроме рутинных домашних практик, процессами или испытывают воздействие внешних социальных факторов; дом же связан с намерением отстаивать свои интересы.

Наиболее выпукло проявили себя в связи со способностью/неспособностью прощать показатели функциональности, иначе говоря, объективного комфорта дома. При этом если у девушек отсутствие бытовых стрессов способствует более терпимому отношению к самим себе и миру, то у юношей, напротив, они укрепляют

намерение не прощать. Кроме того, только в мужской группе намерение не прощать связано с привязанностью к дому, а также с некоторыми показателями релевантности дома: его способностью обеспечить экспозицию индивидуальности обитателей в домашнем пространстве, и особенно сильно — с историчностью дома.

Обсуждение

Итак, на предварительной стадии исследования была предпринята проверка факторной структуры *Шкалы прощения Хартланд*, и обнаружено, что она отличается от оригинальной, включая два фактора, названные нами *Готовность к прощению* и *Отсутствие руминаций*. Психологический смысл этой модификации состоит в том, что для россиянина несущественно,

Таблица

Связь (r_s) характеристик дружелюбности дома и способности прощать

Шкала	Готовность прощать			Отсутствие руминаций			Способность прощать (общий показатель)		
	Общ.	Муж.	Жен.	Общ.	Муж.	Жен.	Общ.	Муж.	Жен.
Выборка									
Защищенность	,023	-,306**	,126**	,051	-,111	,001	-,021	-,273**	,083
Прагматичность	,088*	-,182	,113*	,071	-,085	,015	-,011	-,175	,083
Развитие	,097*	-,189*	,108*	,060	-,100	,010	-,020	-,189*	,077
Стабильность	,090*	-,043	,121**	,097*	-,086	-,010	-,032	-,085	,073
ФДС	,085*	-,198*	,129**	,080	-,109	,004	-,024	-,201*	,087
ПД	,063	-,201*	,036	-,006	,011	-,044	-,040	-,124	-,006
РДС	,023	-,224*	,070	,018	,004	,026	,027	-,143	,063
Приватность	,055	,034	,058	,006	,041	,002	,040	,049	,039
Ресурсность	,042	-,144	,082	,007	-,038	,024	,033	-,119	,069
Самопрезентация	,008	-,195*	,056	,007	,049	-,003	,010	-,095	,034
Эргономичность	,033	-,115	,065	,016	,048	,008	,032	-,043	,047
Отчужденность	-,036	,123	-,067	-,027	,005	-,049	-,041	,084	-,077
Пластичность	,024	-,013	,032	,080	-,058	,112*	,070	-,047	,096*
Историчность	-,062	-,354**	,000	-,039	-,011	-,041	-,067	-,239*	-,028

Условные обозначения: ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

что или кого прощать, если эта способность как диспозиция присутствует, равно как и неконструктивные размышления о том, кто (был) виноват и что (надо было) делать, не различаются в зависимости от источника обиды или несправедливости. Хотя интерпретация этого факта с точки зрения особенностей российской ментальности не очевидна, полученные в ходе психометрической подготовки шкалы факты свидетельствуют о целостности феномена прощения и о непротиворечивой, можно сказать, свободной от эгоцентризма, установке россиян на реализацию своей готовности прощать. Это вполне соотносится с ранее полученными данными о том, что близость отношений мало сказывается на вероятности прощения [30]. Иначе говоря, способность прощать — это все же скорее личностное качество, предрасположенность, чем функция социального контекста.

Полученные в основном исследовании результаты подтверждают каждую из альтернативных гипотез, однако в рамках одного пола. Анализ связей демонстрирует, что если у девушек проявилась облагораживающая функция дома, то у юношей — усиливающая. Усиливающая функция означает, что дом делает человека храбрым, сильным, спонтанным, готовым к конфликтам и конфронтации. Безусловно, эти качества способствуют адаптации и повышению социального статуса. Иначе говоря, молодые люди, живущие в удобном, подходящем их индивидуальности и любимом доме, с меньшей вероятностью готовы прощать негативные события своей жизни и самих себя, чем те, кому их дом не подходит. Этот факт вполне согласуется с ранее полученными данными о том, что дружественный дом связан с предпочтением конфронтационного копинга и выраженностью всех черт Темной триады [6]. Надежный тыл делает

юношей более сильными и готовыми бороться за свои права.

Что касается девушек, составляющих большинство респондентов, то все значимые связи положительны, и можно заключить, что девушки, обитающие в подходящем им доме, с большей вероятностью склонны практиковать великодушие и не фокусироваться на обидах и несправедливостях. Таким образом, применительно к женской группе дом реализует облагораживающую функцию. Как бы то ни было, и готовность, и неготовность прощать могут обладать адаптивным смыслом, однако моральное содержание этих установок совершенно различно.

Полученные результаты позволяют в очередной раз отметить высокую гендерную обусловленность развития социально значимых качеств человека. В самом деле, у девушек дома поддерживается способность прощать как качество, востребованное в рамках межличностного взаимодействия, у юношей — неготовность прощать как качество, позволяющее утвердиться в «большом» социуме. Чем сильнее юноша связан с историей своего дома, чем сильнее чувствует свою неотделимость от него, тем интенсивнее выражено в нем желание никому ничего не прощать. Чтобы настроиться на прощение, юноше нужно сепарироваться от дома и, возможно, пройти через другие жизненные испытания, чтобы научиться терпимости к себе и другим. Однако при этом нельзя сказать, что опыт сепарации делал бы «мстительной» девушку: несмотря на разнонаправленность полученных связей, они не полностью симметричны.

Можно заключить, что способность прощать — это эмоциональная характеристика, которая с трудом поддается регламентации: иначе говоря, нет правил, которые бы предписывали, кто, кого и за

что обязан простить. Что касается феномена непростения, то он, напротив, тесно сопряжен с чувствительностью к справедливости и предполагает наличие правил ее соблюдения. Таким образом, можно провести параллели между нашими данными и концепциями морального развития, предложенными Л. Кольбергом («мужская» модель, мораль справедливости) и К. Гиллиган («женская» модель, мораль заботы).

Можно также отметить, что при высокой ценности фактора оседлости как ресурса межличностных отношений его важность не должна переоцениваться. Нюансированность данных говорит о том, что не существует универсальных факторов развития личности; их действие модерируется контекстом развития — полем и задачами развития на текущем этапе жизненного пути.

Заключение

Проведенное исследование привело к следующим результатам.

Прежде всего, было обнаружено, что дружественный дом и способность прощения действительно связаны друг с другом, иначе говоря, технологии прощения/непростения во многом сопряжены с рутинными практиками совместной жизни, совместного использования простран-

ства, вещей, с выработкой оптимального временного режима совместной жизни. Именно дома человек учится прощать или мстить, а затем там же проявляет эти сформировавшиеся в ходе взросления качества.

Однако полученные связи разнонаправленны в зависимости от пола: у девушек дружественный дом связан со способностью прощать, в то время как юношей он стимулирует к непростению. И если для девушек фактор развития способности прощать — это оседлость, то для юношей, скорее, — сепарация и мобильность.

Побочным результатом (хотя и первым хронологически) стало создание работающей русскоязычной версии *Шкалы прощения Хартланд*, которая продемонстрировала хорошие психометрические характеристики и конструктивность в исследованиях.

Ограничения исследования в основном заданы особенностями выборки, однородной по возрасту и образовательному цензу, однако не сбалансированной по полу. В будущем было бы целесообразно привлечь другие когорты, обладающие иным, в отличие от московского студенчества, опытом. Полученные данные, на наш взгляд, могут быть положены в основу рекомендаций и психоразвивающих программ либо использованы в процессе разработки человеко-соразмерного дизайна жизненных сред.

Приложение А

Бланк и ключи для использования русскоязычной версии *Шкалы прощения Хартланд*

Инструкция. В нашей жизни негативные вещи могут происходить в результате наших собственных действий, действий других людей или обстоятельств, неподвластных нашему контролю. В течение некоторого времени после подобных событий у нас могут присутствовать негативные мысли или чувства по поводу самих себя, других людей или жизненных событий. Подумайте, как Вы обычно реагируете на негативные собы-

тия. Рядом с каждым из пунктов укажите число из шкалы ниже, которое лучше всего соответствует Вашей реакции на негативную ситуацию. Не существует верных и неверных ответов. Пожалуйста, будьте откровенны в своих ответах, насколько возможно.

№ п/п	Утверждение	Совсем не так	Почти всегда не так	Скорее не так	Трудно ответить	Скорее так	Почти всегда так	Всегда так
		1	2	3	4	5	6	7
1	Хотя вначале, пережив провал, я чувствую себя плохо, со временем могу себя простить.							
2	Я долго злюсь на себя, если сделал(а) что-то плохое.							
3	Уроки, которые я извлекаю из тех плохих поступков, что совершил, помогают мне не заикливаться на них.							
4	Мне действительно трудно принимать себя таким(ой), какой(ая) я есть, если я совершил(а) промах.							
5	Со временем я прощаю себе ошибки, которые совершил(а).							
6	Я не перестаю ругать себя за свои дурные чувства, мысли, слова и поступки.							
7	Со временем я прощаю людям ошибки, которые они совершили.							
8	Хотя некоторые люди причиняли мне боль когда-то в прошлом, я могу относиться к ним как к приятным людям.							
9	Если кто-то расстраивает меня, я легко от этого отвлекаюсь.							
10	Если дела расстраиваются по причинам, которые я не могу контролировать, я надолго «увязаю» в мыслях об этом.							
11	Со временем я прощаю то дурное, что происходило в моей жизни.							
12	Если что-то в жизни меня расстраивает, я не могу избавиться от дурных мыслей об этом.							
13	В итоге я примиряюсь с плохими событиями в моей жизни.							
14	Мне очень трудно принять плохие события, в которых никто не виноват.							
15	В конце концов я отпускаю дурные мысли о негативных событиях, на которые никто не мог повлиять.							

Ключи.

Шкала *Готовность прощать*: 1, 3, 5, 7, 8, 11, 13, 15

Шкала *Отсутствие руминаций*: 2*, 4*, 6*, 9, 10*, 12*, 14* (* — обратный пункт).

Результаты конфирматорного факторного анализа

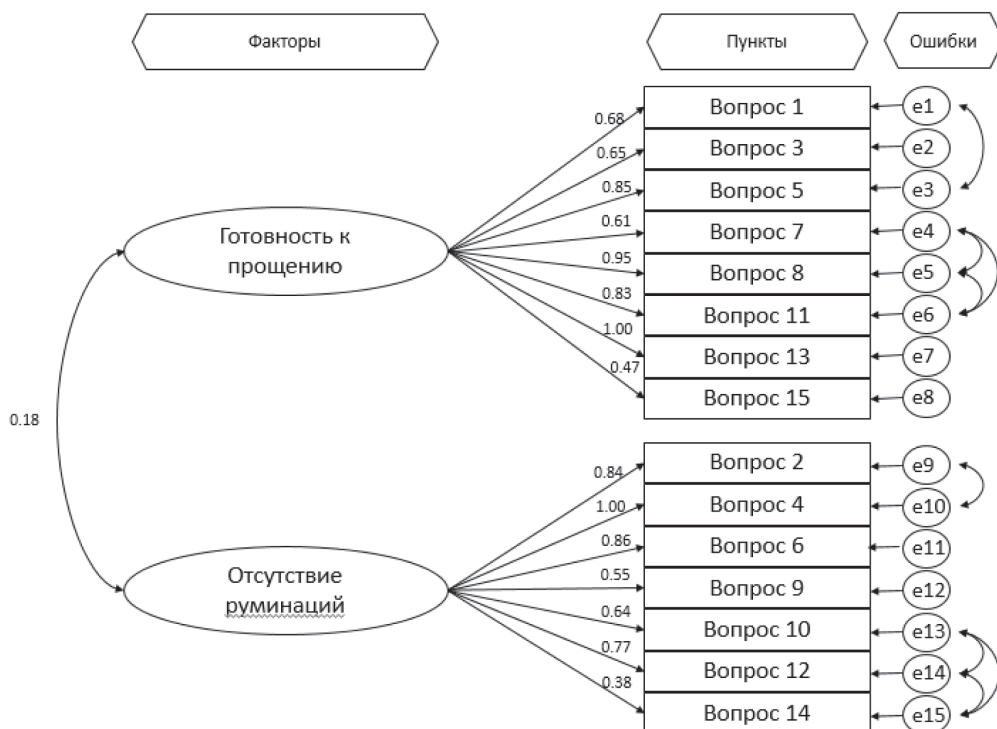

Рис. Модель конфирматорного факторного анализа Шкалы прощения Хартланд

Литература

1. Адамян А.А., Нартова-Бочавер С.К., Шмитт М. Опросник «Чувствительность к справедливости»: валидизация на российской выборке // Психологический журнал. 2018. № 4 (39). С. 120–132.
2. Большунова Н.Я., Устинова О.А. Психологические и социокультурные смыслы прощения и развитие способности к нему // Духовно-нравственные проблемы современной личности / Под ред. М.И. Володиковой, А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 204–225.
3. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Республика, 1991. 446 с.
4. Кононова А.П., Пузовкина О.Д. Валидизация опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков» на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 4. С. 27–45. doi:10.17759/cpp.2018260403

5. *Кривцова С.В.* Феноменологический подход к исследованию ноодинамических переживаний: метод отдельных случаев и метод эмпирико-феноменологических исследований (на примере феномена прощения) // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 4. С. 48–67.
6. *Московченко Е.Н.* Домашняя среда как источник превенции неблагоприятных качеств личности (на примере темной триады) // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сборник статей научно-практической конференции (4–5 декабря 2017 г.). М.: Изд. «Перо», 2017. С. 381–383.
7. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 13–26.
8. *Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р.* Дом и его обитатели: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 293 с.
9. *Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б.* Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 3. С. 498–518.
10. *Томильцева Д.А.* Опыт прощения: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2010. 21 с.
11. *Чукова А.С.* Социально-психологические характеристики прощения как феномена межличностного общения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2011. 22 с.
12. APA dictionary of psychology / In Gary R. Van den Bos (ed.). Second Edition. York: Maple Press, 2015. 1204 p.
13. *Awang Z.* Structural equation modeling using AMOS graphic. Penerbit Universiti Teknologi MARA, 2012. 167 p.
14. *Bartholomaeus J., Strelan P.* Just world beliefs and forgiveness: The mediating role of implicit theories of relationships // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 96. P. 106–110.
15. *Boszormenyi-Nagy I., Krasner B.R.* Between give and take: A clinical guide to contextual therapy. NY: Brunner/Mazel, 1986. 432 p. doi:10.2307/583562.
16. *Brown T.A.* Confirmatory factor analysis for applied research. Guilford Publications, 2014. 462 p.
17. *Case D.* Contributions of journeys away to the definition of home: An empirical study of a dialectical process // Journal of Environmental Psychology. 1996. № 16. P. 1–15. doi:10.1006/jevp.1996.0001
18. *Di Masso A., Williams D.R., Raymond C.M., Buchecker M., Degenhardt B., Devine-Wright P., Stedman R.* Between fixities and flows: Navigating place attachments in an increasingly mobile world // Journal of Environmental Psychology. 2019. Vol. 61. P. 125–133. doi: 10.1016/j.jenvp.2019.01.006
19. *Fincham F.D.* Forgiveness: Integral to a science of close relationships // Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature / In M. Mikulincer, Ph.R. Shaver (eds.). NY: American Psychological Association (APA), 2009. P. 347–365.

20. *Fitness J., Peterson J.* Punishment and forgiveness in close relationships: An evolutionary, social-psychological perspective. *Social relationships: Cognitive, affective, and motivational perspectives*. 2008. P. 255–269.
21. *Gilbert P., Mc Ewan K., Matos M., Ravis A.* Fears of compassion: Development of three self-report measures // *Psychology and Psychotherapy: Theory, research and practice*. 2011. № 84 (3). P. 239–255.
22. *Girard M., Mullet É.* Propensity to forgive in adolescents, young adults, older adults, and elderly people // *Journal of Adult Development*. 1997. № 4. P. 209–220.
23. *Heidegger M.* Building, dwelling, thinking. In: *Poetry, language and thought*. NY: Colophon Book, 1971. P. 145–161.
24. *Holeman V.T., Dean J.B., De Shea L., Duba J.D.* The multidimensional nature of the quest construct forgiveness, spiritual perception, and differentiation of self // *Journal of Psychology and Theology*. 2011. Vol. 39 (1). P. 31–43.
25. *Johansson L.-O.* Preferences for equity and equality in scarcity and abundance // 15th Biennial Conference of the International Society for Justice Research June 19–22, 2014. NY: University Press. P. 102.
26. *Kalayjian A., Paloutzian R.F.* Forgiveness and reconciliation. NY: Springer, 2009. 310 p.
27. *Kohlberg L.* The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70 (18). P. 630–646. doi:10.2307/2025030. JSTOR 2025030.
28. *Malcolm W.M., Greenberg L.S.* Forgiveness as a process of change in individual psychotherapy // *Forgiveness: Theory, research, and practice* / In M.E. McCullough, K.I. Pargament, C.E. Thoresen (eds.). NY: Guilford, 2000. P. 179–202.
29. *McCullough M.E., Witoliet C.V.* The psychology of forgiveness // *Handbook of positive psychology* / In C.R. Snyder, S.J. Lopez (eds.). NY: Oxford, 2002. P. 446–455.
30. *McCullough M.E., Worthington Jr.E.L., Rachal K.C.* Interpersonal forgiving in close relationships // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73 (2). P. 321–336.
31. *Morgan P.* Towards a developmental theory of place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30 (1). P. 11–22. doi: 10.1016/j.jenvp.2009.07.001
32. *Thompson L.Y., Snyder C.R., Hoffman L., Michael S.T., Rasmussen H.N., Billings L.S., Heinze L., Neufeld J.E., Shorey H.S., Roberts J.C., Roberts D.E.* Dispositional forgiveness of self, other, and situations // *Journal of Personality*. 2005. Vol. 73. P. 313–359.
33. *Thoresen C.E.* Forgiveness interventions: What is known and what needs knowing // CE Thoresen (Chair), *Forgiveness and health-The Stanford forgiveness project symposium*. Symposium conducted at the annual convention of the American Psychological Association, San Francisco. 2001. P. 93–101.
34. *Wade N.G., Worthington Jr.E.L.* Overcoming interpersonal offenses: Is forgiveness the only way to deal with unforgiveness? // *Journal of Counseling and Development*. 2003. Vol. 81 (3). P. 343–353.
35. *Wenzel M., Okimoto T.G.* The varying meaning of forgiveness: Relationship closeness moderates how forgiveness affects feelings of justice // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42 (4). P. 420–431.

References

1. Adamyan A.A., Nartova-Bochaver S.K., Shmitt M. Oprosnik «Chuvstvitel'nost' k spravedlivosti»: validizatsiya na rossiiskoi vyborke [The “Justice Sensitivity Questionnaire”: validation in a Russian sample]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2018, no. 4 (39), pp. 120–132.
2. Bol'shunova N.Ya., Ustinova O.A. Psikhologicheskie i sotsiokul'turnye smysly proshcheniya i razvitie sposobnosti k nemu [Psychological and Sociocultural meanings of the modern person]. In M.I. Volovikovoi, A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha (ed.) *Dukhovno-nravstvennye problemy sovremennoi lichnosti [Spiritual and moral problems of the modern person]*. Moscow: «Institut psikhologii RAN», 2018. pp. 204–225.
3. Gilligan C. Inym golosom: psikhologicheskaya teoriya i razvitie zhenshchin [In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development]. *Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskie chteniya [Ethical thought: Scientific journalistic readings]*. Moscow: Respublika, 1991. 446 p.
4. Kononova A.P., Pugovkina O.D. The Validation of Tendency to Forgive and Attitudes Toward Forgiveness Scale on the Russian-Speaking Sample. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 27–45. doi:10.17759/cpp.2018260403. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Krivcova S.V. Phenomenological approach in study of noodynamic experiences. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2010. Vol. 18, no. 4, pp. 48–67. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Moskovchenko E.N. Domashnyaya sreda kak istochnik preventsii neblagopriyatnykh kachestv lichnosti (na primere temnoi triady) [The home environment as a source of prevention of the unfavorable personality traits (on the example of the dark triad)]. *God ekologii v Rossii: pedagogika i psikhologiya v interesakh ustoichivogo razvitiya: sbornik statei nauchno-prakticheskoi konferentsii [Year of Ecology in Russia: pedagogy and psychology in the interests of sustainable development]*. Moscow: Publ. «Pero», 2017. pp. 381–383.
7. Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. 'Degradedness and Insultedness' as Personality Trait: A Phenomenological Analysis of Victim Position. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2014. Vol. 5, no. 2, pp. 13–26. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Nartova-Bochaver S.K., Bochaver A.A., Reznichenko S.I., Khachaturova M.R. Dom i ego obitateli: psikhologicheskoe issledovanie [The house and its inhabitants: a psychological study.]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018. 293 p.
9. Reznichenko S.I., Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B. Metod otsenki privyazannosti k domu [The Instrument for Assessment of Home Attachment]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2016. Vol. 13, no. 3, pp. 498–518.
10. Tomil'tseva D.A. Opyt proshcheniya: sotsial'no-filosofskii analiz. Avtoref. diss. kand. philos.. nauk. [The experience of forgiveness: socio-philosophical analysis. Ph.D. (Philosophy) Thesis]. Ekaterinburg, 2010. 21 p.
11. Chukova A.S. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki proshcheniya kak fenomena mezhlichnostnogo obshcheniya. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Socio-psychological characteristics of forgiveness as a phenomenon of interpersonal communication. PhD (Psychology) Thesis]. Saratov, 2011. 22 p.

12. APA dictionary of psychology. In Gary R. Van den Bos (Ed.) Second Edition. York: Maple Press, 2015. 1204 p.
13. Awang Z. Structural equation modeling using AMOS graphic. Penerbit Universiti Teknologi MARA, 2012. 167 p.
14. Bartholomaeus J., Strelan P. Just world beliefs and forgiveness: The mediating role of implicit theories of relationships. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 96, pp. 106–110.
15. Boszormenyi-Nagy I., Krasner B.R. Between give and take: A clinical guide to contextual therapy. New York, NY: Brunner/Mazel, 1986. 432 p. doi:10.2307/583562.
16. Brown T. A. Confirmatory factor analysis for applied research. Guilford Publications, 2014. 462 p.
17. Case D. Contributions of journeys away to the definition of home: An empirical study of a dialectical process. *Journal of Environmental Psychology*, 1996, no. 16, pp. 1–15. doi:10.1006/jev.1996.0001
18. Di Masso A., Williams D.R., Raymond C.M., Buchecker M., Degenhardt B., Devine-Wright P., Stedman R. Between fixities and flows: Navigating place attachments in an increasingly mobile world. *Journal of Environmental Psychology*, 2019. Vol. 61, pp. 125–133. doi:10.1016/j.jenvp.2019.01.006
19. Fincham F.D. Forgiveness: Integral to a science of close relationships. In: M. Mikulincer, Ph.R. Shaver (Eds.) *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature*. NY: American Psychological Association (APA), 2009. pp. 347–365.
20. Fitness J., Peterson J. Punishment and forgiveness in close relationships: An evolutionary, social-psychological perspective. *Social relationships: Cognitive, affective, and motivational perspectives*, 2008. pp. 255–69.
21. Gilbert P., Mc Ewan K., Matos M., Ravis A. Fears of compassion: Development of three self-report measures. *Psychology and Psychotherapy: Theory, research and practice*, 2011, no. 84(3), pp. 239–255.
22. Girard M., Mullet É. Propensity to forgive in adolescents, young adults, older adults, and elderly people. *Journal of Adult Development*, 1997, no. 4, pp. 209–220.
23. Heidegger M. Building, dwelling, thinking. In *Poetry, language and thought*. NY: Colophon Book, 1971. pp. 145–161.
24. Holeman V.T., Dean J.B., De Shea L., Duba J.D. The multidimensional nature of the quest construct forgiveness, spiritual perception, and differentiation of self. *Journal of Psychology and Theology*, 2011. 39(1), pp. 31–43.
25. Johansson L.-O. Preferences for equity and equality in scarcity and abundance. *15th Biennial Conference of the International Society for Justice Research* June 19–22, 2014. NY: University Press, 2014. p. 102.
26. Kalayjian A., Paloutzian R. F. Forgiveness and reconciliation. NY: Springer, 2009. 310 p.
27. Kohlberg L. The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment. *Journal of Philosophy*, 1973. Vol. 70, no. 18, pp. 630–646. doi:10.2307/2025030. JSTOR 2025030.
28. Malcolm W.M., Greenberg L.S. Forgiveness as a process of change in individual psychotherapy. In M.E. McCullough, K.I. Pargament, C. E. Thoresen (Eds.) *Forgiveness: Theory, research, and practice*. NY: Guilford, 2000. pp. 179–202.

29. McCullough M.E., Witvliet C.V. The psychology of forgiveness. In: C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.) *Handbook of positive psychology*. NY: Oxford, 2002. pp. 446–455.
30. McCullough M.E., Worthington Jr.E.L., Rachal K.C. Interpersonal forgiving in close relationships. *Journal of personality and social psychology*, 1997. 73(2), pp. 321–336.
31. Morgan P. Towards a developmental theory of place attachment. *Journal of Environmental Psychology*, 2010. Vol. 30, no. 1, pp. 11–22. doi: 10.1016/j.jenvp.2009.07.001
32. Thompson L.Y., Snyder C.R., Hoffman L., Michael S.T., Rasmussen H.N., Billings L.S., Heinze L., Neufeld J.E., Shorey H.S., Roberts J.C., Roberts D.E. Dispositional forgiveness of self, other, and situations. *Journal of Personality*, 2005. Vol. 73, pp. 313–359.
33. Thoresen C. E. Forgiveness interventions: What is known and what needs knowing. CE Thoresen (Chair), *Forgiveness and health-The Stanford forgiveness project symposium. Symposium conducted at the annual convention of the American Psychological Association*, San Francisco, 2001. pp. 93–101.
34. Wade N. G., Worthington Jr E. L. Overcoming interpersonal offenses: Is forgiveness the only way to deal with unforgiveness? *Journal of Counseling & Development*, 2003. Vol. 81, no. 3, pp. 343–353.
35. Wenzel M., Okimoto T.G. The varying meaning of forgiveness: Relationship closeness moderates how forgiveness affects feelings of justice. *European Journal of Social Psychology*, 2012, no. 42 (4), pp. 420–431.

Информация об авторах

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: s-nartova@yandex.ru

Адамян Анна Андреевна, аспирант департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9769-877X>, e-mail: adamyanyan@gmail.com

Information about the authors

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Psychology, Professor of the School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: s-nartova@yandex.ru

Anna A. Adamyan, Postgraduate Student, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9769-877X>, e-mail: adamyanyan@gmail.com

Получена 17.02.2019

Принята в печать 21.02.2020

Received 17.02.2019

Accepted 21.02.2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

**Светлой памяти Елены Олеговны Смирновой
1 ноября 1947 г. — 3 февраля 2020 г.**

Для цитаты: Светлой памяти Елены Олеговны Смирновой // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 211–213. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110113>

**In memory of E.O. Smirnova
01.11.1947–03.02.2020**

On February 3d, Elena O. Smirnova passed away. This brilliant, beautiful, cheerful woman, whose sense of humour brightened our days, will be much missed. She left this world an accomplished person still full of ideas and unfinished projects.

For citation: In memory of E.O. Smirnova. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 211–213. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110113> (In Russ.).

3 февраля ушла из жизни Елена Олеговна Смирнова. Скоропостижно, неожиданно, безвременно. Не стало с нами этого красивого, умного, доброго, веселого, с блестящим чувством юмора человека. Человека состоявшегося и при этом полного идей, планов, незавершенных проектов.

Елена Олеговна родилась 1 ноября 1947 г. в Москве. В 1966 г. после окончания школы поступила на факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, в том году и созданный. Ее учителями были А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, Д.Б. Эльконин и другие ярчайшие представители московской психологической школы, элиты мировой науки. Свою первую курсовую работу Е.О. Смирнова написала под руководством Л.Ф. Обуховой, которая, уходя в декрет, буквально за руку привела третьекурсницу Лену Смирнову в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО) в лабораторию Маи Ивановны Лисиной. И это на всю предстоящую жизнь определило сферу научной деятельности и научных интересов Елены Олеговны.

М.И. Лисина, выдающийся исследователь самых ранних этапов человеческой жизни, внесла весомый вклад в развитие культурно-исторической теории и теории деятельности, доказав продуктивность рассмотрения общения как своеобразной деятельности со всеми ее структурными элементами. Ее ученики и сотрудники, среди которых была и Е.О. Смирнова, в остроумных экспериментальных исследованиях изучили разные формы общения детей со взрослыми и сверстниками в младенческом, раннем и дошкольном детстве, специфику общения детей, воспитыва-

ющихся в семье и вне семьи, роль общения в психическом и личностном развитии маленьких детей. Е.О. Смирнова разработала новый подход к изучению межличностных отношений ребенка, связанный с выделением личностного и предметного начала, который позволил по-новому подойти к исследованию психического развития ребенка, его нравственного становления.

В этой лаборатории Е.О. Смирнова прошла путь от лаборантки до заведующей. В этом институте защитила кандидатскую (1977) и докторскую (1992) диссертации. В последние годы, до последнего дня своей жизни, она руководила уникальным научным Центром психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), совмещая научную и практическую деятельность. Она вела также большую педагогическую работу, будучи профессором кафедры дошкольной педагогики и психологии МГППУ: читала лекции, вела семинары и вебинары, руководила дипломными и магистерскими проектами. Под ее руководством защищено более 20 кандидатских диссертаций.

Е.О. Смирнова является автором и соавтором многочисленных статей, учебников и учебных пособий, научных монографий и популярных книг. Наиболее известные из них: учебник «Детская психология» (пять переизданий), «Дошкольник в современном мире» (2006), «Игрушки наших детей» (2012), «Конфликтные дети» (в соавт. с В.М. Холмогоровой, 2009), «Общение дошкольников со взрослыми и сверстниками» (2012), учебник «Психология и педагогика игры» (в соавт. с И.А. Рябковой, 2016) и др. Всего в списке ее науч-

ных публикаций свыше 300 работ. В последние годы Е.О. Смирнова пристально изучала разные аспекты современного детства, меняющиеся игры и игрушки детей XXI века, ту роль, которую стала играть в их жизни, общении и развитии цифровая культура.

Работы Е.О. Смирновой широко известны и получили достойное признание и в нашей стране, и за рубежом. Она стала признанным лидером, несомненным авторитетом в своей области. Е.О. Смир-

нова, доктор психологических наук, профессор, почетный профессор МГППУ, была награждена медалями К.Д. Ушинского и Г.И. Челпанова «За вклад в развитие психологической науки», получила звание лауреата премии Правительства Российской Федерации в области образования за цикл трудов «Система воспитания и развития детей от рождения до семи лет». Ее любили коллеги, студенты и аспиранты, друзья и родные.

Утрата невозполнима.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *А.А. Кошкина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *A.A. Koshkina*

Maker-up *M.A. Baskakova*